

Оскар и розовая дама

Oskar e rose dama

Oscar et la Dame rose

Дорогой Бог,
меня зовут Оскар, мне десять лет, я поджигал кошку, собаку, дом (думаю, что при этом золотые рыбки поджарились), и пишу я тебе в первый раз, потому что раньше времени не было -- из-за школы.

Сразу же предупреждаю: сам я писать терпеть не могу. Только если заставят! Потому что ненавижу все эти закорючки, фестончики, росчерки и прочее. Лживые

Kare Boh,
me nami Oskar, me hev shi yar, me gwo agnisi kota, doga, dom (me dumi ke goldefish rosti al se), e me skribi a yu nau pa un-ney ves bikos bifooen me bu hev-te taim por skola.

Me warni yu tuy: me ga nopri skribi. Me skribi sol wen me majbur. Bikos tu skribi maini fai oli sey letra-ney girlanda, pompon, smaila-ki, banda-ki e tak for. Tu skribi es nixa krome

Cher Dieu,
Je m'appelle Oscar, j'ai dix ans, j'ai foutu le feu au chat, au chien, à la maison (je crois même que j'ai grillé les poissons rouges) et c'est la première lettre que je t'envoie parce que jusqu'ici, a cause de mes études, j'avais pas le temps.

Je te préviens tout de suite : j'ai horreur d'écrire. Faut vraiment que je sois obligé. Parce qu'écrire c'est guirlande, pompon, risette, ruban, et cetera. Écrire, c'est rien qu'un mensonge qui enjolive.

улыбочки и приукрашивание.
Писать -- это взрослые штучки.

Чем докажу? Да хотя бы началом собственного письма: "Меня зовут Оскар, мне десять лет, я поджигал кошку, собаку, дом (думаю, что при этом золотые рыбки поджарились), и пишу я тебе в первый раз, потому что раньше времени не было - из-за школы"... А мог бы написать: "Меня зовут Лысый, на вид мне лет семь, живу я в больнице, потому что у меня рак, а не писал тебе, потому что не подозревал о твоём существовании".

Но если бы я так написал, это произвело бы плохое впечатление, и ты бы не стал мною заниматься. А мне нужно, чтобы занимался. Меня бы вполне устроило, если бы ты нашел время оказать мне пару-тройку услуг. Сейчас объясню.

Больница моя -- классное место. Вокруг -- куча взрослых, все -- в отличном настроении и громко говорят; куча игрушек, розовых дам, которые развлекают детей, а также ровесников типа Эйнштейна, Попкорна или Копченого сала. Короче, если ты здешний больной, тут вполне можно словить свой кайф.

Но у меня с кайфом больше не получается. После пересадки костного мозга с удовольствиями стало плоховато. Когда

lugin fo mah swa prival. Adulta-truk.

Kwel pruva? Wel, walaa beginsa de may leta: "Me nami Oskar, me hev shi yar, me gwo agnisi kota, doga, dom (me dumi ke goldefish rosti al se), e me skribi a yu nau pa un-ney ves bikos bifooen me bu hev-te taim por skola"... Yedoh me mog-te skribi tak: "Oni nami me Kalva, me aspekti kom si me hev sem yar, me jivi in hospital por may kanser, e me bu gwo skribi a yu bifooen por ke me ga bu jan-te ke yu existi."

Bat si me wud he skribi tak, to wud fai buhao impresa, e yu wud fai meno interes om me. E me nidi hi ke yu fai interes.

Me wud bi ga santush si yu wud findi idyen taim fo fai dwa o tri serva fo me.

Me sal expliki a yu.

May hospital es ya super-prival loko do menga hao-muda-ney adulta kel toki lautem, do menga pleika e do rose damas kel amusi kindas, e yoshi do sam-yash-ney gayar kom Bekon, Einshtein o Popkorn. Kurtem, si yu es morbi-sha kel janmog fai plesir, hospital es ya hao loko.

Yedoh me bu janmog fai plesir pyu. Depos transplanta de may osta-medula may plesir bu gei fai. Wen doktor Dusseldorf lai pa sabah fo

Un truc d'adultes.

La preuve? Tiens, prends le début de ma lettre : «Je m'appelle Oscar, j'ai dix ans, j'ai foutu le feu au chat, au chien, a la maison (je crois même que j'ai grillé les poissons rouges) et c'est la première lettre que je t'envoie parce que jusqu'ici, a cause de mes études, j'avais pas le temps », j'aurais pu aussi bien mettre : « On m'appelle Crâne d'OEuf, j'ai l'air d'avoir sept ans, je vis a l'hôpital a cause de mon cancer et je ne t'ai jamais adressé la parole parce que je crois même pas que tu existes. »

Seulement si j'écris ça, ça la fout mal, tu vas moins t'intéresser a moi. Or j'ai besoin que tu t'intéresses.

Ça m'arrangerait même que tu aies le temps de me rendre deux ou trois services.

Je t'explique.

L'hôpital, c'est unendroit super-sympa, avec plein d'adultes de bonne humeur qui parlent fort, avec plein de jouets et de dames roses qui veulent s'amuser avec les enfants, avec des copains toujours disponibles comme Bacon, Einstein ou Pop Corn, bref, l'hôpital, c'est le pied si tu es un malade qui fait plaisir.

Moi, je ne fais plus plaisir. Depuis ma greffe de moelle osseuse, je sens bien que je ne fais plus plaisir. Quand le docteur Dusseldorf m'examine,

доктор Дюссельдорф приходит утром с обходом и не может прослушать у меня сердце, он страшно мною недоволен. Молча смотрит так, будто я провинился. Хотя я очень старался во время операции; хорошо себя вел, спокойно дал себя усыпить, мне было больно, но я не кричал, и все лекарства принимал послушно. Бывают дни, когда мне хочется на него наорать, высказать ему прямо, что, возможно, это именно он, доктор Дюссельдорф, вместе с его черными бровями запорол операцию. Но вид у него такой несчастный, что обвинения застревают в горле. И чем дольше помалкивает опечаленный доктор Дюссельдорф, тем глубже чувствую я свою вину. Мне стало ясно: я -- плохой больной, потому что мешаю уверовать в то, что медицина -- это здорово.

Наверное, мысли у врачей - заразные. И теперь весь этаж -- сестры, практиканты и нянечки -- все смотрят на меня с таким же выражением, как и он. У них печальный вид, когда у меня хорошее настроение; они смеются через силу, когда я острою. По правде говоря, никто уже здесь и не шутит, как прежде.

Не изменилась только Розовая мама. По моему, она просто слишком старая, чтобы меняться. И еще -- слишком Розовая она дама. Я тебя, Господи, с ней не знакомлю, потому что наверняка она -- твоя хорошая

examini me, ta bu mog beaudi may kordia, e ta iri om me. Ta silensi kan me kom si me he zwo koy galta. Obwol me he gro-eforti duran operasion: me suluki hao, me lasi ke oni mah-somni me, me toleri tunga sin kraisa, me gloti oli farmak. Koydey me gro-yao kraai an ta, rek shwo a ta ke mogbi ta hi, to doktor Dusseldorf do swate brova, ta selfa he mah-fali may operasion. Bat ta aspekti tanto nofelise ke insulta to akusa sim bu fa-aus e resti in gorla. Kem pyu doktor Dusseldorf silensi-tristefai, tem pyu me senti swa-ney kulpa. Me en-samaji ke me he bikam buhao morbi-sha, por ke me impedi ke oni kredi ke medisina es super kosa.

Doktor-ney duma es shayad infektishil. Nau tote etaja, oli mednana, studi-sha, helpi-nana, li kan me pa simile dao. Li aspekti triste wen me hev hao muda; li mah swa ridi wen me fai joka. Pa fakta, oni ga bu joki kom bifooen.

Sol Rose mama bu shanji. Ela es sim tro lao fo shanji, segun me. Yoshi ela es tro rose ya mama. Den Rose mama, me bu presenti ela a yu, Boh, ela es ya yur hao amiga, sikom ela hi he proposi ke me skribi a yu. Sole problema es ke nulwan

le matin, le coeur n'y est plus, je le déçois. Il me regarde sans rien dire comme si j'avais fait une erreur. Pourtant je me suis appliqué, moi, a l'opération ; j'ai été sage, je me suis laissé endormir, j'ai eu mal sans crier, j'ai pris tous les médicaments. Certains jours, j'ai envie de lui gueuler dessus, de lui dire que c'est peut-être lui, le docteur Dusseldorf, avec ses sourcils noirs, qui l'a ratée, l'opération. Mais il a l'air tellement malheureux que les insultes me restent dans la gorge. Plus le docteur Dusseldorf se tait avec son oeil désolé, plus je me sens coupable. J'ai compris que je suis devenu un mauvais malade, un malade qui empêche de croire que la médecine, c'est formidable.

La pensée d'un médecin, c'est contagieux. Maintenant tout l'étage, les infirmières, les internes et les femmes de ménage, me regarde pareil. Ils ont l'air tristes quand je suis de bonne humeur ; ils se forcent a rire quand je sors une blague. Vrai, on rigole plus comme avant.

Il n'y a que Mamie-Rose qui n'a pas changé. A mon avis, elle est de toute façon trop vieille pour changer. Etpuis elle est trop Mamie-Rose, aussi. Mamie-Rose, je te la présente pas, Dieu, c'est une bonne copine a toi, vu que c'est elle qui m'a dit de t'écrire. Le problème, c'est qu'il n'y a que

подружка, поскольку именно она сказала, чтобы я тебе написал. Проблема только в том, что один я называю ее Розовой мамой. И тебе придется сделать усилие, чтобы понять, о ком именно я говорю. Так вот, из всех дам в розовых халатах, которые специально приходят в больницу -- проводить время с больными детьми, она -- самая древняя.

-- Сколько же вам стукнуло, Розовая мама?

-- А сумеешь ты запомнить число из тринадцати цифр, дружочек мой, Оскар?

-- Вы шутите!

-- Нет. Не надо, чтобы здесь знали мой возраст, а то прогонят, и мы больше не увидимся.

-- Почему?

-- Я здесь незаконно. Существуют определенные возрастные границы для розовых дам. И я их давно нарушила.

-- Ваш срок истек?

-- Да.

-- Как у йогурта?

-- Тсс...

-- Ладно! Я никому не скажу!

Вот с такой отчаянной смелостью она доверила мне свою тайну. Но во мне она может не сомневаться. Я буду молчать, хотя мне и странно думать, что при виде морщин, которые, как солнечные лучи, окружают ее глаза, кто-то может ошибиться в ее возрасте.

В другой раз я узнал еще одну ее тайну, и она

krome me bu nami ela Rose mama. Also yu majbur eforti idyen fo samaji om hu me zai shwo. Wel, miden oli ti lai a hospital fo pasi taim kun morbe kinda na dama do rose blusa ela es zuu yash-ney.

- Kwanto yar yu hev, Rose mama?

- Ob yu mog remembi namba do shi-tri sifra, may amiga-ki Oskar?

- Oo! Yu joki ya!

- Non. Treba ke hir oni bu jan may yash, otrekas oni ve mah me wek e nu bu ve vidi mutu pyu.

- Way?

- Me es hir pa kontrabanda-si. Ye sertene yash-limita fo rose dama. E me he sobrepasi it longtaim bak yo.

- Yu he expiri?

- Ya.

- Kom yogur?

- Shsh!

- Problema yok! Me bu ve shwo a nulwan.

Walaa kun kwel denaden kuraja ela konfidi swaney sekret a me. Bat kun me hi ela mog ya sta sigure. Me bu ve mah-fali ela, obwol sembli strane ke oni mog dubi om elay yash al vidi oli ruga-ki kel sirkumi elay okos ga kom surya-ray.

Pa otre kas me pai en-jan yoshi un de elay sekret,

moi qui l'appelle Mamie-Rose. Donc faut que tu fasses un effort pour voir de qui je parle : parmi les dames en blouse rose qui viennent de l'extérieur passer du temps avec les enfants malades, c'est la plusvieille de toutes.

- C'est quoi votre âge, Mamie-Rose ?

- Tu peux retenir les nombres a treize chiffres, mon petit Oscar?

- Oh ! Vous charriez !

- Non. Il ne faut surtout pas qu'on sache mon âge ici sinon je me fais chasser et nous ne nous verrons plus.

- Pourquoi ?

- Je suis la en contrebande. Il y a un âge limite pour être dame rose. Et je l'ai largement dépassé.

- Vous êtes périmée ?

- Oui.

- Comme un yaourt ?

- Chut!

- O.K. ! Je dirai rien.

Elle a été vachement courageuse de m'avouer son secret. Mais elle est tombée sur le bon numéro. Je serai muet même si je trouve étonnant, vu toutes les rides qu'elle a, comme des rayons de soleil autour des yeux, que personne ne s'en soit douté.

Une autre fois j'ai appris un de ses autres secrets,

уж точно поможет тебе, Господи, распознать мою Розовую маму. Гуляем мы как-то в больничном саду, и она вляпывается в грязь.

-- Блин!

-- Мадам, это нехорошее слово.

-- А ты, мальчишка, не встревай, я говорю, как хочу.

-- О!

-- И пошевеливайся! У нас ведь прогулка, а не черепашьи бега.

Когда мы с ней присели, чтобы закусить конфеткой, я ее спросил:

-- Как могло случиться, что вы употребляете подобные слова?

-- Издержки профессии, дружочек мой, Оскар. В моем ремесле я бы не выжила, если бы выражалась слишком уж деликатно.

-- И какая же была у вас профессия?

-- Ты не поверишь...

-- Клянусь, что поверю...

-- Вольноамериканская борьба.

-- Не может быть!

-- Кетчистка я, говорят же тебе. Меня даже прозвали Лангедокская потрошительница.

Позднее, когда меня одолевали мрачные мысли, а она была уверена, что никто нас не подслушивает, Розовая мама рассказала мне о своих важнейших матчах: Лангедокская потрошительница против Лимузинской колбасницы. Или о своем двадцатилетнем соперничестве с Дьяволицей Синклер,

e it ve sertem lasi yu, Boh, rekoni may Rose mama. Undey nu promeni in hospital-parka e ela go-geti inu koy kicha.

- Shatam!

- Rose mama, se bu es hao worda.

- Oo, boy, bu interfai ba, me shwo kom me yao.

- Oo Rose mama!

- E muvi ba swa pyu kway. Nu fai promena hi, bu tortuga-lopa.

Afte ke nu en-sidi on bencha fo jui-chi bonbon, me kwesti ela:

- Komo eventi ke yu shwo tan buhao worda?

- Deforma do profesion, may amiga-ki Oskar. Pa may zunsa me bu wud mog ausjivi si me wud expresi swa tro delikatem.

- E kwel bin yur zunsa?

- Yu bu ve kredi...

- Me fai kasam ke me ve kredi.

- Kech to luching.

- Me bu kredi!

- Kechista me es! Oni gwo nami me Langedok-ney Tufer.

Pyu tardem, al ke me zai fai koy glumduma e ela sta serte ke nulwan mog audi nu, Rose mama rakonti a me om swa-ney zuy muhim mach:

Langedok-ney Tufer kontra Limusin-ney Sosisyuan. E om swa-ney dwashi-yar-ney kompeta kun Sinkler Diabolina, un niderland-gina do dwa kulagron inplas mamila. E sobreolo

et avec ça, c'est sûr, Dieu, tu vas pouvoir l'identifier. On se promenait dans le parc de l'hôpital et elle a marché sur une crotte.

- Merde!

- Mamie-Rose, vous dites des vilains mots.

- Oh, toi, le même, lâche-moi la grappe un instant, je parle comme je veux.

- Oh Mamie-Rose !

- Et bouge-toi le cul. On se promène, la, on ne fait pas une course d'escargots.

Quand on s'est assis pour sucer un bonbon sur un banc, je lui ai demandé :

- Comment se fait-il que vous parliez si mal ?

- Déformation professionnelle, mon petit Oscar. Dans mon métier, j'étais foutue si j'avais le vocabulaire trop délicat.

- Et c'était quoi votre métier ?

- Tu ne vas pas me croire...

- Je vous jure que je vous croirai.

- Catcheuse.

- Je ne vous crois pas !

- Catcheuse! On m'avait surnommée l'Étrangleuse du Languedoc.

Depuis, quand j'ai un coup de morosité et qu'elle est certaine que personne ne peut nous entendre, Mamie-Rose me raconte ses grands tournois : l'Étrangleuse du Languedoc contre la Charcutière du Limousin, sa lutte pendant vingt ans contre Diabolica Sinclair, une Hollandaise qui avait des obus à la place des seins, et surtout

голландкой, у которой, вместо груди -- два снаряда. И в особенности -- о кубке мира, где она сражалась с Улла-Улла по прозвищу "Бухенвальдская сука", которую никто прежде не сумел одолеть. Не удалось это даже Стальным ляжкам, идеалу моей Розовой мамы, когда она была кетчисткой.

Я этими сражениями просто грезил, воображая, как на ринге моя подружка в нынешнем ее виде -- маленькая, старенькая, в розовом халате, с дрожащими руками -- колошматит одну за другой великанш в спортивных майках. Я видел себя на ее месте. Я становился сильнее. Я чувствовал себя отомщенным.

Итак, если со всеми этими подсказками ты, Господи, не сумеешь вычислить Розовую маму, значит, тебе пора на пенсию, и ты больше не годишься для своей роли. Мне кажется, я был предельно ясен? Возвращаюсь к своим делам.

Повторяю, моя пересадка многих здесь расстроила. Химия тоже не обрадовала, но тогда была надежда на пересадку, и все выглядело не так безнадежно. Теперь же у меня впечатление, что лекарям просто нечего предложить, хотя они меня и жалеют. У доктора Дюссельдорфа, которого мама считает красавцем, а по мне -- так он слишком уж бровастый, у него такое несчастное выражение лица, будто он Дед Мороз, у которого не хватило на всех

om munda-kopa kontra ti nulwan gwo mog jiti na Ulla-Ulla namen Dogina de Buhenwald. Ferney Kalchas kel gwo bi Rose-mama-ney ideal pa toy taim, iven ta bu pai-te jiti toy Ulla-Ulla.

Me drimi-sonji ya om toy batalas, al imajini may amigina on ringa pa elay nau-nay aspekta de syao laogina do rose blusa e do idyen tremi-she handas, kel zai gro-bati sporta-klaida-ney gigantinas. Dan sembli a me ke me hi es dar, bu ela. Me fa-forte. Me venji pur swa.

Wel, si kun oli sey ansha yu, Boh, bu pai samaji kwel dama es may Rose mama, dan treba ke yu fini bi Boh, demisioni e pai pension. Me bin zuy klare posible, bu ver? Me returni a may dela.

May transplanta mah-triste mucho jen hir, me repeti. May kemia-leking toshi bu joisi-te, bat to bu bin tro grave por ke ye-te nada om transplanta. Nau sembli a me, ke oli leker sim bu jan kwo proposi pyu, obwol li ya piti me. Doktor Dusseldorf selfa (mama opini ke ta es jamila, bat me dumi ke ta es ya tro brovamuy), ta hev nofelise myen e simili ya Opa Frosta kel bu hev basta dona fo oli in suy bao.

sa coupe du monde contre Ulla-Ulla, dite la Chienne de Buchenwald, qui n'avait jamais été battue, même par Cuisses d'Acier, le grand modèle de Mamie-Rose quand elle était catcheuse.

Moi, ça me fait rêver ses combats, parce que j'imagine ma copine comme maintenant sur le ring, une petite vieille en blouse rose un peu branlante entrain de foutre la pâtée a des ogresses en maillot. J'ai l'impression que c'est moi. Je deviens le plus fort. Je me venge.

Bon, si avec tous ces indices, Mamie-Rose ou l'Etrangleuse du Languedoc, tu ne repères pas qui est Mamie-Rose, Dieu, alors il faut arrêter d'être Dieu et prendre ta retraite. Je pense que j'ai été clair? Je reviens a mes affaires.

Bref, ma greffe a beaucoup déçu ici. Ma chimio décevait aussi mais c'était moins grave parce qu'on avait l'espoir de la greffe. Maintenant, j'ai l'impression que les toubibs ne savent plus quoi proposer, même que ça fait pitié. Le docteur Dusseldorf, que maman trouve si beau quoique moi je le trouveun peu fort des sourcils, il a la mine désolée d'un Père Noel qui n'aurait plus de cadeaux dans sa hotte.

подарков.

Атмосфера уже не такая хорошая. Мы говорили об этом с моим приятелем Копченое сало. На самом деле его зовут Ив, но мы его прозвали Копченое сало, это больше ему подходит, потому что ему сильно досталось от огня.

-- Сдается мне, Копченое сало, что врачам я перестал нравиться, у них от меня портится настроение.

-- О чем ты, Лысый! Врачи несокрушимы, и их всегда преодолевают желания, как бы где чего прооперировать. По моим подсчетам, мне они предлагали операции, по крайней мере, шесть раз.

-- Может, ты вызываешь у них вдохновение.

-- Надо думать.

-- Но почему бы им просто не сказать, что я скоро умру?

И тут Копченое сало повел себя точно так, как все в больнице: он оглох. Стоит в больнице произнести слово "смерть", как все перестают тебя слышать. Будь уверен, в ухе у собеседника тотчас возникнет воздушная пробка, и он переведет разговор на другую тему. Я уже на всех это проверил. Кроме Розовой мамы.

В то утро я хотел убедиться, станет ли и она тугоухой после моего вопроса.

Atmosfera fa-buhao. Me toki-te om se kun may amiga-si Bekon. Pa fakta ta nami Iv, bat nu nami ta Bekon. Es ke sey nam fiti ta pyu, por jalwunda ke ta he subi.

- Bekon, sembli a me ke oli nuy leker, li bu pri me pyu. Li fa-triste por me.

-Yu shwo se ya, Kalva! Leker es sinfatige. Li sempre hev gro-yaosa om fai koy operasion. Me konti ley proposa om may operasion. Ye-te amini sit.

- Shayad yu inspiri li.

- Ver-simile.

- Bat way oni bu sim shwo a me ke me sal morti?

Al se Bekon suluki ga kom oli otre wan in hospital: ta fa-surde. Si yu shwo "morta" in hospital, nulwan audi yu. Yu mog bi serte ke oni tuy en-hev aira-stopa in aur e en-shwo om koysa otre. Me he yo probi se kun oli. Exepte Rose mama.

Pa toy sabah me yao-te kan ob ela toshi ve fagluhe afte may kwesta.

L'atmosphère se détériore. J'en ai parlé a mon copain Bacon. En fait il s'appelle pas Bacon, mais Yves, mais nous on l'a appelé Bacon parce que ça lui va beaucoup mieux, vu qu'il est un grand brûlé.

- Bacon, j'ai l'impression que les médecins ne m'aiment plus, je les déprime.

- Tu parles, Crâne d'OEuf ! Les médecins, c'est inusable. Ils ont toujours plein d'idées d'opérations a te faire. Moi, j'ai calculé qu'ils m'en ont promis au moins six.

- Peut-être que tu les inspires.

- Faut croire.

- Mais pourquoi ils ne me disent pas tout simplement que je vais mourir ?

La, Bacon, il a fait comme tout le monde a l'hôpital : il est devenu sourd. Si tu dis «mourir» dans un hôpital, personne n'entend. Tu peux être sûr qu'il va y avoir un trou d'air et que l'on va parler d'autre chose. J'ai fait le test avec tout le monde. Sauf avec Mamie-Rose.

Alors ce matin, j'ai voulu voir si, elle aussi, elle devenait dure de la feuille a ce moment-la.

-- Розовая мама, мне кажется, никто не хочет мне сказать, что я скоро умру.

Она глядит на меня. Будет ли ее реакция, как у других? Прошу тебя, Лангедокская потрошительница, держи ушки на макушке, не глохни!

-- А зачем тебе, Оскар, это говорить, если ты и сам все знаешь?

Уф, услышала!

-- Розовая мама, мне кажется, что они придумали другую больницу, вместо той, что существует в реальности. Они ведут себя так, будто в больницу приходят только выздоравливать. Но ведь на самом деле здесь и умирают.

-- Ты прав, Оскар. Думаю, то же заблуждение касается и жизни. Мы забываем, что она эфемерна, непрочна, бренна. И притворяемся бессмертными.

-- Мне сделали неудачную операцию? Розовая мама не ответила. Это был ее способ ответить утвердительно. Убедившись, что я понял, она подошла и спросила умоляющим голосом:

-- Я ведь ничего тебе не сказала? Ты не проговоришься?

-- Ни за что!

Немного помолчали: как раз время переварить новые мысли.

-- А не написать ли тебе Господу, Оскар?

-- Ах, нет, только не вы, Розовая мама!

-- Что не я?

-- Не вы! Я думал, что хотя бы вы не лжете.

- Rose mama, sembli a me ke nulwan bu yao shwo a me ke me sal morti.

Ela kan me. Ob ela sal fa-gluhe kom otre-las? Me pregi yu, Langedok-ney Tufer, resisti ba e audi for!

- Way oni gai shwo a yu si yu selfa jan, Oskar?

Uf, ela he audi.

- Sembli a me, Rose mama, ke li he imajini-inventi fo swa koy otre hospital, e it shanji fon sey-la de realitaa. Li suluki kom si oni lai a hospital sol fo en-sta hao. Yedoh pa veritaa oni lai yoshi fo morti.

- Yu es prav, Oskar. Me dumi ke oni suluki samem pa ol jiva toshi. Nu fogeti ke jiva es fragile, efemere, kway-pasi-ke. Nu simuli ke nu es sinmorta-ney.

- Oni he fali may operasion, Rose mama? Rose mama bu jawabi. Es elay dao fo shwo "ya". Afte en-sta sigure ke me he samaji, ela blisifi e pregi-kwesti:

- Me bu he shwo nixa a yu, bu ver? Ob yu janmog kipi sekret?

- Sertem.

Poy nu silensi idyen, es ya taim fo adapti a nove дума.

- Mogbi yu skribi ba a Boh, Oskar?

- Ah, non, bu yu, Rose mama!

- Kwo bu me?

- Bu yu! Me dumi-te ke vaika yu bu lugi.

- Bat me bu lugi ya.

- Mamie-Rose, j'ai l'impression que personne ne me dit que je vais mourir.

Elle me regarde. Est-ce qu'elle va réagir comme les autres ? S'il te plait, l'Étrangleuse du Languedoc, résiste et conserve tes oreilles !

- Pourquoi veux-tu qu'on te le dise si tu le sais, Oscar !

Ouf, elle a entendu.

- J'ai l'impression, Mamie-Rose, qu'on a inventé un autre hôpital que celui qui existe vraiment. On fait comme si on ne venait à l'hôpital que pour guérir. Alors qu'on y vient aussi pour mourir.

- Tu as raison, Oscar. Et je crois qu'on fait la même erreur pour la vie. Nous oublions que la vie est fragile, friable, éphémère. Nous faisons tous semblant d'être immortels.

- Elle est ratée, mon opération, Mamie-Rose?

Mamie-Rose n'a pas répondu. C'était sa manière à elle de dire oui. Quand elle a été sûre que j'avais compris, elle s'est approchée et m'a demandé, sur un ton suppliant :

- Je ne t'ai rien dit, bien sûr. Tu me le jures ?

- Juré.

On s'est tus un petit moment, histoire de bien remuer toutes ces nouvelles pensées.

- Si tu écrivais à Dieu, Oscar ?

- Ah non, pas vous, Mamie-Rose !

- Quoi, pas moi ?

- Pas vous ! Je croyais que vous n'étiez pas menteuse.

- Mais je ne te mens pas.

- Но я и не лгу.
- Тогда почему вы мне говорите о Боге? Меня однажды уже разыграли с Дедом Морозом. Этого достаточно!
- Оскар, Бог и Дед Мороз - совершенно разные вещи.
- Да нет, одно и то же. Задушивают мозги и все такое!
- Как ты считаешь, могу ли я, бывшая кетчистка, из ста шестидесяти пяти боев сто шестьдесят побед, из которых сорок три - нокаутом, могу ли я, Лангедокская потрошительница, хоть на секунду поверить в Деда Мороза?
- Нет.
- Так вот, в Деда Мороза я не верю, а в Бога верую. Само собой, такие ее слова все переменили.
- А зачем мне писать Богу?
- Тебе бы не было так одиноко.
- Не так одиноко с кем-то, кого не существует?
- Так пусть он для тебя существует! Она наклонилась ко мне.
- Каждый раз, когда ты в него поверишь, он станет существовать чуть больше. А если будешь верить упорно, он заживет в полную силу. И тогда сделает тебе добро.
- А что же мне ему написать?
- Поведай ему свои мысли. Те, которые ты не высказываешь вслух, то есть те, которые тебя тяготят, преследуют, беспокоят, сковывают, занимают
- Dan way yu shwo a me om Boh? Oni he yo pai juli me kun Opa Frosta. Un ves sufi!
- Oskar, liga inter Boh e Opa Frosta ga yok.
- Doh. Ye similitaa. Infuling de brein e lo simile!
- Ob yu imajini ke me to gwo-ney kechista do sto-sitshi jita per sto-sitshi-pet batala, me to Langedok-ney Tufer wud mog vaika duran un sekunda kredi in Opa Frosta?
- Non.
- Wel, ya me bu kredi in Opa Frosta. Yedoh me kredi in Boh hi. Walaa. Klar ke tal worda shanji olo.
- E way treba ke me skribi a Boh?
- Yu wud senti swa meno sole.
- Meno sole kun wan kel bu existi ku?
- Lasi ta existi.
- Ela inklini-blisifi a me.
- Kada ves al ke yu ve kredi in ta, ta ve existi idyen pyu. Si yu oltaim kredi for, ta ve existi-jivi fulem. E dan ta ve zwo haotaa fo yu.
- E kwo me mog skribi?
- Beskribi-rakonti yur dumas. Den toy-las ke yu bu shwo lautem, to es toy-las kel vegi, kel sekwi yu, kel nokalmi yu, kel bu lasi yu muvi hao, kel okupi plasa de nove-las e kel putrisi yu fon inen.
- Alors pourquoi vous me parlez de Dieu ? On m'a déjà fait le coup du Père Noel. Une fois suffit!
- Oscar, il n'y a aucun rapport entre Dieu et le Père Noel.
- Si. Pareil. Bourrage de crâne et compagnie!
- Est-ce que tu imagines que moi, une ancienne catcheuse, cent soixante tournois gagnés sur cent soixante-cinq, dont quarante-trois par K.-0., l'Étrangleuse du Languedoc, je puisse croire une seconde au Père Noel ?
- Non.
- Eh bien je ne crois pas au Père Noel mais je crois en Dieu. Voilà. Évidemment, dit comme ça, ça changeait tout.
- Et pourquoi est-ce que j'écirais a Dieu ?
- Tu te sentirais moins seul.
- Moins seul avec quelqu'un qui n'existe pas ?
- Fais-le exister. Elle s'est penchée vers moi.
- Chaque fois que tu croiras en lui, il existera un peu plus. Si tu persistes, il existera complètement. Alors, il te fera du bien.
- Qu'est-ce que je peux lui écrire ?
- Livre-lui tes pensées. Des pensées que tu ne dis pas, ce sont des pensées qui pèsent, qui s'incrument, qui t'alourdissent, qui t'immobilisent, qui prennent la place des

место свежих идей и разлагают тебя изнутри. Если ты их не выскажешь, рискуешь сделаться вонючей помойкой старых мыслей.

-- Согласен.

-- И, кроме того, у Господа ты можешь что-то попросить. Что-нибудь одно каждый день. Не более одного!

-- Слабоват ваш Бог, Розовая мама. У Аладдина с его волшебной лампой было право загадать три желания.

-- Одно желание в день -- это лучше, чем три за всю жизнь. Согласен?

-- Согласен. Значит, я могу у него попросить все, что угодно? Конфеты, игрушки, машину...

-- Нет, Оскар. Господь -- не Дед Мороз. Ты можешь попросить только вещи духовные.

-- Например?

-- Попросить мужества, терпения, просветления.

-- Ладно, я понял.

-- Ты также можешь подсказать ему, чтобы он и другим оказал милость.

-- С одним-то желанием в день! Не говорите глупостей, Мадам, сначала я использую его для себя!

Вот. Итак, Господи, по случаю первого письма я немного показал тебе, какую жизнь веду здесь, в больнице, где меня считают теперь препятствием на пути развития медицины, и хотел бы попросить у тебя

Yu sal bikam chou lazalok fo lao дума si yu bu lasi li gei shwo.

- Hao.

- Yoshi yu mog pregi Boh om un kosa per dey. Bye fogeti: un hi kosa!

- Ta es nulforsanik, yur Boh, Rose mama. Aladin do magike lampa mog-te fai tri yaosa.

- Un yaosa per dey es pyu hao kem tri la per ol jiva, bu ver?

- Ver. Also me mog pregi enisa? Pleika, bonbon, un auto...

- Non, Oskar. Boh bu es Opa Frosta. Yu mog pregi sol om spirituale kosa.

- Kwo es exampla?

- Pa exampla, kuraja, sabra, klarifa.

- Hao. Me samaji.

- Yoshi, Oskar, yu mog anshi om ke ta fai koy haotaa a otres.

- Ye sol in hi yaosa per dey, Rose mama! Bye fai pumbitaa, me sal yusi it primem fo swa selfa.

Walaa. Also, Boh, al kas de may un-ney leta, me he diki a yu idyen kwel sorta de jiva me zai fai hir, in hospital, wo oni kaulu me kom impeda de medisina-developa, e me wud yao pregi yu om klarifa, ob me ve haili. Jawabi ba, ya o non. Bu

idées neuves et qui te pourrissent. Tu vas devenir une décharge a vieilles pensées qui puent si tu ne parles pas.

- O.K.

- Et puis, a Dieu, tu peux lui demander une chose par jour. Attention ! Une seule.

- Il est nul, votre Dieu, Mamie-Rose. Aladin, il avait droit a trois voeux avec le génie de la lampe.

- Un voeu par jour, c'est mieux que trois dans une vie, non ?

- O.K. Alors je peux tout lui commander ? Des jouets, desbonbons, une voiture...

- Non, Oscar. Dieu n'est pas le Père Noel. Tu ne peux demander que des choses de l'esprit.

- Exemple?

- Exemple : du courage, de la patience, des éclaircissements.

- O.K. Je vois.

- Et tu peux aussi, Oscar, lui suggérer des faveurs pour les autres.

- Un voeu par jour, Mamie-Rose, faut pas déconner, je vais d'abord le garder pour moi!

Voila. Alors Dieu, a l'occasion de cette première lettre, je t'ai montré un peu le genre de vie que j'avais ici, a l'hôpital, où on me regarde maintenant comme un obstacle a la médecine, et j'aimerais te demander un éclaircissement : estce

просветления насчет того, выздоровлю ли я.
Ответь только да или нет? Не так уж и
сложно. Да или нет. Просто вычеркни
ненужное слово.

До завтра, целую, Оскар

P.S. Не знаю твоего адреса. Что будем
делать?

es mushkile. Sim ya o non. Wekreki bu-treba-
ney worda.

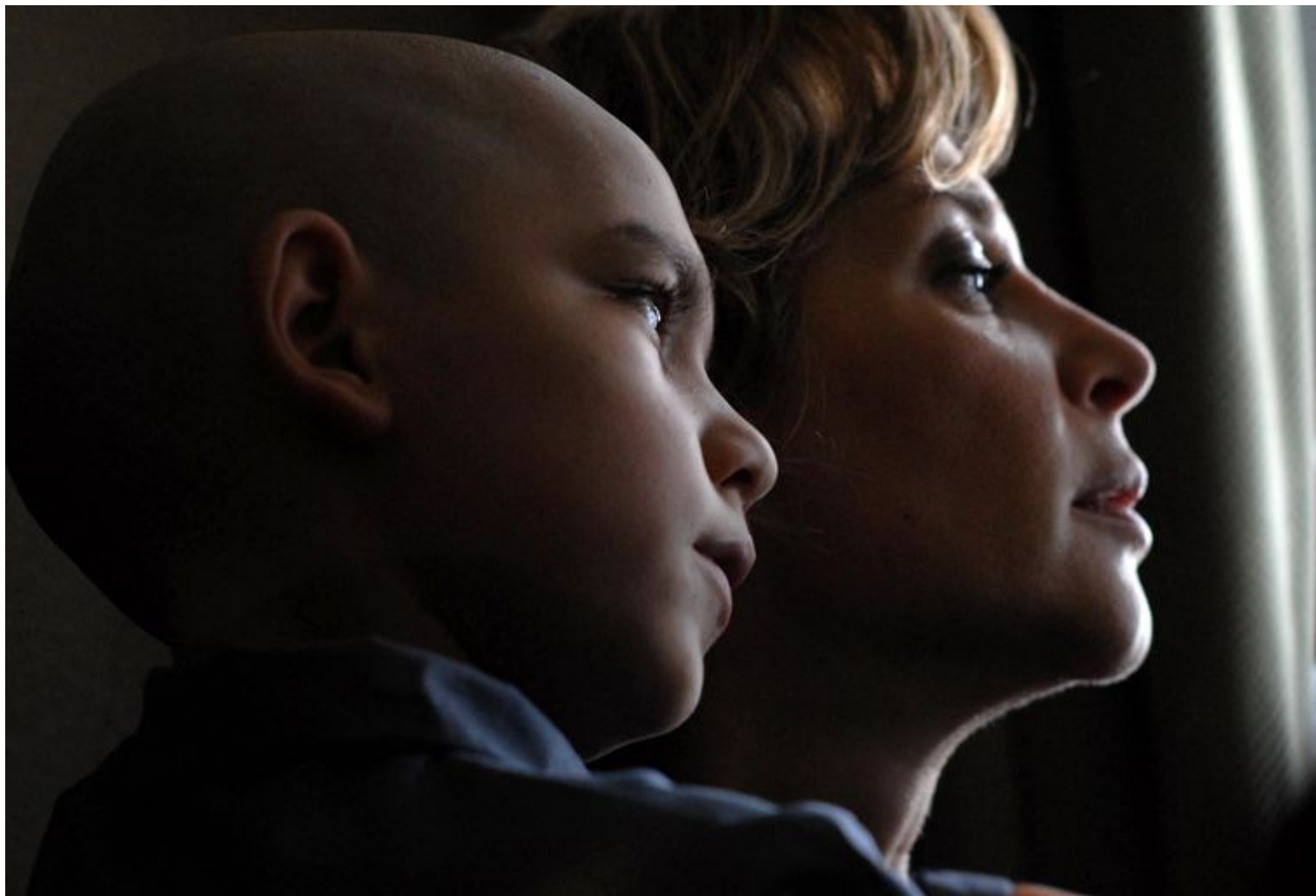
Til manya, swasti,
Oskar.

P.S.Me bu koni yur adres, kwo zwo?

que je vais guérir ? Tu réponds oui ou non.
C'est pas bien compliqué. Oui ou non. Tu barres
la mention inutile.

A demain, bisous,
Oscar.

P.-S. Je n'ai pas ton adresse : comment je fais ?

Дорогой Бог, ну, ты силен! Дал мне ответ, не дожидаясь даже, пока я отправлю письмо. Как тебе это удастся?

Kare Boh,
Bravo! Yu es ya forte. Yu he doni jawaba a me
iven bifoo ke me sendi leta. Komo yu zwo se?

Cher Dieu,
Bravo ! Tu es très fort. Avant même que j'aie
posté la lettre, tu me donnes la réponse.
Comment fais-tu ?

Сегодня утром в зале для отдыха я играл в шахматы с Эйнштейном, и вдруг является Попкорн и говорит:

-- Твои родители пришли.

-- Мои родители? Не может быть. Они только по воскресеньям приходят.

-- Я видел их машину -- красный джип с белым верхом.

-- Не может быть.

Я пожал плечами и продолжал игру с Эйнштейном. Но поскольку внимание мое было отвлечено, Эйнштейн стибрил у меня все мои фигуры, отчего я занервничал еще больше. Эйнштейном его зовут не потому, что он умнее других, а потому что у него голова в два раза больше. Вроде бы от водянки. Жалко. Если бы это было от мозгов, Эйнштейн мог бы совершить великие дела. Увидев, что проигрываю, я бросил игру и пошел за Попкорном в его комнату, которая выходит на автомобильную стоянку. Он был прав: мои родители действительно приехали.

Надо сказать тебе, Господи, что мы с родителями живем далеко.

Раньше, когда я там просто жил, мне так не казалось. Теперь же, когда я там больше не живу, я считаю, что это далеко. Вот почему родители могут навещать меня лишь раз в неделю, в воскресенье,

Sedey pa sabah me plei-te shahmat kun Einstein, in reposishamba, ewalaa Popkorn lai, shwo:

- Yur mata-patra es hir.

- May mata-patra ku? Bu es posible. Li lai sol pa semdi.

- Me he vidi ley auto to rude jip do blan uupara.

- Bu es posible.

Me ek-lifti plechas e forplei kun Einstein. Yedoh may atenta fa-feble, e Einstein pai mah wek oli may figura, also me en-nokalmi yoshi pyu. Oni nami ta Einstein bu bikos ta es pyu intele kem otre, bat bikos suy kapa es do dwaple volum. Es muka por akwa inen. Afsos, si to wud bi por brein, Einstein wud mog zwo gro-gran delas. Afte vidi ke me sal lusi geim, me fini plei e go a Popkorn-ney shamba kel-ney winda kan auto-parkilok. Ta bin prav: may mata-prata verem he lai.

Treba ya shwo, Boh, ke nu habiti dalem, me e may mata-patra. Bifooen, al jivi dar, me bu opini-te tak, bat nau, al jivi hir, me samaji ke es verem dale. Por se may mata-patra mog lai visiti me sol un ves per wik, pa semdi hi, bikos pa semdi li bu gun, wel, i me toshi.

Ce matin, je jouais aux échecs avec Einstein dans la salle de récréation lorsque Pop Corn est venu me prévenir :

- Tes parents sont la.

- Mes parents ? C'est pas possible. Ils ne viennent que le dimanche.

- J'ai vu la voiture, une Jeep rouge avec la bâche blanche.

- C'est pas possible.

J'ai haussé les épaules et j'ai continué a jouer avec Einstein. Mais comme j'étais préoccupé, Einstein me piquait toutesmes pièces, et ça m'a encore plus énervé. Si on l'appelle Einstein, c'est pas parce qu'il est plus intelligent que les autres mais parce qu'il a la tête qui fait le double de volume. Il paraot que c'est de l'eau a l'intérieur. C'est dommage, c'aurait été de la cervelle, il aurait pu faire de grandes choses, Einstein. Quand j'ai vu que j'allais perdre, j'ai laissé tomber le jeu et j'ai suivi Pop Corn dont la chambre donne sur le parking. Il avait raison : mes parents étaient arrivés.

Il faut te dire, Dieu, qu'on habite loin, mes parents et moi. Je ne m'en rendais pas compte quand j'y habitais mais maintenant que je n'y habite plus, je trouve que c'est vraiment loin. Du coup, mes parents ne peuvent venir me voir qu'une fois par semaine, le dimanche, parce que le dimanche ils ne travaillent pas, ni moi non plus.

когда они оба не работают, ну и я тоже.

-- Видишь, я был прав, -- сказал Попкорн. Сколько дашь мне за то, что я тебя предупредил?

-- У меня есть шоколадки с орехами.

-- А клубники Тагада больше нет?

-- Нет.

-- Согласен на шоколад.

Конечно, я не имел права снабжать Попкорна едой, учитывая, что он лечится от ожирения. В девять лет он весит девяносто восемь кило, и при росте метр десять он и в ширину тоже метр десять! Единственная одежда, в которую он может войти целиком, это спортивная форма для игры в американское поло. Она еще в полоску, от которой рябит так, что начинается морская болезнь. Честно говоря, поскольку ни я, ни мои приятели -- мы не верим, что он сможет похудеть, а есть он хочет так сильно, что его становится жалко, мы всегда отдаем ему оставшиеся продукты. Это ведь такая малость -- плитка шоколада по сравнению с горой его жира! Может, мы и не правы, но только медсестры тоже перестают пичкать его слабительным.

Я пошел в свою комнату -- ждать родителей. Вначале я не замечал времени, потому что нужно было отдышаться, но после сообразил, что они уже тысячу раз могли бы успеть до меня прийти. И вдруг до меня

- Yu vidi ke me bin prav, - Popkorn shwo. - Kwanto yu dai por ke me he warni yu?

- Me hev chokolatka do nuta.

- E Tagada-fraula ku?

- Yok.

- Hao, dan chokolat.

Sertem, me bu hev raita dai chia a Popkorn, sikom oni leki ta por obesitaa. Ninshi-ot kilo al yash de nin yar, e un metra shi chaure al gaotaa de toshi un metra shi! Sole klaida in kel ta fa-plasi fulem es sporta-klaida do amerikan polo. Yoshi it es do stripa-rasma kel mah me fai marmorba. Honestem, sikom nulwan de may amigasi (e me toshi) bu kredi ke ta mog fa-magre, e sikom nu piti ta por suy gro-hunga, nu dai a ta chia kel resti. Es ya lo tanike, un chokolatka komparen kun tal menga fet! Mogbi nu fai galta, yedoh mednana toshi fini mah ta gloti laxisika.

Me go a may shamba fo weiti mata-patra. Un-nem me bu merki komo taim pasi, por ke treba riladi spira, bat poy me samaji ke li hev-te yo stople taim fo lai a me. Ewalaa turan me gesi wo li mog bi. Me chu inu

- Tu vois que j'avais raison, a dit Pop Corn. Combien tu me donnes pour t'avoir prévenu?

- J'ai des chocolats aux noisettes.

- T'as plus de fraises Tagada ?

- Non.

- O.K. pour les chocolats.

Évidemment, on n'a pas le droit de donner a manger a Pop Corn vu qu'il est la pour maigrir. Quatre-vingt-dix-huit kilos a neuf ans, pour un mètre dix de haut sur un mètre dix de large ! Le seul vêtement dans lequel il rentre tout entier, c'est un sweat-shirt de polo américain. Et encore, les rayures ont le mal de mer. Franchement, comme aucun de mes copains ni moi on croit qu'il pourra jamais arrêter d'être gros et qu'il nous fait pitié tellement il a faim, on lui donne toujours nos restes. C'est minuscule, un chocolat, parrapport a une telle masse de graisse ! Si on a tort, alors que les infirmières cessent, elles aussi, de lui fourrer des suppositoires.

Je suis retourné dans ma chambre pour attendre mes parents. Au début, je n'ai pas vu passer les minutes parce que j'étais essoufflé puis je me suis rendu compte qu'ils avaient eu quinze fois le temps d'arriver jusqu'a moi.

дошло, где они могли быть. Выйдя в коридор и убедившись, что меня никто не видит, я спустился по лестнице и в полумраке дошагал до кабинета доктора Дюссельдорфа.

Так и есть! Они были там. Из-за двери слышались их голоса. Спуск по лестнице меня утомил, и понадобилось время, чтобы сердце мое вернулось на свое место. Это промедление все испортило: я услышал то, чего не должен был слышать. Мать моя рыдала, доктор Дюссельдорф повторял: "Мы сделали все, что могли, поверьте, мы сделали все", на что отец отвечал сдавленным голосом: "Я верю, доктор, я в этом не сомневаюсь".

Я так и прирос к металлической двери ухом. Уж и не знаю, что было холоднее: металл или я. Затем доктор Дюссельдорф спросил:

-- Хотите с ним повидаться?

-- Я не чувствую в себе никаких сил, -- ответила моя мать.

-- Не следует ему видеть нас в таком состоянии, -- добавил отец.

И тогда я понял, что мои родители -- жалкие трусы. И что еще хуже: они и меня держат за труса!

Поскольку послышался шумдвигающихся в кабинете стульев, я понял, что сейчас они выйдут, и открыл первую подвернувшуюся дверь. Вот так я оказался в стенном шкафу,

koridor, e, afte en-sta sigure ke nulwan vidi me, me desendi sulam e pedi pa haf-tumitaa til doktor-Dusseldorf-ney ofis.

Ver ya! Li es dar. Ley vos fa-audi fon traen dwar. Me fatigi por desendi sulam, also treba koy taim fo mah kordia inu prave plasa, e sey dera bigari olo. Me audi to ke me bu gai-te audi. May mata zai gro-plaki, doktor Dusseldorf zai repeti: "Nu he zwo olo, kredi ba, nu he zwo olo", e may patra jawabi al haf-tufen vos: "Me bu dubi, doktor, me bu dubi om to."

Me zai resti al aur gluen-si a dwar. Bu jan kwo es pyu lenge, metal o me.

Poy doktor Dusseldorf kwesti:

- Ob yu yao miti ta?

- Me bu hev basta kuraja, - may mata shwo.

- Bu gai ke ta vidi nu al tal stasa, - may patra adi.

Ewala me en-samaji ke ambi may janmer es fobnik. Lo yoshi pyu bade: li dumi ke me es fobnik toshi!

Sikom en-ye shum de muvi-she stula, me gesi ke li sal chu, e me ofni un-ney dwar kel fa-miti. Walaa komo me geti inu brum-lemar e pasi sabah-resta dar, bikos (mogbi yu, Boh, bu jan om

Soudain, j'ai deviné où ils étaient. Je me suis glissé dans le couloir; quand personne ne me voyait, j'ai descendu l'escalier, puis j'ai marché dans lapénombre jusqu'au bureau du docteur Dusseldorf.

Gagné ! Ils étaient là. Les voix m'arrivaient de derrière la porte. Comme j'étais épuisé par la descente, j'ai pris quelques secondes pour remettre mon coeur en place et c'est la que tout s'est détraqué. J'ai entendu ce que j'aurais pas dû entendre. Ma mère sanglotait, le docteur Dusseldorf répétait : « Nous avons tout essayé, croyez bien que nous avons tout essayé » et mon père répondait d'une voix étranglée : « J'en suis sûr, docteur, j'en suis sûr. »

Je suis resté l'oreille collée a la porte de fer. Je savais plus qui était le plus froid, le métal ou moi.

Puis le docteur Dusseldorf a dit :

Est-ce que vous voulez l'embrasser ?

Je n'aurai jamais le courage, a dit ma mère.

- Il ne faut pas qu'il nous voie danscet état, a rajouté mon père.

Et c'est la que j'ai compris que mes parents étaient deux lâches. Pire : deux lâches qui me prenaient pour un lâche !

Comme il y avait des bruits de chaises dans le bureau, j'ai deviné qu'ils allaient sortir et j'ai ouvert la première porte qui se présentait.

C'est comme ça que je me suis retrouvé dans le placard a balais où j'ai passé le reste de la

где хранились щетки и швабры, и где я провел остаток утреннего времени, поскольку стенные шкафы (ты, Господи, возможно не в курсе?) открываются снаружи, а не изнутри, будто кто-то опасается, что ночью щетки, ведра и половые тряпки могут удрать!

Так или иначе, я оставался в полной темноте и взаперти совершенно спокойно, потому что никого не хотелось видеть, и еще потому, что руки и ноги не слишком-то меня слушались после пережитого шока, то есть, после того, что мне пришлось услышать. Ближе к полудню я почувствовал какое-то сильное оживление выше этажом. Слышались шаги, беготня. Потом отовсюду стали доноситься крики:

-- Оскар! Оскар!

Мне нравилось слышать, как меня зовут, и не отвечать. Хотелось досадить всем на свете.

Потом я, наверное, немного поспал, после чего послышалось шарканье галош мадам Н'да, нашей уборщицы. Она открыла дверь, и тут уж мы оба по-настоящему напугались: она -- потому что не ожидала меня здесь увидеть, а я -- потому что совершенно забыл, что она такая черная и что она может так сильно кричать. Затем случилась настоящая куча мала: они явились все -- и доктор Дюссельдорф, и старшая сестра, и дежурные сестры, и нянечки.

Вместо того, чтобы меня отругать, как я того

se) brum-lemar ofni fon ausen, bu fon inen, kom si oni fobi ke duran nocha oli brum, dalwa e woshitrapa mog lopi wek!

Enikas, me bu fa-triste por majbur sidi klefen in tumitaa, por ke me ga bu yao-te vidi nulwan, e yoshi por ke may gambas e brachas bu obedi-te me hao afte anubavi-ney shok, to es afte audi to ke me he audi.

Bli middey me senti ke en-ye koy agita pa uupar-etaja. Me audi stepas, un-nem pedi-she, poy lopi-she. Poy oni begin krai may nam kadalok:

- Oskar! Oskar!

Me pri-te audi komo oni voki me. Me yao-te vexi ya oli pa tote Arda.

Poy me shayad somni-ki idyen, poy suon de kliner-to-madam-N'da-ney shu fa-audi. Ela ofni dwar, ewalaa nu ambi en-fobi gro: ela por ke ela bu expekti-te findi me hir, me por ke me he ga fogeti om ke ela es tanto swate. E om ke ela mog krai tanto lautem. Poy vere jenmenga en-ye. Li oli lai: doktor Dusseldorf, shefnana, wahtinana, servinana. Ewalaa, inplas shatami me, kom me he expekti, li suluki kulpi-shem, e me senti ke treba yusi sey situasion tuy.

matinée car, peut-être que tu le sais pas, Dieu, mais les placards a balais, ça s'ouvre de l'extérieur, pas de l'intérieur, comme si on avait peur que, la nuit, les balais, les seaux et les serpillières, ils se barrent !

De toute façon, ça ne me gênait pas d'être enfermé dans le noir parce que je n'avais plus envie de voir personne et parce que mes jambes et mes bras ne répondaient plus tellement après le choc que ça m'avait fait, entendre ce que j'avais entendu.

Vers les midi, j'ai senti que ça s'agitait pas mal a l'étage au-dessus. J'écoutais les pas, les cavalcades. Puis on s'est mis a crier mon nom de partout :

-Oscar ! Oscar !

Ça me faisait du bien de m'entendre appeler et de ne pas répondre. J'avais envie d'embêter la Terre entière.

Après, je crois que j'ai un peu dormi, puis j'ai perçu les galoches traonantes de Madame N'da, la femme de service. Elle a ouvert la porte et la, on s'est fait vraiment peur, on a hurlé très fort, elle parce qu'elle s'attendait pas a me trouver la, moi parce que je ne me souvenais pas qu'elle était aussi noire. Ni qu'elle criait aussi fort. Après, ça a été une sacrée mêlée. Ils sont tous venus, le docteur Dusseldorf, l'infirmière-chef, les infirmières de service, les autres femmes de ménage. Alors que je croyais qu'ils allaient m'engueuler, ils se sentaient tous morveux et j'ai

ожидал, они вели себя, как виноватые, и я понял, что нужно немедленно воспользоваться этой ситуацией.

- Я хочу видеть Розовую даму.
- Да куда же ты подевался, Оскар? Ты в порядке?
- Я хочу видеть Розовую даму.
- Как ты оказался в стенном шкафу? За кем-то шел? Что-то услышал?
- Я хочу видеть Розовую даму.
- Выпей стакан воды.
- Нет, хочу Розовую даму.
- Скушай кусочек...
- Нет. Я хочу видеть Розовую даму.

Гранитный утес. Прибрежная скала. Бетонная плита. Ничем не прошибешь. Я даже и не слушал, что мне говорят. Я хотел видеть мою Розовую маму. Доктору Дюссельдорфу было очень неудобно перед сотрудниками, что он не имеет на меня никакого влияния. Кончилось тем, что он не выдержал:

-- Пусть пойдут за этой дамой!

Тогда я согласился передохнуть и поспал немного в своей комнате.

Когда я проснулся, Розовая мама была здесь. Она улыбалась.

-- Bravo, Оскар, ты добился своего. Влепил им знатную пощечину. Но в результате мне начали завидовать.

-- Плевать.

-- Это славные люди, Оскар. Очень

- Me yao vidi Rose dama.
- Bat a wo yu he fa-wek, Oskar? Komo yu sta?
- Me yao vidi Rose mama.

- Komo yu he geti inu lemar? He sekwi ku koywan? He audi ku koysa?
- Me yao vidi Rose mama.
- Pi ba glasa akwa.
- Non. Me yao vidi Rose mama.
- Chi ba idyen...
- Non. Me yao vidi Rose mama.

Granit. Roka. Beton-plata. Oni mog den nixa ya zwo. Me iven bu audi-te kwo oni shwo. Me yao-te vidi Rose mama. Doktor Dusseldorf fa-konfusi bifoo swa-ney kogunjen por bi do nul autoritaa fo me. Pa fin ta tausian.

- Hay oni go voki toy dama!

Dan me konsenti reposi, e somni idyen in may shamba.

Al ke me en-jagi, Rose mama yo es hir. Ela smaili.

- Bravo, Oskar, yu pai-te mah swa-ney yaosa fulfil-ney. Yu he dai a li un gro-ney wangadarba. Yedoh resulta es ke oni he begin envi me.
- Es do spuka-ney muhimtaa.
- Li es hao jen, Oskar. Muy hao ya.

vu qu'il fallait vite tirer profit de la situation.

- Je veux voir Mamie-Rose.
- Mais où étais-tu passé, Oscar ? Comment te sens-tu ?
- Je veux voir Mamie-Rose.

- Comment t'es-tu retrouvé dans ce placard? Tu as suivi quelqu'un ? Tu as entendu quelque chose ?

- Je veux voir Mamie-Rose

- Prends un verre d'eau.

- Non. Je veux voir Mamie-Rose.

- Prends une bouchée de...

- Non. Je veux voir Mamie-Rose.

Du granit. Une falaise. Une dalle de béton. Rien a faire. Je n'écoutais même plus ce qu'on me disait. Je voulais voir Mamie-Rose.

Le docteur Dusseldorf avait l'air très contrarié par rapport a ses collègues de n'avoir aucune autorité sur moi. Il a fini par craquer.

- Qu'on aille chercher cette dame !

La, j'ai consenti a me reposer et j'ai dormi un peu dans ma chambre.

Quand je me suis réveillé, Mamie-Rose était la. Elle souriait.

- Bravo, Oscar, tu as réussi ton coup. Tu leur as foutu une sacrée gifle. Mais le résultat, c'est qu'ils me jalouent maintenant.
- On s'en fout.
- Ce sont de braves gens, Oscar. De très

славные.

-- Мне наплевать.

-- Что случилось?

-- Доктор Дюссельдорф сказал моим родителям, что я умру, и они сбежали. Я их ненавижу.

И я все подробно ей рассказал, вот как тебе, Господи.

-- Эге, -- сказала Розовая мама, -- это напоминает мне мой матч в Бетюне против Сары Юп ля Бум, кетчистки, которая натиралась маслом и выступала почти обнаженной. Ее прозвали угрем ринга, она буквально выскальзывала из рук, когда ее пытались ухватить. Выступала она исключительно в Бетюне, где каждый год завоевывала кубок этого города. Однако я тоже хотела выиграть кубок Бетюна!

-- И что же вы сделали, Розовая мама?

-- Когда она появилась на ринге, мои друзья набросали на нее муки. Мука с маслом дала чудесную корочку. В три подхода и в два движения я послала на ковер Сару Юп ля Бум. И с тех пор ее уже не называли угрем ринга, она стала треской в панировке.

-- Простите меня, мадам, но я не вижу связи.

-- А я вижу ее отлично. Всегда есть решение, Оскар, всегда где-то лежит мешок с мукой. Ты должен написать Господу. Он сильнее меня.

-- Даже в кетче?

- Fo me es do spuka.

- Kwo ye?

- Doktor Dusseldorf he shwo a may mata-patra ke me sal morti, e li fugi. Me heni li.

E me rakonti a ela olo, detal-nem, kom a yu, Boh.

- Wel, - Rose mama shwo, - se mah me remembi om may batala in Betun kontra Sara Yup La Bum, kechista kel gwo lubriki swa-ney korpa bay olea e batali hampi nude. Oni gwo nami ela angila de ringa, ela glidi ya aus brachas wen oni tray graspi ela. Ela gwo kompeti sol in Betun wo ela kada yar gwin Betun-kopa. Bat me toshi yao-te gwin Betun-kopa!

- Kwo yu zwo-te, Rose mama?

- May amigas lansi menga farina an ela afte ke ela apari on ringa. Olea plus farina es ya hao kuta. Afte dwa proba me bay dwa muva mah ela lwo on tapis, den ela to fama-ney Sara Yup La Bum. Afte to oni fini-te nami ela angila de ringa, oni en-nami ela panisen treska.

- Skusi, Rose mama, bat me bu vidi liga.

- E me hi vidi it ga hao. Sempre ye chudao to resolvable, Oskar, koylok sempre ye farina-sak. Yu mus skribi a Boh. Ta es pyu forte kem me.

- Iven in kech?

braves gens.

- Je m'en fous.

- Qu'est-ce qui ne va pas ?

- Le docteur Dusseldorf a dit a mes parents que j'allais mourir et ils se sont enfuis. Je les déteste. Je lui ai tout raconté dans le détail, comme a toi, Dieu.

- Mmm, a fait Mamie-Rose, ça me rappelle mon tournoi a Béthune contre Sarah Youp La Boum, la catcheuse au corpsbienhuilé, l'anguille des rings, une acrobate qui se battait presque nue et qui te filait entre les mains lorsque tu essayais de lui faire une prise. Elle ne combattait qu'a Béthune où elle gagnait chaque année la coupe de Béthune. Or moi, je la voulais, la coupe de Béthune !

- Qu'est-ce que vous avez fait, Mamie-Rose ?

- Des amis a moi lui ont jeté de la farine lorsqu'elle est montée sur le ring. Huile plus farine, ça faisait une jolie chapelure. En trois croix et deux mouvements, je l'ai envoyée au tapis, la Sarah Youp La Boum. Après moi, on ne l'appelait plus l'anguille des rings mais la morue panée.

- Vous m'excuserez, Mamie-Rose, mais je vois pas vraiment le rapport.

- Moi je le vois très bien. Y a toujours une solution, Oscar, y a toujours un sac de farine quelque part. Tu devrais écrire a Dieu. Il est plus fort que moi.

- Même pour le catch ?

-- Да, даже в кетче. Бог знает свое дело. Попробуйся, малыш. Что тебя расстроило больше всего?

-- Я ненавижу своих родителей.

-- Так продолжай пуще прежнего.

-- Вы ли мне это говорите, Розовая мама?

-- Да. Пусть твоя ненависть станет еще сильнее. Она будет, как кость для собаки. Когда ты перестанешь ее грызть, то увидишь, что в этом не было никакого смысла. Расскажи обо всем Господу и попроси в своем письме, чтобы он нанес тебе визит.

-- Он способен передвигаться?

-- На свой лад. Не часто. Даже очень редко.

-- Почему? Он тоже болен?

И здесь, по вздоху Розовой мамы я понял: она не хотела признаться, что ты, Господи, тоже в скверном состоянии.

-- Твои родители, Оскар, никогда не говорили тебе о Боге?

-- Забудем о моих родителях. Они -- придурки.

-- Разумеется. Но они никогда не говорили с тобой о Боге?

-- Говорили один раз. Но только, чтобы сказать, что больше в него не верят. Они-то верят как раз в Деда Мороза.

-- Неужели они придурки до такой степени?

-- Представьте себе! Когда однажды, придя из школы, я заявил, что пора прекратить молоть ерунду, потому что, как

- Ya. Iven in kech. Boh pai kwo ta yao. Probi ba, may syao Oskar. Kwo he mah-triste yu zuy?

- Me heni may mata-patra.

- Dan heni li for gro.

- Ob yu hi shwo se a me, Rose mama?

- Ya. Hay yur hena kresi. It ve bi fo yu kom osta fo dogo. Afte fini glodi it yu ve vidi ke to bu hev-te sensu. Rakonti ba olo a Boh e in yur leta pregi om ke ta fai-dai a yu un visita.

- Ta janmog muvi ku?

- Pa ta-ney modus. Bu oftem. Iven rarem.

- Way? Ob ta zai morbi toshi?

Ewala, por sospira de Rose mama, me samaji ke ela bu yao-te konfesi ke yu, Boh, toshi sta buhao.

- Yur mata-patra, Oskar, ob li bu gwo shwo om Boh a yu?

- Atarafi ba li. May mata-patra es ya ahmak.

- Sertem. Bat ob li bu gwo shwo om Boh a yu?

- Doh. Un ves. Bat sol dabe shwo ke li bu kredi in ta pyu. Li hi kredi ya in Opa Frosta.

- Ob li es tanto ahmak, may syao Oskar?

- Imajini ya ba! Undey me lai fon skola e shwo ke gai ya fini fai pumbitaa, ke me, kom oli may amiga-si, jan yo ke nul Opa Frosta bu existi,

- Oui. Même pour le catch, Dieu touche sa bille. Essaie, mon petit Oscar. Qu'est-ce qui te fait le plus mal ?

- Je déteste mes parents.

- Alors déteste-les très fort.

- C'est vous qui me dites ça, Mamie-Rose ?

- Oui. Déteste-les très fort. Ça te fera un os a ronger. Quand tu l'auras fini, ton os, tu verras que ce n'était pas la peine. Raconte tout ça a Dieu et, dans ta lettre, demandelui donc de te faire une visite.

- Il se déplace ?

- A sa façon. Passouvent. Rarement même.

- Pourquoi ? Il est malade, lui aussi ?

La, j'ai compris au soupir de Mamie-Rose qu'elle ne voulait pas m'avouer que, toi aussi, Dieu, tu es en mauvais état.

- Tes parents ne t'ont jamais parlé de Dieu, Oscar?

- Laissez tomber. Mes parents, ils sont cons.

- Bien sûr. Mais est-ce qu'ils ne t'ont jamais parlé de Dieu ?

- Si. Juste une fois. Pour dire qu'ils y croyaient pas. Eux, ils croient juste au Père Noel.

- Ils sont si cons que ça, mon petit Oscar ?

- Pouvez pas vous imaginer ! Le jour où je suis revenu de l'école en leur disant qu'il fallait arrêter de déconner, que je savais,

и все мои друзья, я знаю, что никакого Деда Мороза нет, они как будто с Луны свалились. Поскольку меня бесила перспектива выглядеть кретином в глазах моих одноклассников, они поклялись, что вовсе не собирались меня обманывать и совершенно искренне верили сами в существование Деда Мороза. Теперь же они страшно огорчены, так и сказали -- страшно огорчены, узнав, что на самом деле его нет! Два старых придурка, говорю я вам, Розовая мама.

-- Стало быть, в Бога они не веруют?

-- Нет.

-- И это никак тебя не заинтересовало?

-- Если я начну интересоваться тем, что думают идиоты, у меня не останется времени на мысли умных людей.

-- Ты прав. Но, исходя из того, что, по твоему мнению, родители -- идиоты...

-- Настоящие идиоты, мадам!

-- Так вот, если они заблуждаются и не веруют, почему бы тебе как раз и не уверовать, и не попросить его о визите?

-- Ладно. Но разве вы не сказали мне, что он хворает?

-- Нет. Дело в том, что у него -- свой способ наносить визиты. Он явится тебе в твоих мыслях. В твоём сознании.

Это мне понравилось. Просто здорово. А Розовая мама добавила:

-- Ты увидишь: его посещения приносят большую пользу.

-- О'кей, я с ним поговорю. Пока что

ewalaa li suluki kom afte lwo fon skay. Sikom me en-sta pa furia por дума om aspekti idiotalik bifoo boys de may klas, li kasami ke li ga bu yao-te juli me, ke li selfa sinserem kredi-te in exista de Opa Frosta, e ke nau li fa-triste ya por en-jan ke pa veritaa ta yok. Dwa vere idiota, me shwo ya, Rose mama!

- Also li bu kredi in Boh ku?

- Non.

- E yu bu fai-te interes om se?

- Si me ve fai interes om to ke idiota dumi, me bu ve hev taim fo dumas de intele jenta.

- Yu es prav. Bat por to ke yu mata-patra, segun yu, es idiota...

- Vere, Rose mama, vere idiota!

- Also, si li selfa trompi e bu kredi, way yu hi bu kredi ba e bu pregi be om visita?

- Hao. Bat ob yu bu he shwo ke ta sta buhao?

- Non. Es ke ta hev osobe dao fo fai visita. Ta ve lai a yu in yur dumas. In yur atma.

Den se me pri-te ya. Me findi-te se sim super. Rose mama adi:

- Yu ve vidi: ta-ney visita bringi mucho haotaa.

- Hao, me sal toki kun ta. Al nau ti bringi zuy

comme tous mes copains, que le Père Noël n'existait pas, ils avaient l'air de tomber d'un nuage. Comme j'étais plutôt furax d'être passé pour un crétin dans la cour de récréation, ils m'ont juré qu'ils n'avaient jamais voulu me tromper et qu'ils avaient cru, eux, sincèrement, que le Père Noël existait, et qu'ils étaient très déçus, mais alors la, très déçus d'apprendre que ce n'était pas vrai ! Deux vrais tarés, je vous dis, Mamie-Rose !

- Donc ils ne croient pas en Dieu ?

- Non.

- Et ça ne t'a pas intrigué ?

- Si je m'intéresse a ce que pensent les cons, je n'aurai plus de temps pour ce que pensent les gens intelligents.

- Tu as raison. Mais le fait que tes parents qui, selon toi, sont des cons...

- Oui. Des vrais cons, Mamie-Rose !

- Donc, si tes parents qui se trompent n'y croient pas, pour quoi toi, justement, ne pas y croire et lui demander une visite ?

- D'accord. Mais vous m'avez pas dit qu'il est grabataire ?

- Non. Il a une façon très spéciale de rendre visite. Il te rend visite en pensée. Dans ton esprit.

Ça, ça m'a plu. J'ai trouvé ça très fort. Mamie-Rose a ajouté :

- Tu verras : ses visites font beaucoup de bien.

- O.K., je lui en parlerai. Enfin, pour l'instant,

посещения, которые приносят мне самую большую пользу, -- это ваши.

Розовая мама улыбнулась и почти застенчиво наклонилась ко мне -- поцеловать в щечку. Однако сделать это не осмеливалась и взглядом умоляла о разрешении.

-- Валяйте. Целуйте. Я никому не скажу. Не стану портить вашу репутацию бывшей кетчистки.

Губы ее коснулись моей щеки, и мне было приятно, тепло и щекотно, и пахло пудрой и мылом.

-- Когда вы опять придете?

-- Я имею право приходить только два раза в неделю.

-- Так нельзя, Розовая мама! Я не собираюсь ждать целых три дня!

-- Такие уж тут правила.

-- А кто устанавливает правила?

-- Доктор Дюссельдорф.

-- Доктор Дюссельдорф при виде меня готов обделаться от страха. Идите, попросите у него разрешения, мадам. Я не шучу.

Она посмотрела на меня в нерешительности.

-- Я не шучу. Если вы не станете приходить ко мне каждый день, я Богу писать не буду.

-- Попробую.

Розовая мама ушла, и я стал плакать. Раньше я не осознавал, насколько мне

haotaa a me na visita es yur-las.

Rose mama smaili e hampi timidem inklini fo kisi me pa wanga. Bat ela bu osi-te. Ela gro-pregi-te om permita bay okos.

- Wel, hao ya, kisi. Me bu ve shwo a nulwan. Me bu ve mah-fali yur fama de gwo-ney kechista.

Elay labas tachi may wanga, lo kel mah me stapiate e warme, e tikli idyen, e fauhi pudra e sabun.

- Wen yu lai snova?

- Me hev raita lai sol dwa ves per wik.

- Bu es posible, Rose mama! Me bu sal weiti duran tri dey!

- Es regula.

- Hu inventi regula?

- Doktor Dusseldorf.

- Doktor Dusseldorf al nau es tayar fo fulisi swaney panta por foba al vidi me. Go pregi om permita, Rose mama. Me bu joki.

Ela kan me hesiti-shem.

- Me bu joki. Si yu bu lai kada dey, me bu ve skribi a Boh.

- Me sal trai.

Rose mama go wek, e me lwo in plaki.

Bifoen me bu gwo samaji komo gro me nidi

les visites qui me font le plus de bien, ce sont les vôtres.

Mamie-Rose a souri et, presque timidement, s'est penchée pour me faire un bisou sur la joue. Elle n'osait pas aller jusqu'au bout. Elle mendiait de l'oeil la permission.

- Allez-y. Embrassez-moi. Je le dirai pas aux autres. Je veux pas casser votre réputation d'ancienne catcheuse.

Ses lèvres se sont posées sur ma joue et ça m'a fait plaisir, ça me donnait chaud, avec des picotements, ça sentait la poudre et le savon.

- Quand revenez-vous ?

- Je n'ai le droit de venir que deux fois par semaine.

- C'est pas possible, ça, Mamie-Rose ! Je vais pas attendre trois jours !

- C'est le règlement.

- Qui fabrique le règlement ?

- Le docteur Dusseldorf.

- Le docteur Dusseldorf, en ce moment, il fait dans sa culotte quand il me voit. Allez lui demander la permission, Mamie-Rose. Je plaisante pas.

Elle m'a regardé avec hésitation.

- Je plaisante pas. Si vous ne venez pas me voir tous les jours, moi j'écris pas a Dieu.

- Je vais essayer.

Mamie-Rose est sortie et je me suis mis a pleurer.

Je ne m'étais pas rendu compte, avant, combien

нужна помощь. Не понимал, насколько тяжело болен. При мысли, что не увижу Розовую маму, я начинал все это понимать, и слезы текли сами собой, обжигая мне щеки. К счастью, я сумел взять себя в руки до того, как она вернулась.

-- Все улажено: я получила разрешение. В течение двенадцати дней я могу приходить к тебе ежедневно.

-- Ко мне и только ко мне?

-- К тебе и только к тебе, Оскар.
Двенадцать дней.

И тут я не знаю, что со мной произошло, но слезы потекли снова, я не мог сдержать рыданий. Притом что прекрасно знаю: мальчики не должны плакать. Особенно я при моем лысом черепе, из-за которого я не похож ни на мальчика, ни на девочку. Разве что на марсианина. Но ничего не поделаешь: остановиться я не мог.

-- Двенадцать дней? Значит, дела так плохи, Розовая мама?

Она тоже чуть не плакала. Еле сдерживалась. Бывшая кетчистка мешала бывшей девочке дать себе волю. Смотреть было интересно, и я чуть-чуть отвлекся.

-- Какое сегодня число, Оскар?

-- Ну и ну! Вы что не видите на календаре? Сегодня у нас 19 декабря.

-- У меня на родине, Оскар, существует легенда, по которой по двенадцати

helpa. Me bu gwo samaji komo gro me morbi. Al dumi ke me bu ve vidi Rose mama, me en-samaji se olo, e larmas fa-liti pa selfa al jal wargas.

Pa fortuna me pai rista normal bifoo ke ela lai.

- Me he ladi olo: permita ye. Duran shi-dwa dey me mog lai visiti yu kada dey.

- Sol a me e a nulwan krome?

- Sol a yu e a nulwan krome, Oskar. Shi-dwa dey.

Ewala me bu jan kwo eventi, bat larmas snova en-ye e en-tufi me. Yedoh me jan ya ke boy nomus plaki, osobem me kun may kalve kapa, por kel me bu simili ni boy ni gela, mogbi sol den Marsa-jen. Bat to bu helpi: me bu mog-te stopi swa.

- Shi-dwa dey ku? Ob olo sta tanto bade, Rose mama?

Ela selfa toshi hampi plaki. Ela apena reteni swa. Gwo-ney kechista impedi ke gwo-ney gela lasi swa los. To bin ya kuriose fo kan, e me fa-distrati idyen.

- Kwel datum es sedey, Oskar?

- Wel ya! Ob yu bu vidi may kalendar? Sedey es dey 19 de mes-shi-dwa.

- In may janmalanda, Oskar, ye legenda kel shwo ke segun shi-dwa laste dey de yar oni mog evalu-

j'avais besoin d'aide. Je ne m'étais pas rendu compte, avant, combien j'étais vraiment malade. A l'idée de ne plus voir Mamie-Rose, je comprenais tout ça et voila que ça me coulait en larmes qui brûlaient mes joues.

Heureusement, j'ai eu un peu le temps de me remettre avant qu'elle rentre.

- C'est arrangé : j'ai la permission. Pendant douze jours, je peux venir te voir tous les jours.

- Moi et rien que moi ?

- Toi et rien que toi, Oscar. Douze jours.

La, je ne sais pas ce qui m'a pris, les larmes sont revenues et m'ont secoué. Pourtant je sais que les garçons ne doivent pas pleurer, surtout moi, avec mon crâne d'oeuf, qui ne ressemble ni a un garçon ni a une fille mais plutôt a un Martien. Rien a faire. Je pouvais pas m'arrêter.

- Douze jours ? Ça va si mal que ça, Mamie-Rose ?

Elle aussi, ça la chatouillait de pleurer. Elle hésitait. L'ancienne catcheuse empêchait l'ancienne fille de se laisser aller. C'était joli a voir et ça m'a distrait un peu.

- Quel jour sommes-nous, Oscar ?

- Cette idée ! Vous ne voyez pas mon calendrier ? On est le 19 décembre.

- Dans mon pays, Oscar, il y a une légende qui prétend que, durant les douze derniers

последним дням года можно определить погоду на грядущие двенадцать месяцев. Чтобы иметь картину каждого месяца, достаточно пронаблюдать за одним из двенадцати дней. 19 декабря представляет собой месяц январь, 20-е -- февраль и так далее, до 31 декабря, соответствующего будущему декабрю.

-- Неужели правда?

-- Это легенда. Легенда о двенадцати пророческих днях. Мне бы хотелось, чтобы мы с тобой в это сыграли. То есть, скорее ты. Начиная с сегодняшнего дня, ты будешь наблюдать за каждым днем, представив себе, что один день идет за десять лет.

-- За десять лет?

-- Да. Один день -- десять лет.

-- Значит, через двенадцать дней мне будет сто тридцать лет!

-- Да. Представляешь?

Розовая мама поцеловала меня -- она вошла во вкус этого дела, я чувствую -- потом она ушла.

Так вот, Господи, я родился сегодня утром и не сразу это осознал. Яснее стало к полудню: в пятилетнем возрасте сознания прибавилось, но только вести не были благими. Сегодня вечером мне десять лет, разумный возраст. Пользуюсь этим, чтобы попросить одну вещь: когда у тебя будут для меня новости, как сегодня в полдень, сообщи их как-нибудь помягче, не так прямолинейно. Спасибо.

До завтра, целую, Оскар

previdi meteo fo lai-she shi-dwa mes. Sufi observi kada dey fo en-hev imaja-si de kada mes. Dey 19 de mes-shi-dwa representi mes-un, dey 20 - den mes-dwa, e tak for, til dey 31 kel korespondi a mes-shi-dwa de lai-she yar.

- Ver ku?

- Es legenda. Legenda om shi-dwa profetike dey. Me wud yao ke nu plei se, yu e me. Me maini, primem yu. Al begin fon sedey, yu ve observi kada dey al shwo a swa ke un dey fai pur shi yar.

- Pur shi yar ku?

- Ya. Un dey - shi yar.

- Also afte shi-dwa dey me ve hev sto-trishi yar!

- Ver. Yu imajini ku?

Rose mama kisi me - me senti ke ela verem en-pri ya se - e pou go wek.

Also, Boh, walaa: me he janmi sedey pa sabah e iven bu pai-te tuy samaji se. Se fa-klare bli middey, al ke me hev pet yar, may konsa fa-gran bat habar bu bin hao. Nau, pa aksham, me hev shi yar, es ya yash do rasum. Me yusi se fo pregi yu om un kosa: si yu ve hev koysa fo anunsi, kom pa middey al may pet-yar-ney yash, fai se meno rektem. Danke.

Til manya, swasti, Oskar

jours de l'an, on peut deviner le temps qu'il fera dans les douze mois de l'année a venir. Il suffit d'observer chaque journée pour avoir, en miniature, le tableau du mois. Le 19 décembre représente le mois de janvier, le 20 décembre le mois de février, etc., jusqu'au 31 décembre qui préfigure le mois de décembre suivant.

- C'est vrai ?

- C'est une légende. La légende des douze jours divinatoires. Je voudrais qu'on y joue, toi et moi. Enfin surtout toi. A partir d'aujourd'hui, tu observeras chaque jour en te disant que ce jour compte pour dix ans.

- Dix ans ?

- Oui. Un jour : dix ans.

- Alors dans douze jours, j'aurai cent trente ans !

- Oui. Tu te rends compte ?

Mamie-Rose m'a embrassé -elle y prend goût, je sens -puis elle est partie.

Alors voila, Dieu : ce matin, je suis né, et je ne m'en suis pas bien rendu compte ; c'est devenu plus clair vers les midi, quand j'avais cinq ans, j'ai gagné en conscience mais ça n'a pas été pour apprendre de bonnes nouvelles ; ce soir, j'ai dix ans et c'est l'âge de raison. J'en profite pour te demander une chose : quand tu as quelque chose a m'annoncer comme a midi, pourmes cinq ans, fais moins brutal. Merci.

A demain, bisous,

Oscar.

P.S. Хочу попросить еще одну штуку. Знаю, что имею право только на одно желание в день, но предыдущее мое желание было скорее не желанием, а просто советом.

Я бы согласился на короткий визит. Мысленный. По-моему, это здорово. Очень хочу, чтобы ты его нанес. У меня рабочие часы с восьми утра до девяти вечера. В остальное время я сплю. Иногда случается вздремнуть и днем -- из-за лечения. Но если даже я буду спать, смело буди меня. Глупо было бы пропустить встречу из-за какой-то минуты несовпадения. Ты согласен?

P.S. Me yao pregi om yoshi un truk. Me jan ke me hev raita fo un sole yaosa per un dey, bat toy may yaosa pa fakta bu bin yaosa bat sim konsila.

Wud bi hao si yu fai un kurte visita. Visita do spiritu. Me opini ke es ya super. Me wud gro-pri si yu fai un-la. Me es atenibil fon ot de sabah til nin de aksham. Duran reste taim me somni. Koyves me somni-ki yoshi duran dey, es por leking. Bat iven si yu lai al ke me somni, bu hesiti jagisi me. Wud bi stupide tu kanseli mita por kelke minuta de somna, bu ver?

P.-S. J'ai un truc a te demander. Je sais que je n'ai droit qu'a un voeu mais mon voeu de tout a l'heure, c'était a peine un voeu, plutôt un conseil.

Je serais d'accord pour une petite visite. Une visite en esprit. Je trouve ça très fort. J'aimerais bien que tu m'en fasses une. Je suis ouvrable de huit heures du matin a neuf heures du soir. Le reste du temps, je dors. Même parfois, dans la journée, je pique des petits roupillons a cause des traitements. Mais si tu me trouves comme ça, n'hésite pas a me réveiller. Ça serait con de se rater a une minute près, non ?

Дорогой Бог,
сегодня время моего отрочества, и все не так гладко. Вот так штука! У меня большие сложности -- с друзьями, с родителями -- и

Kare Boh,
sedey es taim de may tineijer-yash, e olo bu stan fasile-hao. Kwel historia ya! Me hev menga mushkila kun may amiga-si e kun may mata-

Cher Dieu,
Aujourd'hui, j'ai vécu mon adolescence et ça n'a pas glissé tout seul. Quelle histoire! J'ai eu plein d'ennuis avec mes copains, avec mes parents et

все из-за девочек. Я рад, что вечером, когда мне стукнет двадцать, я смогу вздохнуть с облегчением, потому что худшее будет позади. За половую зрелость -- спасибо!

Но и покончим с этим.

Прежде всего, обращаю твое внимание, Господи, на то, что ты не явился. Я сегодня почти не спал из-за этих самых проблем с половым созреванием и, следовательно, никак не мог тебя пропустить. И потом, еще раз повторяю: если я и вздремну, буди меня. Когда я проснулся, Розовая мама была уже здесь. За завтраком она рассказывала мне о поединке с Королевской титькой, кетчисткой из Бельгии, которая пожирала по три килограмма сырого мяса в день, запивая его целой бочкой пива. Вроде бы вся сила Королевской титьки крылась в ее дыхании, смрадном по причине забродившего от пива сырого мяса: стоило ей только дыхнуть, и противник самоходом отправлялся в партер. Чтобы ее одолеть, Розовой маме пришлось выработать новую тактику: надеть пропитанную лавандой шлем-маску и назваться Палачом из Карпантра. Как она всегда говорит, кетч требует не только развитых мускулов, но и хороших мозгов.

-- Кто тебе нравится, Оскар?

-- Здесь, в больнице?

-- Да.

-- Копченое сало, Эйнштейн, Попкорн.

-- А из девочек?

Этот вопрос меня озадачил. Мне не хотелось на него отвечать. Но Розовая

patra, e olo es por gelas. Pa aksham, al hev dwashi yar, me ve bi ga santush por mog fai "uf" e shwo a swa ke lo zuy buhao es yo baken.

Sexuale maturing – es ya koysa! Mushkile taim.

Primem, Boh, me mah yu atenti ke yu bu he lai. Me somni-te ga shao duran sey nocha por sey sexuelle maturing ke me subi, also me ga bu mog-te paslasi yu. Krome to, me repeti yoshi un ves: si me en-somni-ki, jagisi me.

Al ke me en-jagi, Rose mama es yo hir. Duran sabahfan ela rakonti a me om elay batala kontra Rega-ney Mamila, to kechista fon Belgie, kel gwo gloti tri kilo de kru masu per dey al arosi it bay un barela bira. Forsa de ela, de Rega-ney Mamila, muka es in elay spira, por fermenting de masu e bira: sufi ke ela ek-ausspiri, e kontrajen lwo on tapis pa selfa. Dabe jiti ela, Rose mama majbur inventi nove taktika: ela onpon helma-masko imbiben bay lavanda, e nami swa Karpantra-ney Kiler. Ela sempre shwo ke fo fai kech treba hev bu sol hao muskula, bat yoshi hao brein.

- Den hu yu pri, Oskar?

- Hir, in hospital?

- Ya.

- Bekon, Einshtein, Popkorn.

- E miden gela?

Sey kwesta konfusi me. Me bu yao-te jawabi.

Yedoh Rose mama zai weiti-te, e bifoo kechista

tout ça a cause des filles. Ce soir, je ne suis pas mécontent d'avoir vingt ans parce que je me dis que, ouf, le pire est derrière moi. La puberté, merci ! Une fois mais pas deux !

D'abord, Dieu, je te signale que tu n'es pas venu. J'ai très peu dormi aujourd'hui vu les problèmes de puberté que j'ai eus, donc je n'aurais pas dû te rater. Et puis, je te le répète, si je roupille, secoue-moi.

Au réveil, Mamie-Rose était déjà là. Pendant le petit déjeuner, elle m'a raconté ses combats contre Téton Royal, une catcheuse belge, qui engloutissait trois kilos de viande crue par jour qu'elle arrosait avec un tonneau de bière ; il paraît que ce qu'elle avait de plus fort, Téton Royal, c'était l'haleine, a cause de la fermentation viande-bière, et que rien que ça, ça envoyait ses adversaires au tapis. Pour la vaincre, MamieRose avait dû improviser une nouvelle tactique : mettre une cagoule, l'imprégner de lavande et se faire appeler la Bourrelle de Carpentras. Le catch, elle dit toujours, ça demande aussi des muscles dans la cervelle.

- Qui aimes-tu bien, Oscar ?

- Ici ? A l'hôpital ?

- Oui.

- Bacon, Einstein, Pop Corn.

- Et parmi les filles ?

Ça m'a bloqué, cette question. Je n'avais pas envie de répondre. Mais Mamie-Rose attendait

мама ждала ответа, а с кетчисткой международного класса долго придуриваться не дело.

-- Пегги Блю.

Пегги Блю -- это голубая девочка. Она живет в предпоследней комнате по коридору. Она очень славно улыбается, но почти ничего не говорит. Будто фея на минуточку залетела в больницу. У нее какая-то сложная болезнь, проблемы с кровью, которая не доходит до легких, и в результате кожа приобретает голубоватый оттенок. Она ждет операции, чтобы кожа снова стала розовой. А мне-то кажется, что в голубом цвете она такая красивая, эта Пегги Блю. Вокруг нее словно облако света и тишины. Подходишь к ней -- как в церковь входишь.

-- Ты сказал ей об этом?

-- Я не такой дурак, чтобы ни с того ни с сего вдруг ляпнуть: "Пегги Блю, ты мне нравишься".

-- А почему бы и нет?

-- Я не уверен даже, знает ли она о моем существовании.

-- Это тоже повод.

-- Вы видели, какая у меня голова? Если бы она любила инопланетян, -- другое дело, но не думаю.

-- А мне ты кажешься очень красивым, Оскар.

Этим Розовая мама чуть-чуть притормозила наш разговор. Такие вещи приятно слышать, они тешат самолюбие, но непонятно, что на

de inter-jenmin-ney nivel oni bu mog simuli longtaim.

- Peggi Blu.

Peggi Bli es blu kinda. Ela habiti in prelaste shamba de koridor. Ela smaili hao, bat hampi ga bu shwo. Kom si un feya flai-visiti hospital. Ela hev koy komplike morba, blu-morba, koy problema om hema kel bu ateni pulmones, e por se ol derma fa-blu. Ela weiti operasion fo ke elay derma snova fa-rose. Yedoh me hi afsosi, me opini ke ela es ya tanto jamile in blu, sey Peggi Blu. Sirkum ela ye kwasi badal de luma e silensa, oni kwasi zin chapela al blisifi a ela.

- Ob yu he shwo a ela om se?

- Me bu sal sim lai a ela fo dai shwo: "Peggi Blu, me pri yu."

- Way non?

- Me bu es serte ke ela iven jan ke me existi.

- Es ya yoshi un reson.

- Ob yu he vidi may kapa? Wud treba ya ke ela pri ausardajen, e me bu kredi ke ela verem pri li.

- Me hi opini ke yu es muy jamile, Oskar.

Bay se Rose mama breki toka idyen. Es priate tu audi tal kosa, se plesiri swa-luba, bat oni bu jan kwo jawabi.

et, devant une catcheuse de classe internationale, on peut pas faire le guignol trop longtemps.

- Peggy Blue.

Peggy Blue, c'est l'enfant bleue. Elle habite l'avant-dernière chambre au fond du couloir. Elle sourit gentiment mais elle ne parle presque pas. On dirait une fée qui se repose un moment à l'hôpital. Elle a une maladie compliquée, la maladie bleue, un problème de sang qui devrait aller aux poumons et qui n'y va pas et qui, du coup, rend toute la peau bleutée. Elle attend une opération qui la rendra rose. Moi je trouve que c'est dommage, je la trouve très belle en bleu, Peggy Blue. Il y a plein de lumière et de silence autour d'elle, on a l'impression de rentrer dans une chapelle quand on s'approche.

- Est-ce que tu le lui as dit ?

- Je ne vais pas me planter devant elle pour lui dire « Peggy Blue, je t'aime bien. »

- Si. Pourquoi ne le fais-tu pas ?

- Je ne sais même pas si elle sait que j'existe.

- Raison de plus.

- Vous avez vu la tête que j'ai ? Faudrait qu'elle apprécie les extraterrestres, et ça, j'en suis pas sûr.

- Moi je te trouve très beau, Oscar.

La, elle a un peu freiné la conversation, Mamie-Rose. C'est agréable d'entendre ce genre de chose, ça fait frissonner les poils, mais on sait

это можно ответить.

-- Я не собираюсь соблазнять ее своей внешностью.

-- А что ты к ней чувствуешь?

-- Мне хочется защитить ее от призраков.

-- Что? Здесь водятся призраки?

-- Да. Каждую ночь. Уж и не знаю зачем, но они нас будят. Щиплются, и это больно. Их не видно, и это страшно. А потом трудно снова заснуть.

-- А у тебя эти призраки часто бывают?

-- Нет, у меня сон крепкий. Но Пегги Блю - я слышу, как она кричит по ночам. Мне бы хотелось ее защитить.

-- Скажи ей об этом.

-- В общем-то, я вряд ли смог бы ее защитить, потому что ночью мы не должны выходить из своих комнат. Такие тут правила.

-- Разве призракам правила известны? Нет. Конечно же, нет. Так схитри: если они услышат, как ты говоришь Пегги Блю, что будешь охранять ее от них, они не осмелятся больше сюда явиться.

-- Но я... но я...

-- Тебе сколько лет, Оскар?

-- Уж и не знаю. Который час?

-- Десять часов. Тебе скоро пятнадцать. Не кажется ли тебе, что пора бы стать смелее в своих чувствах?

В половине одиннадцатого я решил и дошел до комнаты, дверь которой была открыта.

- Me bu sal temti ela bay may aspekta, Rose mama.

- Kwo yu senti versu ela?

- Me wud yao defensi ela kontra fantom.

- Kwo? Hir ye fantom ku?

- Ya. Li lai kada nocha. Oni bu jan way li jagisi nu. Li pinsi, e se tungi. Li mah oni fobi, bikos oni bu mog vidi li. Poy es mushkile tu en-somni snova.

- Ob yu oftem hev tal fantom?

- Non, me hi somni glubem. Bat Peggi Blu, me audi koyves komo ela krai duran nocha. Me wud yao defensi ela.

- Go shwo a ela.

- Olosam me bu wud mog verem defensi ela, por ke raita fo kwiti shamba duran nocha yok. Es regula.

- Ob fantom jan om regula? Non. Sertem non. Also juli ba li: si li ve audi komo yu shwo a Peggi Blu ke yu ve protekti ela, li bu ve osi lai snova.

- Bat me... bat me...

- Kwanto yar yu hev, Oskar?

- Bu jan. Kwel klok es?

- Klok shi. Yu sal hev shi-pet yar. Bu sembli ku a yu ke es taim fo fai pyu kuraja om swa-ney senta?

Pa klok shi e haf me fai desida e go til shamba kel-ney dwar bin ofnen.

plus très bien quoi répondre.

- Je veux pas séduire qu'avec mon corps, Mamie-Rose.

- Qu'est-ce que tu ressens pour elle ?

- J'ai envie de la protéger contre les fantômes.

- Quoi ? Il y a des fantômes, ici !

- Oui. Toutes les nuits. Ils nous réveillent on ne sait pas pourquoi. On a mal parce qu'ils pincement. On a peur parce qu'on ne les voit pas. On a de la difficulté à se rendormir.

- En as-tu souvent, toi, des fantômes ?

- Non. Moi, le sommeil, c'est ce que j'ai de plus profond. Mais Peggy Blue, je l'entends parfois crier la nuit. J'aimerais bien la protéger.

- Va lui dire.

- De toute façon, je ne pourrais pas le faire vraiment parce que, la nuit, on n'a pas le droit de quitter sa chambre. C'est le règlement.

- Est-ce que les fantômes connaissent le règlement ? Non. Sûrement pas. Sois rusé: s'ils t'entendent annoncer à Peggy Blue que tu monteras la garde pour la protéger d'eux, ils n'oseront pas venir ce soir.

- Mouais... mouais...

- Quel âge as-tu, Oscar ?

- Je ne sais pas. Quelle heure est-il ?

- Dix heures. Tu vas sur tes quinze ans. Ne crois-tu pas qu'il est temps d'avoir le courage de tes sentiments ?

A dixheures trente, je me suis décidé et j'ai marché jusqu'à la porte de sa chambre qui était ouverte.

-- Пегги, привет, это Оскар.

Она лежала на своей кровати и была похожа на Белоснежку в ожидании принца, когда все эти мерзкие гномы считают ее мертвой, на Белоснежку, как на фотографиях снега, когда снег кажется не белым, а голубым. Она повернулась ко мне, и я спросил себя, принимает она меня за принца или за одного из гномов. Сам-то я склонился бы к гному по причине моего лысого черепа, но она ничего не сказала, и именно это было замечательно в Пегги Блю: они никогда ничего не говорили, и все сохраняло таинственность.

-- Я пришел тебе сказать, что, начиная с сегодняшнего вечера и во все следующие вечера, я, если ты захочешь, буду стоять на страже у твоей двери, чтобы защитить тебя от призраков.

Она взглянула на меня, и ресницы ее дрогнули. Было впечатление, как при замедленной съемке, что воздух сделался более воздушным, а молчание более молчаливым, что я двигаюсь в воде, и что все меняется, когда приближаешься к ее постели, озаренной светом, идущим неизвестно откуда.

-- Постой, постой, Лысый: Пегги буду охранять я!

В проеме двери появился Попкорн, вернее, он заполнил собой проем двери. Я вздрогнул.

Конечно, его охрана будет надежнее: ни одному призраку в дверь уже не

- Salam, Peggi, es Oskar.

Ela zai lagi in kama kom ti zai weiti prinsna na Blansnegina, al ke oli sey fuy-gnom dumi ke ela es morte, kom Blansnegina de hima-ney foto wo snega sembli blu, bu blan. Ela turni a me, e me kwesti swa, ob ela dumi ke me es prinsna o un de gnom. Me selfa suposi ke gnom, por may kalve kapa, bat ela shwo nixa, e se hi es gro-hao om Peggi: to ke ela neva shwo e lasi misteria resti.

- Me lai fo shwo ke depos aksham de sedey, si yu yao, me ve gardi yur dwar dabe protekti yu kontra fantom.

Ela ek-kan me, e elay silya ek-tremi. Se fa-senti kom pa lentisen rekorda, kom si aira fa pyu airalik e silensa pyu silensalik, kom si me muvi in akwa, e kom si olo zai shanji al ke yu blisifi a elay kama, sirkumen bay luma kel lai fon bujan-nem wo.

- Weiti ba, Kalva: den Peggi me hi ve protekti!

Popkorn en-ye in dwar-dun, to es ta fulisi it. Me ek-tremi. Ta-ney protekta sertem es pyu fidibile: nul fantom ve mog go pas. Popkorn ek-migi a Peggi.

- Salut, Peggy, c'est Oscar.

Elle était posée sur son lit, on aurait dit Blanche-Neige lorsqu'elle attend le prince, quand ces couillons de nains croient qu'elle est morte, Blanche-Neige comme les photos de neige où la neige est bleue, non pas blanche. Elle s'est tournée vers moi et la, je me suis demandé si elle allait me prendre pour le prince ou l'un des nains. Moi, j'aurais coché « nain » a cause de mon crâne d'oeuf mais elle n'a rien dit, et c'est ça qu'est bien, avec Peggy Blue, c'est qu'elle ne dit jamais rien et que tout reste mystérieux.

- Je suis venu t'annoncer que, ce soir, et tous les soirs suivants, si tu veux bien, je monterai la garde devant ta chambre pour te protéger des fantômes.

Elle s'est tourné vers moi, elle m'a regardé, elle a battu des cils et j'ai eu l'impression que le film passait au ralenti, que l'air devenait plus aérien, le silence plus silencieux, que je marchais comme dans de l'eau et que tout changeait lorsqu'on s'approchait de son lit éclairé par une lumière qui tombait de nulle part.

-Eh, minute, Crâne d'œuf: C'est moi qui garderai Peggy !

Pop corn se tenait dans l'encadrement de la porte, ou plutôt, il remplissait l'encadrement de la porte. J'ai tremblé. Sûr que si c'est lui qui fait la garde, ce sera efficace, aucun fantôme ne pourra plus passer.

протиснуться. Попкорн подмигнул Пегги.

-- Эй, Пегги! Мы ведь с тобой друзья, правда?

Пегги смотрела в потолок. Попкорн принял это за знак согласия и вытолкнул меня из комнаты.

-- Если тебе нужна девочка, возьми Сандрину. Тут охота запрещена.

-- По какому праву?

-- По праву первенства: я пришел раньше. Если ты недоволен, будем драться.

В результате я очень доволен.

Я немного устал и пошел посидеть в зале для игр. Сандрина оказалась как раз там. Как и у меня, у нее -- лейкемия, но ей лечение как будто помогает. Ее прозвали Китайкой из-за черного парика с блестящими прямыми волосами и челкой. Она смотрит на меня и раздувает шар из жевательной резинки.

-- Можешь меня поцеловать, если хочешь.

-- Зачем? Мало тебе жвачки?

-- Тупица, ты, небось, и не умеешь.

Спорим, что ни разу не пробовал.

-- Ну, ты меня рассмешила. В пятнадцать лет ни разу не пробовать! Ошибаешься, смею тебя уверить.

-- Тебе пятнадцать лет? - удивилась она. Я сверился с часами.

-- Да, уже исполнилось.

-- Я всегда мечтала, чтобы меня поцеловал взрослый, пятнадцатилетний

- Hey, Peggi! Nu es amigas, bu ver?

Peggi zai kan versu tavan. Popkorn samaji se kom "ya", e mah me aus shamba.

- Si yu nidi gela, pren Sandrina. Hir bu darfi shikari.

- Pa kwel raita?

- Pa raita de un-nesa: me he lai pyu ranem. Si yu bu es santush, nu batali ba.

Also me es ga santush.

Me fatigi idyen e go sidi in pleishamba. Sandrina es yus dar. Ela toshi hev leukemia, yus kom me, bat a ela leking sembli helpi. Oni nami ela Jungwo-gela por swate peruka do brili-she rekthe har e longe frentahar. Ela zai kan me al inflhi chabiguma-pao.

- Yu mog kisi me, su yu yao.

- Way? Ob chabiguma bu sufi?

- Yu to stupida shayad bu janmog kisi. Shayad iven bu gwo probi.

- Wel, es ya ridival. Pa yash de shi-pet yar bu gwo probi ya! Yu galti, me osi sertisi yu.

- Yu hev shi-pet yar ku? - ela fa-surprisi. Me cheki kloka.

- Ya, yo.

- Me gwo sempre drimi om ke un adulte boy do shi-pet yar kisi me.

Pop Corn a fait un clin d'œil a Peggy.

-Hein Peggy ? Toi et moi, on est copains non ? Peggy a regardé le plafond. Pop Corn a pris ça pour une confirmation et m'a tiré dehors.

-Si tu veux une fille, tu prends Sandrine. Peggy, c'est chasse gardée.

-De quel droit ?

-Du droit que j'étais là avant toi. Si t'es pas content on peut se battre.

En fait, je suis super content.

J'étais un peu fatigué et je suis allé m'asseoir dans la salle de jeux. Justement, il y avait Sandrine, elle est leucémique, comme moi, mais elle, son traitement a l'air de réussir. On l'appelle la chinoise parce qu'elle a une perruque noire, brillante, aux cheveux raides, avec une frange, et que ça l'a fait ressembler à une chinoise. Elle me regarde et fait éclater une bulle de chewing-gum.

- Tu peux m'embrasser si tu veux.

- Pourquoi ? Le chewing-gum te suffit pas ?

- T'es même pas capable minus. Je suis sûre que tu l'as jamais fait.

- Alors là tu me fais rigoler. A quinze ans, je l'ai déjà fais plusieurs fois, je peux t'assurer.

- T'as quinze ans ? Qu'elle me fait, surprise. Je vérifie ma montre.

- Oui, quinze ans passé.

- J'ai toujours rêver d'être embrassée par un grand de quinze ans.

мальчик.

-- Конечно, заманчиво, -- отвечаю я. И тут она делает невысказанную гримасу, вытянув губы вперед (представляете присоску, расплюснутую на стекле?), и я понимаю, что она ждет поцелуя.

Обернувшись, я увидел, что все мои приятели за нами наблюдают. Все пути к отступлению отрезаны. Надо быть мужчиной. Час пробил. Я подхожу и целую ее. Она цепляется за меня руками, я никак не могу вырваться, рот совершенно мокрый, и вдруг, без всякого предупреждения она вlepила мне свою жвачку. От неожиданности проглатываю ее целиком. Я в ярости. Как раз в этот момент кто-то похлопал меня по спине.

Беда никогда не приходит одна: родители.

Было воскресенье, я совсем забыл!

-- Познакомишь нас со своей подружкой, Оскар?

-- Она мне не подружка.

-- Но все же ты можешь нам ее представить?

-- Сандрина. Мои родители. Сандрина.

-- Очень рада с вами познакомиться, говорит Китайка медоточивым голосом. Я бы мог ее удавить.

-- Хочешь, чтобы Сандрина пошла с нами к тебе в комнату?

-- Нет, Сандрина останется здесь.

Вернувшись к себе в комнату, я понял, что устал, и немного вздремнул. Все

- Sertem es temti-she, - me jawabi. Ewala elai fai un gro-ajibe myen do extenden labas (imajini ba suker platifen on glas), e me samaji ke elai expekti kisa. Al turni me vidi ke oli may amigasi zai kan nu. Dao fo go bak yok. Treba suluki kom vere man. Es ya taim. Me blisifi e kisi elai. Ela graspi me bay handas tak ke me bu mog librisi swa, elay muh es mokre, ewala, ga sin warna, elai pushi-plasi swa-ney chabiguma inu may muh. Me gloti it totem por surprisa. Me sta pa furia. Yus al se koywan klapi may bey. Ver, beda neva lai sole: es may mata-patra. Es ya semdi, me he fogeti ya.

- Ob yu sal presenteni a nu yur amigina, Oskar?

- Ela bu es may amigina.

- Yedoh yu mog presenteni ela, bu ver?

- Sandrina. May mata-patra. Sandrina.

- Me joi por en-koni yu, - Jungwo-gela shwo pa sukraful-si vos. Me wud mog kili-tufi ela.

- Ob yu yao ke Sandrina go kun nu inu yur shamba?

- Non, Sandrina sal resti hir.

Afte lai a swa-ney shamba, me samaji ke me he fatigi, e me somni-ki idyen. Olosam me bu yao-

- C'est sûr, c'est tentant, que je dis.

Et là, elle me fait une grimace pas possible avec ses lèvres qu'elle pousse en avant, on dirait une ventouse qui s'écrase sur une vitre, et je comprend qu'elle attend un baiser.

En me retournant, je vois tous les copains qui m'observent. Pas moyens de me dégonfler. Faut être un homme, c'est l'heure.

Je m'approche et je l'embrasse. Elle m'accroche avec les bras, je ne peux plus m'en décoller, ça mouille, et tout d'un coup, sans prévenir, elle me refille son chewing-gum. De surprise, je l'ai avalé tout rond. J'étais furieux.

C'est à ce moment là qu'une main m'a tapé dans le dos. Un malheur n'arrive jamais seul: mes parents. On était dimanche et j'avais oublié !

-Tu nous présente ton amie ? Oscar.

-Ce n'est pas mon amie.

-Tu nous la présente quand même ?

-Sandrine. Mes parents. Sandrine.

-Je suis ravie de vous connaître, dit la chinoise en prenant des airs sucrés. Je l'aurais étranglée.

-Veux-tu que Sandrine vienne avec nous dans ta chambre ?

-Non. Sandrine reste ici.

De retour dans mon lit, je me suis rendu compte que j'étais fatigué et j'ai dormi un peu. De toute

равно мне не хотелось с ними разговаривать. Когда проснулся, они, конечно, стали дарить мне подарки. С тех пор, как я в больнице, родителям беседы со мною -- в тягость, поэтому они приносят мне подарки, и все послеобеденное загубленное время уходит на чтение правил игры и способов употребления. Отец мой неутомим в чтении всякого рода пояснений: даже если они написаны по-турецки или по-японски, его не смутит, он обращается к схемам и чертежам. Он чемпион мира по испорченным воскресеньям. Сегодня он принес проигрыватель. И тут, даже если бы мне этого и хотелось, я не смог ничего возразить.

-- Вы вчера не приходили?

-- Вчера? С чего ты взял? Мы можем только в воскресенье. Почему ты спрашиваешь?

-- Вашу машину видели на стоянке.

-- На свете не один красный джип.

Одинаковых машин много.

Ну да! Как не родные. Какая жалость!

И тут я их сделал. Взял проигрыватель и прямо при них два раза подряд прослушал пластинку "Щелкунчика" целиком. Два часа они не смогли промолвить ни слова. Так им и надо.

-- Тебе нравится?

-- Еще бы! Так и клонит в сон.

te toki kun nulwan. Afte ke me en-jagi, li en-fai donas a me. Depos ke me geti inu hospital, toking es mushkile fo li, also li bringi donas, e oni kili-pasi ol afte-middey-ney taim fo lekti plei-regula e yusidao. May patra es bufatigibil al lekti explika do oli sorta: iven si it es skriben pa turke o nihon, ta bu defai kuraja e en-examini skema e rasma. Ta es ya munda-champion om bigari semdi aksham. Sedey ta bringi pleier. Om se me bu mog-te fai kritika, iven si me wud yao.

- Ob yu lai-te yeri?

- Yeri? Ob nu gai-te? Nu mog lai sol pa semdi. Way yu kwesti?

- Oni he vidi yur auto pa parkilok.

- Pa munda ye pyu kem un rude jip. Oni mog konfusi li.

Ver ku? Kwasi li bu es may janmer. Afsos.

Ewala me fai ti li meriti na kosa an li. Me pren pleier e audi diska de "Nuta-kreker" totem, sin stopi, yus bifoo li. Duran dwa ora li bu mog-te shwo ni un worda. Hao fo li.

- Yu pri ku?

- Ya-ya. Me sta somnihil.

façon je voulais pas leur parler.

Quand je me suis réveillé, évidemment, ils m'avaient apporté des cadeaux. Depuis que je suis en permanence à l'hôpital, mes parents ont du mal avec la conversation. Alors ils m'apportent des cadeaux et l'on passe des après-midi pourries à lire les règles de jeu et les modes d'emploi. Mon père, il est intrépide avec les notices: même quand elles sont en turc ou en japonais, il ne se décourage pas, il s'accroche au schéma. Il est champion du monde du dimanche après-midi gâché.

Aujourd'hui, il m'avait apporté un lecteur de disques. Là, j'ai pas pu critiquer même si j'en avais envie.

-Vous êtes pas venus hier ?

-Hier ? Pourquoi veux-tu ? Nous ne pouvons que le dimanche. Qu'est-ce qui te fais dire ça ?

-Quelqu'un a vu votre voiture dans le parking.

-Il n'y a pas qu'une jeep rouge au monde. C'est interchangeable les voitures.

-Ouais, c'est pas comme les parents. Dommage.

Là, je les avais cloués sur place. Alors j'ai pris l'appareil à musique et j'ai écouté deux fois le disque "Casse-Noisette", sans m'arrêter, devant eux. Deux heures sans qu'ils puissent dire un mot. Bien fait pour eux.

-Ça te plaît ?

-Ouais, j'ai sommeil.

Они поняли, что пора уходить. Они явно были не в своей тарелке. Никак не могли решиться. Я чувствовал, что они что-то хотят сказать, но у них не получается. Мне нравилось наблюдать, как они мучаются, они тоже.

Потом моя мать бросилась ко мне, с силой прижала меня к себе, слишком сильно, и произнесла безумным голосом:

-- Оскар, маленький мой, я тебя люблю, я так сильно тебя люблю.

Мне хотелось вырваться, но в последний момент я решил не сопротивляться, вспомнил прежние времена, когда ласки были простыми и нежными, и она говорила, что любит меня, без этой тоски в голосе. После этого мне нужно было немного поспать. Розовая мама -- чемпион побудки. Она всегда на линии ожидания как раз в тот момент, когда я открываю глаза. И всегда улыбается.

-- Ну, что твои родители?

-- Ничего, как обычно. Впрочем, они подарили мне "Щелкунчика".

-- "Щелкунчика"? Любопытно. У меня была подружка, которую так прозвали. Супер-чемпионка. Она ломала шеи своим противникам, зажимая их между ляжками. А Пегги Блю, ты был у нее?

-- Не надо больше об этом. Она обручена с Попкорном.

-- Она сама тебе сказала?

-- Нет, он сказал.

-- Вранье!

Li samaji ke li treba go wek. Klar ke li sta ga buhao. Li bu mog-te osi. Me senti-te ke li yao shwo koysa bat bu pai. Me pri-te kan komo li sufri, es ya ley tur.

Poy mata fa-lansi a me, muy fortem presi me a swa, tro fortem, e shwo pa pagale-si vos:

- May syao Oskar, ma lubi yu, me lubi yu gro.

Me yao-te resisti, bat pa laste momenta me desidi lasi, me en-remembi gwo-ney taim do simple dule karesa, gwo-ney taim wen ela bu fai-te sey ton de duha al shwo ke ela lubi me. Afte se treba-te ke me somni idyen. Rose mama, ela es ya champion de jagifa. Ela sempre es pa weiti-linia al ke me ofni okos. E ela sempre smaili al sey momenta.

- Also, kwo om yur mata-patra.

- Nixa osobe, kom pinchanem. Yedoh li he doni a me "Nuta-kreker".

- Nuta-kreker ku? Wel, es ya kuriose. Me gwo hev un amigina-si kel nami tak. Ela gwo rupti galsa de kontrajen bay klemi it inter swa-ney kalchas. E om Peggi Blu, yu he visiti ku ela?

- Me bu sal shwo om se. Ela es dulhifen kun Popkorn.

- Ela selfa he shwo se?

- Non, lu.

Ils ont compris qu'ils devaient partir. Ils étaient mal comme tout. Ils ne pouvaient pas se décider. Je sentais qu'ils voulaient me dire quelque chose et qu'ils n'y arrivaient pas. C'était bon de les voir souffrir, à leur tour.

Puis ma mère s'est précipité contre moi, m'a serré très fort, trop fort, et a dit d'une voix secouée:

- Je t'aime mon petit Oscar, je t'aime tellement.

- J'avais envie de résister mais au dernier moment je l'ai laisser faire, ça me rappelait le temps d'avant, le temps des gros câlins tout simples, le temps où elle n'avait pas un ton angoissé pour me dire qu'elle m'aimait. Après ça, j'ai du m'endormir un peu. Mamie-Rose, c'est la championne du réveil. Elle arrive toujours sur la ligne d'arrivée au moment où j'ouvre les yeux. Et elle a toujours un sourire a ce moment-la.

- Alors, tes parents ?

- Nuls comme d'habitude. Enfin, ils m'ont offert Casse-Noisette.

- Casse-Noisette? Ça, c'est curieux. J'avais une copine qui s'appelait comme ça. Une sacrée championne. Elle brisait le cou de ses adversaires entre ses cuisses. Et Peggy Blue, tu es allé la voir ?

- M'en parlez pas. Elle est fiancée a Pop Corn.

- Elle te l'a dit ?

- Non, lui.

- Du bluff !

-- Не думаю. Уверен, что он ей нравится больше, чем я. Он сильнее, внушает доверие.

-- Вранье, говорю я тебе! Я на ринге выглядела, как мышка, а побеждала кетчисток, похожих на китов или гиппопотамов. Взять хотя бы Плюм Пуддинг, ирландку, сто пятьдесят кило натошак и в трусиках, еще до ее рекорда Гиннеса. У нее предплечье было с мое бедро, бицепсы -- как окорока, ноги -- руками не обхватишь. Никакой талии, ухватить совершенно не за что. Непобедимая!

-- Как же вам удалось?

-- Если не за что ухватиться, значит, оно круглое и катится. Я заставила ее побегать, чтобы она выбилась из сил, потом положила на лопатки. Плюм Пуддинг! Понадобилась лебедка, чтобы ее поставить на ноги. У тебя, малыш мой Оскар, легкая кость и не слишком много мяса - что правда, то правда. Но чтобы понравиться, мяса и костей недостаточно, нужны достоинства души, а у тебя их множество.

-- У меня?

-- Пойди к Пегги Блю и расскажи ей, что у тебя на сердце.

-- Я немного устал.

-- Устал? Сколько тебе лет в настоящее время? Восемнадцать? В восемнадцать лет не устают.

Моя Розовая мама так умеет сказать, что

- Luga!

- Me bu opini tak. Me es serte ke den lu ela pri pyu kem den me. Lu es pyu forte, pyu fidival.

- Luga, me shwo ya! On ringa me gwo simili maus, yedoh jiti kechistas kel simili balena o hipopo. Walaa Sliva Puding, Airland-gina, pa exampla. Sto-petshi kilo al vakue stomak e in pantakin, iven bifoo Guinness-rekor. Ela hev-te nichbracha kom may kalcha, bisepsa kom swina-kalcha, e den elay gambas me ga bu mog-te pren sirkum. Nul talia, nul dao fo graspi. Nojitibil!

- Komo yu jiti?

- Si oni bu mog graspi koysa, se maini ke es ronde e roli. Me mah ela gro-lopi dabe ela gro-fatigi, poy renversi ela. Den ela to Sliva Puding! Treba-te wincha fo mah ela en-stan. May syao Oskar, yu hev leve ostatot e bu mucho masu, es ver, bat tu fa-pri bu es ya dela do osta e masu, treba hev merita de atma. E den to ye basta she yu.

- She me ku?

- Go visiti Peggi Blu e rakonti a ela kwo ye inen yur kordia.

- Me sta idyen fatigue.

- Fatige ku? Kwanto yar yu hev al nau? Shi-ot? Al shi-ot yar oni bu fatigi.

Shwosa de may Rose mama ya sempre adi

- Je crois pas. Je suis sûr qu'il lui plait plus que moi. Il est plus fort, plus rassurant.

- Du bluff, je te dis ! Moi qui avais l'air d'une souris sur un ring, j'en ai battu des catcheuses qui ressemblaient a des baleines ou a des hippopotames. Tiens, Plum Pudding, l'Irlandaise, cent cinquante kilos a jeun en slip avant sa Guinness, des avantbras comme mes cuisses, des biceps comme des jambons, des jambes dont je ne pouvais pas faire le tour. Pas de taille, pas de prises. Imbattable !

- Comment avez-vous fait ?

- Quand il n'y a pas de prise, c'est que c'est rond et que ça roule. Je l'ai fait courir, histoire de la fatiguer, puis je l'ai renversée, Plum Pudding. Il a fallu un treuil pour la relever. Toi, mon petit Oscar, tu as l'ossature légère et tu n'as pas beaucoup de bifteck, c'est certain, mais la séduction, ça ne tient pas qu'a l'os et qu'a la viande, ça tient aussi aux qualités de coeur. Et ça, des qualités de coeur, tu en as plein.

- Moi?

- Va voir Peggy Blue et dis-lui ce que tu as sur le coeur.

- Je suis un peu fatigué.

- Fatigué ? Quel âge as-tu a cette heure ? Dixhuit ans ? A dix-huit ans, on n'est pas fatigué.

Elle a une façon de parler, Mamie-Rose, qui

вы просто заражаетесь энергией.

Наступила ночь, звуки в темноте
сделались более отчетливыми, линолеум в
коридоре отражал свет луны.

Я вошел к Пегги и протянул ей мой
проигрыватель.

-- На, послушай "Вальс снежинок". Это так
красиво, что вспоминаешь тебя.

Пегги прослушала "Вальс снежинок". Она
улыбалась так, как будто вальс был ее
старым другом и нашептывал ей на ушко что-
то интересное.

Она вернула мне проигрыватель и сказала:
-- Очень красиво.

Это были первые ее слова. Правда,
потрясающе для первых слов?

-- Пегги Блю, я хотел тебе сказать: не
хочу, чтобы тебя оперировали. Ты очень
красивая как есть. Тебе идет голубой цвет.

Я отлично видел, что ей нравятся мои
слова. Я сказал не для того, но было ясно,
что ей нравится.

-- Я хочу, чтобы именно ты, Оскар,
защищал меня от призраков.

-- Положись на меня, Пегги.

Я был страшно горд. В конечном итоге я
одержал победу!

-- Поцелуй меня.

У них, у девчонок, это просто коронный
номер - поцелуй, не могут без этого
обойтись. Но, в отличие от Китайки, Пегги
не была такой порочной, она просто
подставила мне щеку, и, правду сказать, от

energia.

Fa-nocha, suones in tumitaa fa-distinte, koridor-
ney linolyum reflekti luna-luma.

Me zin shamba de Peggi e teni-dai may musika-
pleier a ela.

- Walaa. Audi ba "Valza de sneginkas". Es ya
tanto jamile ke mah me dumi om yu.

Peggi audi "Valza de sneginkas". Ela smaili kom
si valza es elay lao amiga kel hamsi-rakonti
koysa drole in elay aur.

Ela dai pleier bak a me e shwo:

- Muy jamile.

To bin ya elay un-ney worda. Es ya magnifike fo
un-ney worda, bu ver?

- Peggi Blu, me yao-te shwo a yu: me bu yao ke
oni operati yu. Yu es ya jamile kom yu es. Yur
blutaa es ya jamile.

Wel, me vidi-te ke ela pri to ke me shwo. Me he
shwo bu fo se, bat es ya klare ke ela pri hi.

- Me yao ke yu hi, Oskar, protekti me kontra
fantom.

- Fidi me, Peggi.

Me en-sta muy garwe. Me ya jiti pa fin!

- Kisi me.

Wel, es ya gela-truk, tu kisi, kom si li ga bu mog
duyfu sin to. Bat, komparen kun Jungwo-gela,
Peggi bu es tanto dosh-ney, ela sim tayari wanga,
e pa fakta me selfa fa-garme al kisi.

donne de l'énergie.

La nuit était tombée, les bruits résonnaient plus
fort dans la pénombre, le linoléum du couloir
réfléchissait la lune.

Je suis entré chez Peggy et lui ai tendu mon
appareil a musique.

- Tiens. Ecoute « La Valse des flocons ». C'est
tellement joli que ça me fait penser a toi.

Peggy a écouté « La Valse des flocons ». Elle
souriait comme si c'était une vieille copine, la
valse, qui lui racontait des choses drôles a
l'oreille.

Elle m'a rendu l'appareil et elle m'a dit :

- C'est beau.

C'était son premier mot. C'est chouette, non,
comme premier mot ?

- Peggy Blue, je voulais te dire : je veux pas
que tu te fasses opérer. Tu es belle comme ça. Tu
es belle en bleu.

Ça, j'ai bien vu que ça lui faisait plaisir. Je l'avais
pas dit pour, mais c'était clair que ça lui faisait
plaisir.

- Je veux que ce soit toi, Oscar, qui me protèges
des fantômes.

- Compte sur moi, Peggy.

J'étais vachement fier. Finalement, c'est moi qui
avais gagné !

- Embrasse-moi.

Ça, c'est vraiment un truc de filles, le baiser,
comme un besoin chez elles. Mais Peggy, a la
différence de la Chinoise, elle n'est pas une
vicieuse, elle m'a tendu la joue et c'est vrai que
ça m'a fait chaud, a moi aussi, de l'embrasser.

этого поцелуя меня самого в жар бросило.

-- Спокойной ночи, Пегги.

-- Спокойной ночи, Оскар.

Вот таким, Господи, был мой день. Я понял, почему отрочество называют переходным возрастом. Тяжелая пора. Но после двадцати все налаживается. Итак, посылаю тебе просьбу этого дня: мне бы хотелось, чтобы мы с Пегги поженились. Не уверен, что женитьбы относится к области духовного, то есть, находится в твоём ведении. Выполняешь ли ты желания такого рода - в духе брачного агентства? Если это не в твоей компетенции, дай мне знать побыстрее, чтобы я мог обратиться к свахе. Не хотелось бы тебя торопить, но вынужден напомнить, что времени у меня совсем немного. Так вот: женитьба Оскара и Пегги Блю. Да или нет. Посмотри, можешь ли это сделать, мне бы очень хотелось.

До завтра, целую Оскар

P.S. На самом деле, какой же у тебя адрес?

- Hao nocha, Peggì.

- Hao nocha, Oskar.

Wala, Boh, may dey. Me samaji nau way oni shwo ke tineijer-yash nami ya transita-yash. Es ya grave-mushkile. Bat pa fin, afte en-hev dwashi yar, olo rista hao. Also me fai nau may prega de sedey: me wud yao ke me gami Peggì Blu.

Me bu es serte ke gaming perteni a klas de kosas spirituale e a domen de yur mogsa. Ob yu fulfil yaosa de tal sorta, kwasi gamiburoo? Si se bu es yur fah, informi ba me kway fo ke me mog adresi prave jen. Wel, me ga bu yao mah-hasti yu, bat me majbur mah yu remembi ke me hev shao taim. Also: gaming de Oskar e Peggì Blu. Ya o non. Me wud joi si yu wud mog ladi se.

Til manya, swasti, Oskar

P.S. Bat pa veritaa, kwel hi es yur adres?

- Bonsoir, Peggy.

- Bonsoir, Oscar.

Voilà, Dieu, c'était ma journée. Je comprends que l'adolescence, on appelle ça l'âge ingrat. C'est dur. Mais finalement, sur le coup des vingt ans, ça s'arrange. Alors je t'adresse ma demande du jour : je voudrais que Peggy et moi on se marie.

Je ne suis pas certain que le mariage appartienne aux choses de l'esprit, si c'est bien ta catégorie. Est-ce que tu fais ce genre de vœu, le vœu agence matrimoniale ? Si tu n'as pas ça en rayon, dis-le moi vite que je puisse me tourner vers la bonne personne. Sans vouloir te presser, je te signale que je n'ai pas beaucoup de temps. Donc : mariage d'Oscar et Peggy Blue. Oui ou non. Vois si tu fais, ça m'arrangerait.

A demain, bisous, Oscar.

P-S. Au fait, c'est quoi, finalement, ton adresse ?

Дорогой Бог!

Свершилось, мы поженились. Сегодня 21 декабря, я разменял третий десяток, и я женат. Что касается детей, то мы с Пегги пока это отложили. Думаю, что она еще не готова.

Все произошло прошлой ночью. В час ночи я услышал, что Пегги Блю стонет. Я просто подскочил на кровати. Призраки! Они терзают Пегги Блю, которую я обещал охранять. Она решит теперь, что я просто болтун, перестанет со мной разговаривать и будет права.

Я встал и двинулся в сторону стонов. Дойдя до комнаты Пегги, я увидел, что она сидит в постели. Мой приход ее удивил. Должно быть, и у меня вид был удивленный: она сидела прямо против меня, смотрела на меня, рот ее был закрыт, но я продолжал слышать крики.

Kare Boh,

es zwo-ney, me he gami. Sedey es dey 21 de mes shi-dwa, me en-go versu may trishi yar, e me es gamen. Om kindas, me e Peggi, nu he desidi ajorni se al nau. Pa fakta, me dumi ke ela bu es tayar.

Se he pasi duran sey nocha.

Sirke klok un me audi gema de Peggi Blu. Me ek-salti on kama. Es ya fantom! Li mah-duhi Peggi Blu al ke me he wadi gardi ela. Nau ela sal desidi ke me es sim shwonik e fini toki kun me, e ve bi prav.

Also me en-stan e en-go versu gema. Al zin Peggi-ney shamba, me vidi ke ela zai sidi in kama. Ela fa-surprisi por may laisa. Shayad me toshi aspekti surprisen: ela zai sidi yus bifoo me, zai kan me al klosen muh, e me haishi audi kraisa.

Cher Dieu,

Ça y est, je suis marié. Nous sommes le 21 décembre, je marche vers mes trente ans et je me suis marié. Pour les enfants, Peggy Blue et moi, on a décidé qu'on verra ça plus tard. En fait, je crois qu'elle n'est pas prête.

Ça s'est passé cette nuit.

Vers une heure du matin, j'ai entendu la plainte de Peggy Blue. Ça m'a redressé dans mon lit. Les fantômes ! Peggy Blue était torturée par les fantômes alors que je lui avais promis de monter la garde. Elle allait se rendre compte que j'étais un tocand, elle ne m'adresserait plus la parole et elle aurait raison.

Je me suis levé et j'ai marché jusqu'aux hurlements. En arrivant a la chambre de Peggy, je l'ai vue assise dans son lit, qui me regardait venir, surprise. Moi aussi, je devais avoir l'air étonné, car soudain j'avais Peggy Blue en face de moi qui me fixait, la bouche fermée, et j'entendais pourtant toujours les cris.

Тогда я дошел до следующей двери и понял, что стонет Копченое сало. Он прямо корчился в своей кровати от ожогов. На мгновение мне стало стыдно: я снова вспомнил день, когда поджег дом, кошку, собаку и даже поджарил золотых рыбок -- впрочем, они скорее сварились. Я подумал о том, что им пришлось пережить, и сказал себе, что в конце концов лучше было бы все оставить как есть, чем постоянно терзаться воспоминаниями и ожогами, как вот теперь терзается Копченое сало, несмотря на мази и пересадки кожи. Копченое сало скорчился и перестал стонать. Я вернулся к Пегги Блю.

-- Значит, это не ты стонала, Пегги? Я-то считал, что по ночам кричишь именно ты.

-- А я думала, что ты.

Больше мы не возвращались к тому, что было, и о чем каждый себе говорил. Оказалось, что мы давно уже думали друг о друге. Пегги Блю еще больше поголубела, что означало: она стесняется.

-- Что ты теперь намерен делать, Оскар?

-- А ты, Пегги?

С ума сойти, сколько у нас было общего -- те же мысли, те же вопросы.

-- Хочешь поспать вместе со мной?

Немыслимые создания, эти девчонки.

Чтобы произнести подобную фразу, я бы потратил часы, недели, месяцы, прокручивая ее в голове. А она выдала ее так естественно, так просто.

-- О'кей.

Dan me go til sekwe shamba e en-samaji ke es Bekon-ney gema: ta zai gro-sufri-torsi por jalwundas. Fo un momenta me senti remorsa: me en-remembi toy dey pa kel me agnisi dom, kota e doge e iven mah-rosti goldfish, - yedoh li pyu-nem buli-te shayad. Me ek-dumi om to ke li he majbur anubavi e shwo a swa ke pyu hao me lasi se olo bi kom it es, kem duhi-sufri oltaim por rememba e jalwunda, kom Bekom zai sufri malgree oli krem e derma-transplanta. Bekon torsi swa e fini gemi. Me go bak a she Peggi Blu.

- Also se bu es yu, kel gemi? Me gwo kredi ke yu hi kraï.

- E me gwo kredi ke es yu hi.

Nu bu returni pyu a to kel gwo bi, e a to ke me e ela gwo shwo a swa. Reveli ke nu ambi dumi om mutu duran longtaim yo.

Peggi Blu fa iven pyu blu, lo kel signifi ke ela konfusi-timidefai.

- Kwo yu sal zwo, Oskar?

- E yu, Peggi?

Es ya basta fo pagalifi, nu hev ya tanto mucho komune kosa: same дума, same kwesta.

- Yao ku somni kun me tuhun?

Gelas es ya noimajinibil kreatura. Me selfa, fo pronunsi tal frasa, wud tayari-repeti it in kapa duran oras, wikes, meses, e ela dai shwo it ga naturellem, ga simplem.

- Hao.

Alors j'ai continué jusqu'a la porte suivante et j'ai compris que c'était Bacon qui se tordait dans son lit a cause de ses brûlures. Un instant, ça m'a donné mauvaise conscience, j'ai repensé au jour où j'avais foutu le feu a la maison, au chat, au chien, quand j'avais même grillé les poissons rouges - enfin, je pense qu'ils ont dû surtout bouillir, j'ai songé a ce qu'ils avaient vécu et je me suis dit qu'après tout, ce n'était pas plus mal qu'ils y soient restés plutôt que de n'en avoir jamais fini avec les souvenirs et les brûlures, comme Bacon, malgré les greffes et les crèmes. Bacon s'est recroquevillé et a cessé de gémir. Je suis retourné chez Peggy Blue.

- Alors ce n'était pas toi, Peggy ? J'ai toujours cru que c'était toi qui criais la nuit.

- Et moi je croyais que c'était toi.

On n'en revenait pas de ce qui se passait, et de ce qu'on se disait : en réalité, chacun pensait a l'autre depuis longtemps.

Peggy Blue est devenue encore plus bleue, ce qui signifiait chez elle qu'elle était très gênée.

- Qu'est-ce que tu fais, maintenant, Oscar ?

- Et toi, Peggy?

C'est fou ce qu'on a comme points communs, les mêmes idées, les mêmes questions.

- Est-ce que tu veux dormir avec moi ?

Les filles, c'est incroyable. Moi, une phrase comme ça, j'aurais mis des heures, des semaines, des mois a la mâcher dans ma tête avant de la prononcer. Elle, elle me la sortait tout naturellement, tout simplement.

- O.K.

И я лег рядом с ней. Было тесновато, но мы провели чудесную ночь. Пегги пахла орехами, и кожа у нее была такая нежная, как у меня на тыльной стороне руки, но только у нее -- повсюду. Мы долго спали, видели сны, мы прижались друг к другу, и каждый рассказал всю свою жизнь.

Правда, утром, когда мадам Гоммет, старшая сиделка, обнаружила нас вместе, это был тот еще спектакль, настоящая опера. Она начала вопить, ночная сиделка тоже начала вопить, они орали сначала друг на друга, потом на Пегги, потом на меня, двери хлопали, они приглашали других в свидетели, называли нас "несчастненькими", хотя, на самом деле, мы были счастливы, и только приход Розовой мамы положил конец этому кошачьему концерту.

-- Не пора ли оставить детей в покое? Вам что важнее -- правила или пациенты? Начхать мне на ваши правила, можете ими подтереться. А теперь тихо. Можете рвать на себе волосы в другом месте. Здесь не место для скандалов.

Как всегда с Розовой мамой, о возражениях не могло быть и речи. Она отвела меня в мою комнату, и я немного поспал. Когда проснулся, мы смогли поговорить.

-- Так значит, с Пегги у тебя все серьезно, Оскар?

-- Супер, Розовая мама. Я совершенно счастлив. Этой ночью мы поженились

Ewala me en-lagi bli ela. To bin idyen tange, bat nu he pasi magnifike nocha. Peggi Blu fa-fauhi nuta, e elay derma es sam mule kom may-la pa inen-taraf de bracha, bat she ela it es tal kadalok. Nu somni longem, sonji longem, nu presi swa kontra mutu, nu rakonti a mutu ol swa-ney jiva.

Wel, sertem, pa sabah, al ke madam Gomet to shefnana findi nu tuhun, en-ye un vere opera. Ela en-krai-skwili, nocha-nana toshi en-krai-skwili, li krai un-nem an mutu, poy an Peggi, poy an me, dwar klapi-klapi, li voki otre fo gavahi-kan, li nami nu "nofelise syaowan", obwol pa veritaa nu sta ya gro-felise, e sol laisa de Rose mama mah li fini sey konserta.

- Es ya taim fo lasi kindas pa salam, bu ver? Kwo es pyu muhim: regula o morbi-sha selfa? Me mog spuki an oli yur regula, yu mog ya pon li inu tualet. Nau silensi. Go skwili-krai a koy otre lok. Hir bu es prave plasa fo skandal.

Nul objeta yok, kom sempre al Rose mama. Ela gidi me a may shamba, e me somni-ki idyen. Afte ke me en-jagi, nu toki.

- Also yu e Peggi, es ya gambir?

- Es super, Rose mama. Me sta ga felise. Nu he gami duran sey nocha.

Et je suis monté dans son lit. On était un peu serrés mais on a passé une nuit formidable. Peggy Blue sent la noisette et elle a la peau aussi douce que moi à l'intérieur des bras mais elle, c'est partout. On a beaucoup dormi, beaucoup rêvé, on s'est tenus tout contre, on s'est raconté nos vies.

C'est sûr qu'au matin, quand Madame Gomette, l'infirmière-chef, nous a trouvés ensemble, ç'a été de l'opéra. Elle s'est mise à hurler, l'infirmière de nuit s'est mise à hurler aussi, elles ont hurlé l'une sur l'autre puis sur Peggy, puis sur moi, les portes claquaient, elles prenaient les autres à témoin, elles nous traitaient de «petits malheureux» alors que nous étions très heureux et il a fallu que Mamie-Rose arrive pour mettre fin au concert.

- Est-ce que vous allez foutre la paix à ces enfants ? Qui devez-vous satisfaire, les patients ou le règlement ? J'en ai rien à cirer de votre règlement, je m'assois dessus. Maintenant, silence. Allez vous crêper le chignon ailleurs. On n'est pas dans un vestiaire, ici.

C'était sans réplique, comme toujours avec Mamie-Rose. Elle m'a ramené dans ma chambre et j'ai un peu dormi. Au réveil, on a pu causer.

- Alors, c'est du sérieux, Oscar, avec Peggy ?

- C'est du béton, Mamie-Rose. Je suis superheureux. On s'est mariés cette nuit.

-- Поженились?
-- Да. Мы делали все, что делают мужчины и женщина, когда они женаты.
-- Вот как?
-- За кого вы меня принимаете? Я -- кстати, который час? -- разменял третий десяток и теперь веду соответствующую жизнь, верно?
-- Разумеется.
-- И, знаете, разные там штучки, которые в молодости были мне противны, -- поцелуи, ласки, -- так вот теперь мне это нравится. Просто удивительно, как мы меняемся.
-- Очень рада за тебя, Оскар. Хорошо растешь.
-- Одна вещь пока не получается -- поцелуй, когда языками соприкасаешься. Пегги Блю боится, что от этого будут дети. А вы как думаете?
-- Думаю, она права.
-- В самом деле? Если целуешь в рот, могут появиться дети? Значит, они будут у нас с Китайкой.
-- Успокойся, Оскар, шансов не так уж и много. Скорее, мало.

Вид у Розовой мамы был уверенный, и я немного успокоился, потому что должен сказать тебе, Господи, тебе и только тебе, что один, а, может, и два, и больше раз мы с Пегги Блю все же соприкоснулись языками. Я немного поспал. Обедали мы вместе, Розовая мама и я, и мне стало получше.

- Gami ku?
- Ya. Nu he zwo olo ke man e gina zwo al sta gamen.
- Ver ku?
- Pur hu yu pren me? Me - kwel klok es? - me hev pyu kem dwashi yar, e fai korespondi-she jiva ya, bu ver?
- Sertem.
- Imajini ba, to ke me gwo nafri al sta yunge, oli kisa e karesa, den to me pri al nau. Se mah-astoni ya, komo oni shanji.
- Me joi om yu, Oskar. Yu developi ya hao.
- Sol un truk bu fa-pai: tu kisi mutu al tachi lisan. Pegg Blu fobi ke por se ela mog en-hev kinda. Kwo yu dumi om se?
- Me dumi ke ela es prav.
- Ob verem? Es posible ku pai kinda afte kisi pa muh? Dan me sal pai ta kun Jungwo-gela.
- Kalmi ba, Oskar. Ye shao shansa. Muy shao.

Rose mama aspekti serte, also me fa-kalmi idyen, bikos me mus shwo a yu, Boh, sol a yu, ke un ves, o mogbi dwa ves, o mogbi tri, me e Pegg he tachi ya lisan de mutu.

Poy me somni idyen.
Nu chi sabahfan pa hunta, Rose mama e me, e me en-sta pyu hao.

- Mariés ?
- Oui. On a fait tout ce que font un homme et une femme qui sont mariés.
- Ah bon ?
- Pour qui me prenez-vous ? J'ai - quelle heure est-il ? -j'ai vingt ans passés, je mène ma vie comme je l'entends, non ?
- Sûr.
- Et puis figurez-vous que tous les trucs qui me dégoûtaient avant, quand j'étais jeune, les baisers, les caresses, eh bien, finalement, ça m'a plu. C'est marrant comme on change, non ?
- Je suis ravie pour toi, Oscar. Tu pousses bien.
- Il n'y a qu'un truc qu'on n'a pas fait, c'est le baiser en mélangeant les langues. Peggy Blue avait peur que ça lui donne des enfants. Qu'est-ce que vous en pensez ?
- Je pense qu'elle a raison.
- Ah bon? C'est possible d'avoir des enfants si on s'embrasse sur la bouche ? Alors je vais en avoir avec la Chinoise.
- Calme-toi, Oscar, il y a quand même peu de chances. Très peu.

Elle avait l'air sûre de son coup, Mamie-Rose, et ça m'a calmé un peu parce que, faut te dire, a toi, Dieu, et rien qu'a toi, qu'avec Peggy Blue, une fois, voire deux, voire plus, on avait mis la langue. J'ai dormi un peu. On a déjeuné ensemble, Mamie-Rose et moi, et j'ai commencé à aller mieux.

-- С ума сойти, как я устал сегодня утром.
-- Это нормально. Между двадцатью и двадцатью пятью годами ночами не спишь, вечно что-нибудь празднуешь, жизнь ведешь разгульную, силы не экономишь. Приходится расплачиваться. Не повидаться ли нам с Господом?

-- Наконец-то, у вас есть его адрес?

-- Думаю, его можно найти в часовне.

Розовая мама одела меня так, будто мы собираемся на Северный полюс, взяла на руки и доставила в часовню, которая находится в глубине больничного парка, над замершими лужайками.

Впрочем, незачем объяснять тебе, где она находится, поскольку ты и сам знаешь, где твой дом. Я был потрясен, когда увидел твою статую, то есть состояние, в котором ты находишься -- почти голый, худой на своем кресте, повсюду раны, кровь из-под венца с его шипами, и даже голова уже не держится -- склонилась к плечу. Тут я о себе подумал. И все во мне восстало. Если бы я был Богом, как ты, я бы не позволил такого с собой сотворить.

-- Розовая мама, положи руку на сердце, вы, бывшая кетчистка и великая чемпионка, вы ведь не можете доверять такому!

-- Почему же, Оскар? Разве больше доверия к Богу испытал бы ты, видя культуриста с ухоженным телом, накаченными мышцами, масляной кожей, короткой стрижкой и нарядными плавками?

- Es pagale-si komo fatigue me sta sedey pa sabah.

- Es normale, pa yash inter dwashi e dwashi-pet yar oni sempre fai pati duran nocha, oni disipi jiva bu spari forsa. Pur to treba pagi. Mogbi nu go ba miti Boh?

- Pa fin ya, ob yu jan luy adres?

- Me dumi ke oni mog findi ta in chapela.

Rose mama klaidi me kwasi nu sal go a Norde pol, pren me inu brachas e bringi a chapela kel loki inen hospital-parka, sobre frosten gason. Wel, shayad bu treba expliki, sikom yu selfa ya jan wo yu habiti.

Me he pai shok al vidi yur statua, to es al vidi stasa pa kel yu zai bi: hampi nude e ga magre on swa-ney kros, do wundas kadalok, do hema guti-she fon spika-krona, e do sinfora-ney kapa inklini-she on plecha. Se mah me dumi om swa selfa. Olo rebeli inen me. Si me selfa wud bi Boh, me bu wud lasi oni zwo tal kosa an me.

- Rose mama, al bi sinsere, yu to gwo-ney kechista e champion, yu bu mog ya fidi tal wan!

- Way, Oskar? Ob yu wud senti pyu fida al vidi korpabilder do lali-ney korpa, do kresi-ney muskula, do olea-ney derma, do kurte har e luxa-ney swimi-pantakin?

- C'est fou comme j'étais fatigué, ce matin.

- C'est normal, entre vingt et vingt-cinq ans, on sort la nuit, on fait la fête, on mène une vie de patachon, on ne s'économise pas assez. Ça se paie. Si on allait voir Dieu ?

- Ah, ça y est, vous avez son adresse ?

- Je pense qu'il est a la chapelle.

Mamie-Rose m'a habillé comme si on partait pour le pôle Nord, elle m'a pris dans ses bras et m'a conduit a la chapelle qui se trouve au fond du parc de l'hôpital, au-dela des pelouses gelées, enfin, je vais pas t'expliquer où c'est, vu que c'est chez toi.

Ça m'a fait un choc quand j'ai vu ta statue, enfin, quand j'ai vu l'état dans lequel tu étais, presque tout nu, tout maigre sur ta croix, avec des blessures partout, le crâne qui saigne sous les épines et la tête qui ne tenait même plus sur le cou. Ça m'a fait penser a moi. Ça m'a révolté. Si j'étais Dieu, moi, comme toi, je ne me serais pas laissé faire.

- Mamie-Rose, soyez sérieuse : vous qui êtes catcheuse, vous qui avez été une grande championne, vous n'allez pas faire confiance a ça!

- Pourquoi, Oscar ? Accorderais-tu plus de crédit a Dieu si tu voyais un culturiste avec le bifteck ouvragé, le muscle saillant, la peau huilée, la petite coupe courte et le mini-slip avantageux ?

- Но...
- Поразмысли, Оскар. К чему ты чувствуешь себя ближе? К Богу, который ничего не испытывает, или к Богу, который страдает?
- Конечно, к тому, который страдает. Но если бы я был им, если бы я был Богом и обладал его возможностями, я бы избежал страданий.
- Никто не может избежать страданий. Ни Бог, ни ты. Ни твои родители, ни я.
- Ладно. Пусть так. Но почему надо страдать?
- Вот именно. Разные есть страдания. Вглядиись хорошенько в его лицо. Посмотри внимательно. Заметно по нему, что он страдает?
- Нет. Это странно. Но ему как будто и не больно.
- Видишь. Надо различать мучения физические и мучения моральные. И если физические страдания мы испытываем, то страдания моральные мы сами себе выбираем.
- Не понимаю.
- Если тебе в ступни или в ладони вбивают гвозди, ничего, кроме боли, ты испытать не можешь. И ты ее испытываешь. Зато при мысли о смерти испытывать боль совершенно не обязательно. Ты не знаешь, что это такое. Значит, все зависит только от тебя.
- Знаете ли вы людей, которых радовала бы мысль о смерти?
- Bat...
- Mediti ba, Oskar. A kwo yu senti swa pyu blise? A Boh kel senti nixa o a Boh kel sufri?
- A toy-la kel sufri, sertem. Bat si me selfa wud bi Boh, e, kom ta, wud hev mogsa, me wud eviti sufra.
- Nulwan mog eviti sufra. Ni Boh ni yu. Ni yur mata-patra, ni me.
- Hao. Konsenten. Bat way treba sufri?
- Ver ya! Ye farke sufra. Kan ba ta-ney fas atentem. Observi ba. Ob ta aspekti sufri?
- Non. Es ya strane. Ta bu aspekti sta buhao.
- Walaa. Treba farki ya, may syao Oskar, sufra de korpa e sufra de atma. Den sufra de korpa oni subi, e den sufra de atma oni selekti pa selfa.
- Me bu samaji.
- Si oni nagi yur handas e pedas, yu bu mog eviti senti tunga. E yu senti it ya. Bat al dumi om morta yu bu majbur sufri. Yu bu jan kwo it es. Also olo dependi fon yu selfa.
- Ob yu koni jenta kel joi al dumi om morta?
- Ben...
- Réfléchis, Oscar. De quoi te sens-tu le plus proche ? D'un Dieu qui n'éprouve rien ou d'un Dieu qui souffre ?
- De celui qui souffre, évidemment. Mais si j'étais lui, si j'étais Dieu, si, comme lui, j'avais les moyens, j'aurais évité de souffrir.
- Personne ne peut éviter de souffrir. Ni Dieu ni toi. Ni tes parents ni moi.
- Bon. D'accord. Mais pourquoi souffrir ?
- Justement. Il y a souffrance et souffrance. Regarde mieux son visage. Observe. Est-ce qu'il a l'air de souffrir ?
- Non. C'est curieux. Il n'a pas l'air d'avoir mal.
- Voila. Il faut distinguer deux peines, mon petit Oscar, la souffrance physique et la souffrance morale. La souffrance physique, on la subit. La souffrance morale, on la choisit.
- Je ne comprends pas.
- Si on t'enfonce des clous dans les poignets ou les pieds, tunc peux pas faire autrement que d'avoir mal. Tu subis. En revanche, a l'idée de mourir, tu n'es pas obligé d'avoir mal. Tu ne sais pas ce que c'est. Ça dépend donc de toi.
- Vous en connaissez, vous, des gens qui se réjouissent a l'idée de mourir ?

-- Да, я знаю таких людей. Такой была моя мать. На смертном своем ложе она улыбалась от удовольствия, ей не терпелось, она спешила познать то, что должно произойти.

Возражать не хотелось. Поскольку мне интересно было узнать продолжение, я помолчал какое-то время, раздумывая над тем, что она мне говорила.

-- Однако люди по большей части не любопытны. Они цепляются за то, что имеют, как вошь -- за ухо хозяина, побритого наголо. Возьмем, к примеру, Плюм Пуддинг, мою ирландскую соперницу, сто пятьдесят кило натошак. Она всегда говорила мне так: "Мне очень жаль, но я не умру, не согласна умереть, и не договаривалась". Она ошибалась. Никто ведь и о вечной жизни с ней не договаривался! Но она упорно в нее верила, бунтовала, отвергала мысль о бренности, приходила в ярость, впадала в депрессию, похудела, бросила профессию, вес ее снизился до тридцати пяти килограммов, она стала похожа на обглоданную рыбину и буквально распалась на части. Видишь, она тоже оказалась смертной, как и все люди, но только ей мысль о смерти испортила жизнь.

-- Плюм Пуддинг была дурочкой, Розовая мама.

-- Круглой дурой. Но это весьма распространенный вариант.

Здесь я снова кивнул головой, потому что

- Ya, me koni tal jenta. May mata bin tal. Al morti-kama ela smaili-te por plesir, ela fai-te nosabra por gro-yao dekovri-anubavi kwo sal eventi.

Me bu yao-te objeti. Sikom me fai-te interes om kontinuusa, me silensi duran koy taim al mediti om to ke ela he shwo.

- Bat maiste jen bu hev jigyas. Li klingi a to ke li posesi kom kinah klingi a aur de kalvisen hosta. Walaa Sliva Puding to may Airland-ney kontrajen, fo exampla, do sto-petshi kilo al vakue stomak. Ela sempre gwo shwo a me: "Skusi ya, bat me bu ve morti, me bu konsenti morti, bu ye-te aranja om morta". Ela fai-te galta. Nulwan he shwo a ela ke ela sal jivi eternem, nulwan ya! Bat ela for-kredi in swa-ney eterne jiva, ela resisti, rebeli, sta pa furia, fai depresion, fa-magre, kwiti profesion, elay vega fa-meno til trishi-pet kilo, ela en-simili gloden fish e pa fin ela kwasi raslwo. Yu vidi ya, ela es morte al nau, ga kom oli, bat a ela hi дума om morta he bigari jiva.

- Plum Puding bin stupida, Rose mama.

- Ga-ney-la. Bat tal jen ye ya mucho.

Al se me niki por ke me konsenti.

- Oui, j'en connais. Ma mère était comme ça. Sur son lit de mort, elle souriait de gourmandise, elle était impatiente, elle avait hâte de découvrir ce qui allait se passer.

Je pouvais plus argumenter. Comme ça m'intéressait de savoir la suite, j'ai laissé passer un peu de temps en réfléchissant à ce qu'elle me disait.

- Mais la plupart des gens sont sans curiosité. Ils s'accrochent à ce qu'ils ont, comme le pou dans l'oreille d'un chauve. Prends Plum Pudding, par exemple, ma rivale irlandaise, cent cinquante kilos à jeun et en slip juste avant sa Guinness. Elle me disait toujours :

« Moi, désolée, je ne mourrai pas, je ne suis pas d'accord, je n'ai pas signé. » Elle se trompait. Personne ne lui avait dit que la vie devait être éternelle, personne ! Elle s'entêtait à le croire, elle se révoltait, elle refusait l'idée de passer, elle devenait enragée, elle a fait une dépression, elle a maigri, elle a arrêté le métier, elle ne pesait plus que trente-cinq kilos, on aurait dit une arête de sole, et elle s'est cassée en morceaux. Tu vois, elle est morte quand même, comme tout le monde, mais l'idée de mourir lui a gâché la vie.

- Elle était conne, Plum Pudding, Mamie-Rose.

- Comme un pâté de campagne. Mais c'est très répandu, le pâté de campagne. Très courant. La aussi, j'ai opiné de la tête parce que j'étais

был вполне согласен.

-- Люди боятся умирать, потому что им внушает страх неизвестность. Но что такое неизвестность? Предлагаю тебе, Оскар, заменить страх доверием. Вглядишься в лицо Бога на кресте: он испытывает муки физические, но не моральные, потому что верит. И сразу гвозди уже не так ужасны. Вот преимущества веры. Я хотела тебе их продемонстрировать.

-- О'кей, мадам, когда мне станет страшно, попробую заставить себя поверить.

Она меня поцеловала. В итоге было неплохо в пустынной церкви наедине с тобой, Господи: у тебя был такой умиротворенный вид. Вернувшись, я долго спал. Спать хочется все чаще. Потребность какая-то. Проснувшись, я сказал Розовой маме:

-- На самом деле, неизвестности я не боюсь. Мне только жаль потерять то, что я узнал.

-- У меня точно так, как у тебя, Оскар. А не позвать ли нам Пегги Блю на чашечку чаю?

Пегги Блю пила с нами чай, они отлично ладили с Розовой мамой, и мы жутко смеялись, когда Розовая мама рассказывала историю своей битвы с сестрами Жиклет, тройняшками, которые пытались выдать себя за одно лицо. После очередного раунда, одна из сестричек, измотав противника и вдоволь напрыгавшись, покидала ринг под

- Jenta fobi morti, por ke li fobi lo bujan-ney. Bat kwo es lo bujan-ney? Me proposi ke yu bu hev foba pyu, bat hev fida inplas. Kan ba fas de Boh on kros: ta fai sufra de korpa, bat ta-ney atma bu sufri por ke ye fida. E naga bu mah-dashati tanto. Walaa avantaja de kreda. Me yao-te ke yu vidi.

- Hao, Rose mama, wen me en-senti foba, me ve trai mah swa fidi.

Ela kisi me. Pa fin me sta byen in sey sinjen-ney kirka kun yu, Boh: yu aspekti ya tanto salam-nem.

Afte lai bak, me somni longem. Me sta somnishil oltaim pyu. Kwasi gro-nida. Al en-jagi, me shwo a Rose mama:

- Pa fakta, me bu fobi lo bujan-ney. Me sol afsosi lusi to ke me koni.

- Sama she me, Oskar. Mogbi nu inviti ba Peggi Blu pi chay kun nu?

Peggi Blu chayvati kun nu, ela komuniki ya gro-hao kun Rose mama, e nu ridi mucho al ke Rose mama rakonti historia de batala kontra sistas Jiklet to tri twin, kel gwo trai simuli bi un jen. Afte kada raunda, al he mah-fatigi swa-ney kontrajen gro e al he lopi gro, un de li kwiti ringa simuli-yen nida pisi, ahfi swa in tualet, e on ringa otre sista en-ye, perfektem tayar fo kontinu

assez d'accord.

Les gens craignent de mourir parce qu'ils redoutent l'inconnu. Mais justement, qu'est-ce que l'inconnu ? Je te propose, Oscar, de ne pas avoir peur mais d'avoir confiance. Regardele visage de Dieu sur la croix : il subit la peine physique mais il n'éprouve pas de peine morale car il a confiance. Du coup les clous le font moins souffrir. Il se répète : ça me fait mal mais ça ne peut pas être un mal. Voilà ! C'est ça, le bénéfice dela foi. Je voulais te le montrer.

- O.K., Mamie-Rose, quand j'aurai la trouille, je me forcerai a avoir confiance.

Elle m'a embrassé. Finalement, on était bien dans cette église déserte avec toi, Dieu, qui avais l'air si apaisé.

Au retour, j'ai dormi longtemps. J'ai de plus en plus sommeil. Comme une fringale. En me réveillant, j'ai dit a Mamie-Rose :

- En fait, je n'ai pas peur de l'inconnu. C'est juste que ça m'ennuie de perdre ce que je connais.

- Je suis comme toi, Oscar. Si on proposait a Peggy Blue de venir prendre le thé avec nous ?

Peggy Blue a pris le thé avec nous, elle s'entendait très bien avec Mamie-Rose, on a bien rigolé quand Mamie-Rose nous a raconté son combat avec les Soeurs Giclette, trois soeurs jumelles qui se faisaient passer pour une. Après chaque round, la Giclette qui avait épuisé son adversaire en gambadant de partout bondissait hors du ring en prétendant qu'elle devait aller

предлогом пойти пописать, пряталась в туалете, а другая сестра, свеженькая, в отличной форме, являлась продолжить бой. А потом и третья. Все считали, что есть только одна Жиклет, неутомимая прыгунья. Розовая мама раскрыла тайну, заперла двух сестричек в туалете, выбросив ключ в окно, и доконала оставшуюся. Такой хитроумный спорт, этот кечч.

Потом Розовая мама ушла.

Сиделки следят за нами с Пегги, как будто мы две взрывоопасные петарды. Черт побери! Мне ведь уже тридцать. Пегги Блю поклялась, что нынешней ночью сама ко мне придет, как только сможет; в ответ я поклялся, что на сей раз обойдусь без языка. В самом деле, иметь детей -- это еще не все, надо иметь время их воспитать.

Вот так, Господи. Не знаю, чего попросить у тебя сегодня, потому что день был очень хороший. Хотя знаю! Сделай так, чтобы завтрашняя операция Пегги Блю прошла хорошо. Не так, как моя, если понимаешь, что я хочу сказать.

До завтра, целую, Оскар

P.S. Операция -- вещь не из области духовного, и, возможно, не в твоей компетенции. Тогда сделай так, чтобы Пегги Блю, каким бы ни был результат операции, восприняла его хорошо. Полагаюсь на тебя.

batala. E afte dwa-ney sista tri-ney-la en-ye. Oli dumi ke ye sol un Jiklet to sinfatige saltinik. Rose mama hi dekovri ley truk, klefi dwa sista in tualet, lansi klef wek aus winda, e bati-jiti restela. Es ya tanto jatile sporta, sey kech.

Poy Rose mama go wek. Nanas wahti nu, me e Pegg Blu, kwasi nu es dwa bomba kel sal explosi. Shatam! Me hev ya trishi yar yo! Pegg Blu he kasami ke ela ve lai a me pa nocha tuy ke ela mog, e ma jawabi-kasami ke me ve duyfu sin lisan. Es ver, bu sufi en-hev kinda, treba yoshi hev taim fo eduki li.

Walaa, Boh. Me bu jan kwo pregi, bikos se bin ya muy hao dey. Aa, doh! Zwo ba tak ke manya-ney operasion de Pegg Blu pasi hao. Bu kom may-la, si yu samaji to ke me yao shwo.

Til manya, swasti, Oskar.

P.S. Operasion bu es kosa de spiritu, also mogbi yu bu ve pai duyfu se. Dan zwo ba tak ke, kwel unkwe operasion-resulta es, Pegg Blu aksepti it hao. Me fidi yu.

faire pipi, elle se précipitait aux toilettes et c'était sa soeur qui revenait en pleine forme pour la reprise. Et ainsi de suite. Tout le monde croyait qu'il n'y avait qu'une Giclette, que c'était une sauteuse infatigable. Mamie-Rose a découvert le pot aux roses, a enfermé les deux remplaçantes aux toilettes en jetant la clé par la fenêtre et elle est venue a bout de celle qui restait. C'est astucieux, le catch, comme sport.

Puis Mamie-Rose est partie. Les infirmières nous surveillent, Peggy Blue et moi, comme si on était des pétards prêts a exploser. Merde, j'ai trente ans, tout de même! Peggy Blue m'a juré que, ce soir, c'est elle qui me rejoindrait dès qu'elle pourrait ; en échange, je lui ai juré que, cette fois, je ne mettrais pas la langue.

C'est vrai, c'est pas tout d'avoir des gosses, faut encore avoir le temps de les élever.

Voilà, Dieu. Je ne sais pas quoi te demander ce soir parce que ça a été une belle journée. Si. Fais en sorte que l'opération de Peggy Blue, demain, se passe bien. Pas comme la mienne, si tu vois ce que je veux dire.

A demain, bisous,

Oscar.

P.-S. Les opérations, ce ne sont pas des choses de l'esprit, tu n'as peut-être pas ça en magasin. Alors fais en sorte que, quel que soit le résultat de l'opération, Peggy Blue le prenne bien. Je compte sur toi.

Дорогой Бог,

сегодня Пегги Блю прооперировали. Я провел ужасных десять лет. Тридцать лет -- тяжелый возраст, возраст забот и ответственности. На самом деле, Пегги не смогла прийти ко мне ночью, потому что мадам Дюкрю, ночная сиделка, всю ночь провела у нее в комнате, чтобы подготовить ее к анестезии. Каталка увезла ее в восемь утра. У меня сердце сжалось, когда я увидел, как ее везут, такую маленькую и худенькую, что еле было видно под зелеными простынями. Розовая мама держала меня за руку, чтобы я не так сильно нервничал.

-- Почему твой Бог, Розовая мама, допускает, чтобы на свет появлялись такие, как мы с Пегги?

-- Это к счастью, что допускает, малыш мой Оскар, без вас жизнь была бы не так прекрасна.

-- Нет. Вы не понимаете. Почему Бог позволяет, чтобы мы болели? Значит, он или злой, или не такой уж всесильный.

-- Оскар, болезнь -- это как смерть. Данность. Не наказание.

-- Сразу видно, что вы не болеете!

-- Что ты об этом знаешь, Оскар?

Это меня сразило. Я никогда не думал, что Розовая мама, всегда такая приветливая, внимательная, может иметь свои проблемы.

-- Не следует ничего от меня скрывать, Розовая мама, скажите мне все. Мне

Kare Boh,

oni he operati Peggi sedey. Me he pasi shi dashatival yar. Trishi yar es grave-mushkile yash do kuyda e responsa. Pa fakta, Peggi bu mog-te lai a me pa nocha, bikos madam Dukru to nochanana pasi tote nocha in Peggi-ney shamba fo tayari ela a anesia. Rolikama porti ela wek pa klok ot de sabah. May kordia fa-klemi al ke me vidi komo ela gei raki pas me, ela tanto syao e magre, apena vidibil sub grin kamatu. Rose mama teni-te may handa fo ke me bu nokalmi tro.

- Way yur Boh, Rose mama, lasi ke tal jenta kom me e Peggi apari?

- Pa fortuna hi ta lasi, may syao Oskar, bikos sin yu jiva wud bi meno hao.

- Non. Yu bu samaji. Way Boh lasi ke nu morbi? Ta es also oda dushte oda bu tanto mahtaful.

- Oskar, morba es kom morta. Es fakta. Bu es puna.

- Yu selfa bu morbi ya!

- Kwo yu jan om se, Oskar?

Me en-fai shok. Me gwo neva dumi bifooen ke Rose mama, sempre tan latif e kuydishil, mog toshi hev koy prope problema.

- Bu treba ahfi nixa, Rose mama, yu mog ya shwo olo a me. Me zai hev amini trishi-dwa yar,

Cher Dieu,

Peggy Blue a été opérée aujourd'hui. J'ai passé dix années terribles. C'est dure la trentaine, c'est l'âge des soucis et des responsabilités.

En fait, Peggy n'a pas pu me rejoindre cette nuit parce que Madame Ducru, l'infirmière de nuit, est restée dans sa chambre pour préparer Peggy à l'anesthésie. La civière l'a emmenée vers huit heures. Ça m'a serré le coeur quand j'ai vu passer Peggy sur le chariot, on la voyait à peine sous les draps émeraude tant elle est petite et mince. Mamie-Rose m'a tenu la main pour m'empêcher de m'énerver.

- Pourquoi ton Dieu, Mamie-Rose, il permet que ça soit possible, des gens comme Peggy et moi ?

- Heureusement qu'il vous fait, mon petit Oscar, parce que la vie serait moins belle sans vous.

- Non. Vous ne comprenez pas. Pourquoi Dieu il permet qu'on soit malades ? Ou bien il est méchant. Ou bien il n'est pas bien fortiche.

- Oscar, la maladie, c'est comme la mort. C'est un fait. Ce n'est pas une punition.

- On voit que vous n'êtes pas malade !

- Qu'est-ce que tu en sais, Oscar ?

Ça, ça m'a coupé. J'avais jamais songé que Mamie-Rose, qui est toujours si disponible, si attentive, elle puisse avoir ses propres problèmes.

- Faut pas me cacher les choses, Mamie-Rose, vous pouvez tout me dire. J'ai au moins trente-

тридцать два года как минимум, у меня рак, жена в данный момент в операционной, я в этом разбираюсь.

-- Я тебя люблю, Оскар.

-- Я тоже. Если у вас неприятности, чем я могу помочь? Хотите, я вас усыновлю?

-- Усыновишь меня?

-- Ну да, я уже усыновил Бернара, когда увидел, что он хандрит.

-- Бернара?

-- Моего медвежонка. Он там, в шкафу. На полке. Это мой старый медведь, у него уже ни глаз, ни рта, ни носа, опилки наполовину высыпались, и шрамы повсюду. Он чуть-чуть на вас похож. Я усыновил его в тот вечер, когда мои придурки-родители принесли мне нового медвежонка. Можно подумать, я согласился бы на нового! Им остается теперь заменить и меня новеньким братцем! С того момента я его усыновил. Ему, Бернару, я завещаю все свое имущество. Я и вас хочу усыновить, если это вас приободрит.

-- Да. Я хочу. Думаю, что меня это приободрит, Оскар.

-- Тогда по рукам, Розовая мама. Потом мы пошли приготовить комнату Пегги к ее возвращению, принесли шоколад, цветы поставили. Потом я уснул. С ума сойти, сколько я теперь сплю.

К концу дня Розовая мама разбудила меня, говоря, что Пегги Блю вернулась, и что

yoshi den kanser e den molya in operatishamba, also om jiva me samaji ya koysa.

- Me lubi yu, Oskar.

- Me toshi. Kwo me mog zwo fo helpi yu si yu hev mushkila? Yu yao ku ke me adopti yu?

- Adopti me ku?

- Ya, me he yo adopti Bernar afte vidi ke ta bu sta hao.

- Bernar ku?

- May berna-ki. Es dar, in lemar. On tana. Es may lao berna-ki, she ta okos ya yok, i muh, i nos toshi yok, haf-lignapuda es wek, e ye skara kadalok. Ta simili yu idyen. Me adopti-te pa toy same aksham wen may dwa ahmak to janmer bringi a me un nove berna-ki. Kom si me wud konsenti hev nove-la! Li mog ya den me toshi replasi bay nove brata-ki! Also ta es adopten depos dan. Me testamenti ol may hevsa a ta, a Bernar. Me yao adopti yu toshi, si se ve mah yu pyu sigure.

- Ya. Me yao. Me kredi ke se ve mah me pyu sigure, Oskar.

- Wel, arangen ya, Rose mama.

Poy nu go tayari Peggi-ney shamba bifoo ke ela lai bak, bringi chokolat, stavi flor.

Poy me en-somni. Es pagale-si ya kwanto me somni nau.

Pa aksham Rose mama jagisi me al shwo ke Peggi Blu es yo bak e ke operasion he pasi hao.

deux ans, un cancer, une femme en salle d'opération, alors, la vie, ça me connaît.

- Je t'aime, Oscar.

- Moi aussi. Qu'est-ce que je peux faire pour vous si vous avez des ennuis ? Est-ce que vous voulez que je vous adopte ?

- M'adopter?

- Oui, j'ai déjà adopté Bernard quand j'ai vu qu'il avait le blues.

- Bernard?

- Mon ours. La. Dans l'armoire. Sur l'étagère. C'est mon vieil ours, il n'a plus d'yeux, ni de bouche, ni de nez, il a perdu la moitié de son rembourrage et il a des cicatrices partout. Il vous ressemble un peu. Je l'ai adopté le soir où mes deux cons de parents m'ont apporté un ours neuf. Comme si j'allais accepter d'avoir un ours neuf! Ils n'avaient qu'a me remplacer par un petit frère tout neuf pendant qu'ils y étaient ! Depuis, j'ai adopté. Je lui léguerai tout ce que j'ai, a Bernard. Je veux vous adopter aussi, si ça vous rassure.

- Oui. Je veux bien. Je crois que ça me rassurerait, Oscar.

- Alors topez la, Mamie-Rose.

Puis on est allés préparer la chambre de Peggy, apporter les chocolats, poser des fleurs pour son retour.

Après, j'ai dormi. C'est fou ce que je dors en ce moment.

Vers la fin de l'après-midi, Mamie-Rose m'a réveillé en me disant que Peggy Blue était

операция прошла удачно. Мы пошли к ней вместе. Там были и ее родители. Не знаю, кто им сообщил, Пегги или Розовая мама, но они как будто знали, кто я, обращались со мной уважительно, посадили на стул между собой, и я мог дежурить у постели моей жены вместе с тестем и тещей.

Я был доволен, что Пегги по-прежнему голубоватого цвета. Заходил доктор Дюссельдорф, потер себе брови и сказал, что через несколько часов голубоватость пройдет. Я смотрел на мать Пегги, она не голубая, но все же очень красивая, и я сказал себе, что в конце концов моя жена Пегги может иметь тот цвет, который захочет. Я все равно буду ее любить. Пегги открыла глаза, улыбнулась нам, мне и своим родителям, и снова заснула. Ее родители успокоились, но им нужно было уходить.

-- Доверяем тебе нашу дочку, -- так они мне сказали. - Мы знаем, что на тебя можно положиться.

Вместе с Розовой мамой я посидел, пока Пегги не открыла глаза во второй раз, а потом пошел отдыхать в свою комнату. Заканчивая свое письмо, отдаю себе отчет, что в результате день оказался удачным. Семейный день. Я усыновил Розовую маму, у меня сложились теплые отношения с тестем и тещей, жена вернулась ко мне в хорошем состоянии, пусть даже она и порозовела к одиннадцати часам,

До завтра, целую, Оскар

Nu go a ela tuhun. Dar ye yoshi Peggi-ney mata-patra. Bu jan hu he informi li, Peggi o Rose mama, bat li suluki kom si li jan hu me es, li trati me kun respekta, stavi stula fo me inter swa, e me mog wahti molya-ney kama kun may mata-patra-inloo.

Me es santush por ke Peggi es haishi blu. Doktor Dusseldorf lai, froti swa-ney brovas e shwo ke afte kelke ora se shanji. Me kan Peggi-ney mata kel bu es blu yedoh es ya jamile, e me shwo a swa ke, enikas, Peggi to may molya mog bi do eni kolor, kwel unkwe ela yao, me ve lubi ela olosam. Peggi ofni okos, smaili a nu, a me e a swa-ney mata-patra, poy snova en-somni. Mata-patra en-kalmi, bat li treba go wek.

- Nu konfidi a yu nuy docha, - li shwo a me. - Nu jan ke nu mog fidi yu.

Kun Rose mama me weiti til ke Peggi ofni okos pa dwa-ney ves, poy me go reposi in may shamba.

Nau, al fini may leta, me samaji ke sedey bin ya hao dey. Un dey do familia. Me he adopti Rose mama, me en-hev warme relata kun may mata-patra-inloo, may molya returni a me al hao sanita, i ven si, bli klok shi-un, ela fa-rose.

Til manya, swasti, Oskar.

P.S. Nul yaosa fo sedey. Idyen reposa fo yu.

revenue et que l'opération avait réussi. On est allés la voir ensemble. Ses parents se tenaient a son chevet. J'ignore qui les avait prévenus, Peggy ou Mamie-Rose, mais ils avaient l'air de savoir qui j'étais, ils m'ont traité avec beaucoup de respect, ils m'ont posé une chaise entre eux et j'ai pu veiller ma femme avec mes beaux-parents.

J'étais content parce que Peggy était toujours bleutée. Le docteur Dusseldorf est passé, s'est frotté les sourcils et a dit que ça allait changer dans les heures qui viennent. J'ai regardé la mère de Peggy qui n'est pas bleue mais bien belle quand même et je me suis dit qu'après tout, Peggy, ma femme, pouvait avoir la couleur qu'elle voulait, je l'aimerais pareil.

Peggy a ouvert les yeux, nous a souri, a moi, a ses parents, puis s'est rendormie.

Ses parents étaient rassurés mais ils devaient partir.

- Nous te confions notre fille, ils m'ont dit.

Nous savons que nous pouvons compter sur toi.

Avec Mamie-Rose, j'ai tenu jusqu'à ce que Peggy ouvre les yeux une deuxième fois puis je suis allé me reposer dans ma chambre.

En finissant ma lettre, je me rends compte que c'était une bonne journée, aujourd'hui, finalement. Une journée de famille. J'ai adopté Mamie-Rose, j'ai bien sympathisé avec mes beaux-parents et j'ai récupéré ma femme en bonne santé, même si, vers onze heures, elle devenait rose.

A demain, bisous,

P.S. Сегодня никаких желаний. Тебе будет отдых.

Дорогой Бог,
сегодня мне между сорока и пятьюдесятью, и я делаю одни только глупости.

Рассказываю быстро, потому что большего все это не заслуживает. Пегги Блю поживает неплохо, но Китайка, подосланная Попкорном, который меня теперь не выносит, наслетничала Пегги, что я целовал ее в губы. Из-за этого Пегги сказала мне, что между нами все кончено. Я возражал, говорил, что Китайка -- это ошибка молодости, что все это было до Пегги, и что она не может заставить меня платить за прошлое ценою всей моей жизни. Но она была неумолима. Они с Китайкой даже подружились, чтобы меня разозлить, и я слышал, как они вместе хохотали. И тогда я позволил Бригитте, трехмесячной собачке, которая ко всем ластится, и это нормально, потому что щенки всегда ласковые, я позволил ей, когда она утром пришла ко мне в комнату поздороваться, вылизать меня с ног до головы. Как же она была счастлива! Как безумная! Как будто устроила хозяину настоящий праздник. Беда в том, что в это время Эйнштейн оказался в коридоре. Может, в мозгу у него и вода, но с

Kare Boh,
sedey me hev inter charshi e petshi yar, e me fai mucho stupidika.

Me rakonti olo kway por ke se bu meriti pyu. Peggì sta hao, bat Jungwo-gela, senden bay ti heni me na Popkorn, dai gosipi a Peggì ke me he kisi ela to Jungwo-gela pa muh.

Por se Peggì dai shwo a me ke inter nu olo es finen. Me objeti, me shwo ke Jungwo-gela es may galta do yungitaa, ke to bin bifofo ela, e ke ela bu mog mah me pagi pur se duran may tote jiva.

Bat ela bu yao pardoni me. Ela even en-fai amigitaa kun Jungwo-gela fo irisi me, e me he audi komo li gro-ridi tuhun. Dan me lasi ke Brigit belisi me totem, fon kapa til peda, wen ta lai saluti me pa sabah. Brigit es tri-mes-ney yundogina kel karesi-lisi oli - es ya normale, oli yundoga dulefai. Brigit joi gro, kom pagala, kwasi ta fai gro-festa fo swa-ney masta.

Problema es to ke Einstein dai bi in koridor pa same taim. Mogbi ta hev akwa in brein, bat tane-ney okos sta ya hao. Ta vidi olo e tuy lopi fo rakonti olo a Peggì e Jungwo-gela.

Ewalaa nau oli pa may etaja nami me ginnik obwol me bu iven chu shamba.

Oscar.
P.-S. Pas de voeu aujourd'hui. Ça te fera du repos.

Cher Dieu,
Aujourd'hui, j'ai eu de quarante a cinquante ans et je n'ai fait que des conneries.

Je raconte ça vite parce que ça mérite pas plus. Peggy Blue va bien mais la Chinoise, envoyée par Pop Corn qui ne peut plus me blairer, est venue lui cafter que je l'avais embrassée sur la bouche.

Du coup, Peggy m'a dit qu'elle et moi c'était fini. J'ai protesté, j'ai dit que la Chinoise et moi, c'était une erreur de jeunesse, que c'était bien avant elle, et qu'elle ne pouvait pas me faire payer mon passé toute ma vie.

Mais elle a tenu bon. Elle est même devenue copine avec la Chinoise pour me faire enrager et je les ai entendues qui rigolaient ensemble.

Du coup, quand Brigitte, la trisomique, qui colle toujours tout le monde parce que les trisomiques, c'est normal, c'est affectueux, est venue me dire bonjour dans ma chambre, je l'ai laissée m'embrasser de partout. Elle était folle de joie que je lui permette. On aurait dit un chien qui fait la fête a son maotre. Le problème, c'est qu'Einstein était dans le couloir. Il a peut-être de l'eau dans le cerveau mais pas des peaux de saucisson sur les yeux. Il a tout vu et est allé le raconter a Peggy et a la Chinoise. Tout l'étage

глазами все в порядке. Он все видел и рассказал Пегги с Китайкой. И теперь весь этаж обзывает меня распутным гулякой, хотя я даже из комнаты не выхожу.

-- Уж и не знаю, что на меня нашло, Розовая мама, с этой Бригиттой...

-- Бес в ребро, Оскар. Мужчины все такие от сорока до пятидесяти, они уверены в себе, они пытаются понять, могут ли нравиться другим женщинам, кроме той, которую любят.

-- Ладно, пусть я нормальный, как все, но, наверное, и дурак тоже, а?

-- Ты -- абсолютно нормальный.

-- Что мне теперь делать?

-- Ты кого любишь?

-- Пегги и только Пегги.

-- Так скажи ей об этом. Первый брак всегда очень хрупкий, легко ломается, но надо биться за его сохранение, если он удачный.

Завтра Рождество, Господи. Никогда я не осознавал, что это день твоего рождения. Сделай так, чтобы я помирился с Пегги, потому что, уж и не знаю, по причине ли нашей ссоры, но мне сейчас страшно грустно, и никакой бодрости духа не осталось.

До завтра, целую, Оскар

P.S. Теперь, когда мы стали друзьями, скажи, что подарить тебе на твой день рождения?

- Me bu jan kwo he trefi me, Rose mama, om sey Brigit...

- Diabla de mide yash, Oskar. Oli man es tal al yash inter charshi e petshi, li trai samaji ob li mog gei pri bay otre ginas krome toy-la ke li lubi.

- Hao, konsenten, me es normale, bat yoshi me es ahmak, bu ver?

- Yu es ga normale.

- Kwo me gai zwo nau?

- Hu yu lubi?

- Peggi, sol Peggi.

- Dan shwo se a ela. Un-ney gamitura sempre es fragile e ruptishil, bat treba batali fo kipi it, si it es hao.

Manya, Boh, es Kristajanma. Me bu gwo konsi ke es ya yur janmadey.

Zwo ba tak ke me rekonsili kun Peggi. Bu jan ob es por nuy kwerela o non, bat me zai sta gro-triste nau, e nul vijitaa ga yok.

Til manya, swasti, Oskar.

P.S. Nau, al ke nu fai amigitaa, shwo ba, kwo yu wud yao pai fo janmadey?

me traite maintenant de cavaleur alors que j'ai pas bougé de ma chambre.

- Je ne sais pas ce qui m'a pris, Mamie-Rose, avec Brigitte...

- Le démon de midi, Oscar. Les hommes sont comme ça, entre quarante-cinq et cinquante ans, ils se rassurent, ils vérifient qu'ils peuvent plaire a d'autres femmes que celle qu'ils aiment.

- Bon d'accord, je suis normal mais je suis con, aussi, non ?

- Oui. Tu es tout a fait normal.

- Qu'est-ce que je dois faire ?

- Qui aimes-tu ?

- Peggi. Rien que Peggi.

- Alors dis-le-lui. Un premier couple, c'est fragile, toujours secoué, mais il faut se battre pour le conserver, si c'est le bon. Demain, Dieu, c'est Noël.

J'avais jamais réalisé que c'était ton anniversaire. Fais en sorte que je me réconcilie avec Peggy parce que je ne sais pas si c'est pour ça, mais je suis très triste ce soir et je n'ai plus de courage du tout.

A demain, bisous,

Oscar.

P.-S. Maintenant qu'on est copains, qu'est-ce que tu veux que je t'offre pour ton anniversaire ?

Дорогой Бог,

в восемь часов утра я сказал Пегги Блю, что люблю ее, никого, кроме нее, не любил и не представляю своей жизни без нее. Она расплакалась, призналась, что я причинил ей большое горе, потому что она тоже любит только меня, да и никого другого ей бы найти не удалось, особенно теперь, когда она порозовела. Потом, это любопытно, мы стали рыдать вместе, но это было так приятно. Так классно жить в браке! Особенно после пятидесяти, когда позади множество испытаний. Когда часы пробили десять, я по-настоящему осознал, что нынче Рождество, что я не смогу остаться с Пегги, потому что сейчас к ней в комнату явится ее семья -- братья, дядья, племянники, кузены --, а мне предстоит терпеть моих родителей. Что они подарят мне сегодня? Пазл из восемнадцати тысяч частей? Книги на курдском языке? Очередную коробку со способами употребления? Мой портрет тех времен, когда я был еще здоров? От двух подобных кретинов с куриными мозгами всякой опасности можно ожидать, с ними всего следует бояться, и ясно лишь одно: день мне предстоит дурацкий. Я принял решение очень быстро: устроил себе побег. Кое-какой обмен: игрушки -- Эйнштейну, перину -- Копченому салу, конфеты -- Попкорну. Кое-какие результаты наблюдений: Розовая мама перед уходом всегда заходит в раздевалку. Кое-какие предположения: мои

Kare Boh,

pa klok ot de sabah me shwo a Peggi Blu ke me lubi ela e bu gwo neva lubi nulwan krome ela, e ke me bu mog imajini may jiva sin ela. Ela lwo in plaki, konfesi ke me he fai gro-griva a ela, bikos ela toshi lubi sol den me, e ke nulkas ela bu wud mog findi nul otre wan, osobem nau, afte ke ela fa-rose. Poy - es ya kuriose - nu lwo in plaki tuhun, bat se bin tanto priate! Es ya super gro-hao, tu jivi in gamitura! Sobreolo afte petshi yar, al menga dusproba baken. Wen kloka bati shi, me en-konsi pa veritaa ke sedey es Kristajanma, ke me bu ve mog resti kun Peggi bikos elay familia sal lai, elay brata-sista, tia-onkla e tia-onkla-kindas, e me sal majbur toleri may mata-patra. Kwo li sal doni a me sedey? Pazla to mosaika ku do shi-ot mil parta? Kitaba ku pa kurd-lingwa? Yoshi un boxa ku de yusi-regula? May portreta ku do gwo-ney taim de may sanitaa? Kun dwa tal idiota do kok-ney brein oni mog expekti eni danja, oni mog fobi olo, e sol un kosa es ga klar: me sal hev ga fuy-ney dey. Me fai desida kway: me organisi fuga. Idyen intershanja: may pleika a Einstein, puhmanta a Bekon, bonbon a Popkorn. Idyen observa: Rose mama sempre visiti klaidashamba bifoo departi. Idyen proposa: mata-patra bu ve lai til klok shi-dwa.

Cher Dieu,

Ce matin, a huit heures, j'ai dit a Peggy Blue que je l'aimais, que je n'aimais qu'elle et que je pouvais pas concevoir ma vie sans elle. Elle s'est mise a pleurer, elle m'a avoué que je la délivrais d'un gros chagrin parce qu'elle aussi elle n'aimait que moi et qu'elle ne trouverait jamais personne d'autre, surtout maintenant qu'elle était rose. Alors, c'est curieux, on s'est retrouvés tous les deux a sanglotermais c'était très agréable. C'est chouette, la vie de couple. Surtout après la cinquantaine quand on a traversé des épreuves. Sur le coup des dix heures, je me suis vraiment rendu compte que c'était Noël, que je ne pourrais pas rester avec Peggy parce que sa famille - frères, oncles, neveux, cousins -allait débarquer dans sa chambre et que j'allais être obligé de supporter mes parents. Qu'est-ce qu'ils allaient m'offrir encore ? Un puzzle de dix-huit mille pièces ? Des livres en kurde ? Une boote de modes d'emploi ? Mon portrait du temps que j'étais en bonne santé ? Avec deux crétins pareils, qui ont l'intelligence d'un sac-poubelle, il y avait de la menace a l'horizon, je pouvais tout craindre, il n'y avait qu'une seule certitude, c'était que j'allais passer une journée a la con. Je me suis décidé très vite et j'ai organisé ma fugue. Un peu de troc : mes jouets a Einstein, mon duvet a Bacon et mes bonbons a Pop Corn. Un peu d'observation : Mamie-Rose passait toujours par le vestiaire avant de partir. Un peu de prévision : mes parents n'arriveraient pas avant midi.

родители до двенадцати не приедут.

Все прошло гладко: в одиннадцать тридцать Розовая мама меня расцеловала, пожелав счастливого Рождества с родителями, и спустилась в гардероб. Я свистнул. Попкорн, Эйнштейн и Копченое сало быстро меня одели, подняли и донесли до колымаги Розовой мамы, машины, сделанной явно до эпохи автомобилей. Попкорн, чрезвычайно одаренный по части взламывания замков, поскольку ему посчастливилось расти в неблагополучном квартале, легко открыл заднюю дверь, и они сгрузили меня на пол между передним и задним сидением. Потом, никем не замеченные, все трое вернулись в здание.

Спустя какое-то время, впрочем, не так скоро, в машину села Розовая мама. Мотор фыркал и чихал раз пятнадцать-двадцать, прежде чем она его завела, и, наконец, мы отправились на этом адском поезде. Эти доавтомобильные машины -- просто чудо, от них такой грохот, что кажется, будто едешь с большой скоростью, а подпрыгиваешь так, словно пришел на деревенскую ярмарку. Проблема была в том, что Розовая мама научилась водить машину с помощью друга-каскадера: светофоры, тротуары, движение по кругу -- все ей было нипочем, и время от времени тачка просто взлетала в воздух. В кабине пилота не все было спокойно, она часто

Olo pasi hao: pa klok shi-un e haf Rose mama kisi me tamani-yen hao Kristajanma kun mata-patra e desendi sulam go a klaidashamba. Me ek-wisli. Popkorn, Einstein e Bekon tuy klaidi me, lifti me e porti til Rose-mama-ney auto to gari kel bin zwo-ney shayad bifoo auto-epoka. Popkorn es kushale om forsi-ofni eni kufla, por ke ta gwo jivi in problema-ney urba-parta, also ofni bakdwar fasilem, e li pon-lagi me on poda inter avansidika e baksidika. Poy li oli returni al ke nulwan merki li.

Afte kelke taim, yedoh bu tro kway, Rose mama lai en-sidi in auto. Motor chihi-farfari shi o shipet ves bifoo en-gun, e pa fin nu departi al raki sey diabla-ney tren. Es ya diva, sey gari do bifoo-auto-ney taim, it fai ya gro-shum kwasi oni raki al gro-gran kwaytaa, e it sheiki kwasi yu zai visiti vilaja-basar. Problema es ke Rose mama he gei talimi dukti auto bay un kinotrucker, also ela ga bu respekti-amenti ni semafor, ni kaminalimita, ni ronda-trafik, e gari sim ek-flai koyves. In pilota-kabina toshi ye shum: ela oftem klaxoni, yoshi may lexikon ya gei chaurisi: ela yusi zuy dashatival worda dabe vexi traenwinda-ney dushman kel fa-miti al dao, e me snova shwo a swa ke kech es ya gro-hao jivaskola.

Tout s'est bien passé : a onze heures trente, Mamie-Rose m'a embrassé en me souhaitant une bonne journée de Noël avec mes parents puis a disparu a l'étage des vestiaires. J'ai sifflé. Pop Corn, Einstein et » Bacon m'ont habillé très vite, m'ont descendu en me soulevant et m'ont porté jusqu'a la caisse de Mamie-Rose, une voiture qui doit dater d'avant l'automobile. Pop Corn, qui est très doué pour ouvrir les serrures parce qu'il a eu la chance d'être élevé dans une cité défavorisée, a crocheté la porte de derrière et ils m'ont jeté sur le sol entre la banquette de devant et la banquette de derrière. Puis ils sont retournés, ni vu ni connu, au bâtiment.

Mamie-Rose, au bout d'un bon bout de temps, est montée dans sa voiture, elle l'a fait crachoter dix a quinze fois avant de « la faire démarrer puis on est partis a un train d'enfer. C'est génial, ce genre de voiture d'avant l'automobile, ça fait tellement de boucan qu'on a l'impression d'aller très vite et ça secoue autant qu'a la fête foraine. Le problème, c'est que Mamie-Rose, elle avait dû apprendre a conduire avec un ami cascadeur : elle ne respectait ni les feux ni les trottoirs ni les ronds-points si bien que, de temps entemps, la voiture décollait. Ça a pas mal chahuté dans la carlingue, elle a beaucoup klaxonné, et, question vocabulaire aussi, c'était enrichissant : elle balançait toutes sortes de mots terribles pour insulter les ennemis qui se mettaient en travers

сигналила, а используемый ею лексикон щедро служил обогащению моего: она жонглировала самыми ужасными словами, чтобы досадить врагам, то и дело встречающимся на ее пути, и я снова заметил для себя, что кетч -- отличная школа жизни.

Я предполагал, что вскочу и заорю "Куку, Розовая мама", когда мы приедем, но гонка с препятствиями была такой долгой, что я по дороге заснул. Как бы то ни было, проснулся я в темноте, в холоде и в тишине, обнаружив, что лежу в одиночестве на мокром коврикe. Тут я в первый раз подумал, что, возможно, сделал глупость.

Я вышел из машины, и в это время пошел снег. Надо сказать, что это было не так приятно, как "Вальс снежинок" в "Щелкунчике". Зубы отстукивали сами собой, помимо моей воли. Я увидел большой освещенный дом. Пошел к нему. Мне было плохо. Чтобы позвонить в звонок, пришлось прыгнуть так высоко, что я растянулся на подстилке. Там и нашла меня Розовая мама.

-- Но...но... -- пыталась она что-то сказать. Потом склонилась надо мной и прошептала:
-- Милый ты мой.

И тогда я подумал, что, возможно, и не сделал глупости. Она отнесла меня в гостиную, где стояла и мигала огнями большая елка. Я очень удивился, увидев, как

Me he dumi ke me ve en-stan e en-krai "Hey, Rose mama!" al arivi, bat sey obstakla-loping bin tanto longe ke me en-somni. Al en-jagi me vidi ke fa-tume, fa-lenge e fa-kyete, e ke me zai lagi on mokre auto-tapis-ki, ga sole. E me ek-dumi pa un-ney ves ke mogbi me he fai pumbitaa.

Me chu auto e en-snegi. Yedoh to bin mucho meno priate kem "Valza de Sneginkas" in "Nutakreker". May dentas salti-tuki pa selfa, sin may yaosa. Me vidi un gran lumisi-ney dom. Me go versu it. Me sta buhao. Dabe fai bajika me majbur salti tanto gao, ke me lwo-lagi on borya. Dar hi Rose mama findi me.

- Bat... bat... - ela trai shwo.
Poy ela inklini sobre me e hamsi:
- Oo, may kare...

Ewala me dumi ke mogbi me bu he fai pumbitaa.
Ela bringi me inu gastashamba kun un gran dekoren yel kel zai migi okos to luma-ki. Me fa-

de son chemin et je me suisdit encore une fois que, décidément, le catch, c'était une bonne école pour la vie.

J'avais prévu, a l'arrivée, de bondir et de faire : «Coucou, Mamie-Rose » mais ça a duré tellement longtemps, la course d'obstacles pour arriver chez elle, que j'ai dû m'endormir. Toujours est-il qu'a mon réveil, il faisait noir, il faisait froid, silence, et je me retrouvais seul couché sur un tapis humide. C'est la que j'ai pensé, pour la première fois, que j'avais peut-être fait une bêtise.

Je suis sorti de la voiture et il s'est mis a neiger. Pourtant c'était beaucoup moins agréable que «La Valse des flocons » dans Casse-Noisette. J'avais les dents qui sautaient toutes seules. J'ai vu une grande maison allumée. J'ai marché. J'avais du mal. J'ai dû faire un tel saut pour atteindre la sonnette que je me suis effondré sur le paillason. C'est la que Mamie-Rose m'a trouvé.

-Mais... mais..., qu'elle a commencé a dire. Puis elle s'est penchée vers moi et a murmuré :
- Mon chéri.
Alors, j'ai pensé que j'avais peut-être pas fait une bêtise.
Elle m'a porté dans son salon, où elle avait dressé un grand arbre de Noël qui clignait des

красиво было в доме Розовой мамы. Она согрела меня у огня, и мы выпили горячего шоколада. Я догадывался, что она хочет удостовериться, что со мной все в порядке, прежде чем меня отругать. Поэтому я старался продлить время, пока приду в себя, не так уж и нарочито, кстати, поскольку к этому моменту я ужасно устал.

-- В больнице все тебя ищут, Оскар. Настоящее смятение на поле боя. Родители в отчаянии, они заявили в полицию.

-- От них и этого можно ждать. Если они настолько глупы, что думают, будто в наручниках я стану любить их больше...

-- В чем ты их обвиняешь?

-- Они меня боятся. Не осмеливаются со мной разговаривать. И чем меньше осмеливаются, тем больше я кажусь себе чудовищем. Почему я навожу на них такой ужас? Разве я так уж безобразен? От меня воняет? Я сделался идиотом, и сам этого не понимаю?

-- Они боятся не тебя, Оскар. Они боятся болезни.

-- Моя болезнь -- часть меня самого. Они не должны вести себя иначе из-за моей болезни. Или получается, что они могут любить лишь здорового Оскара?

-- Они любят тебя, Оскар. Они мне сказали.

-- Вы с ними разговаривали?

-- Да. Они очень ревнуют тебя ко мне. Нет, не ревнуют, печалются. Печалются потому, что у них нет с тобой такого же

surprisi por vidi komo es hao-jamile in Rose-mama-ney dom. Ela mah me sidi-warmifi bli agni, e nu ambi pi garme chokolat. Me gesi ke ela yao un-nem en-sta sigure ke me sta hao, bifo en-shatami me. Also me gro-eforti deri taim de may haila, lo kel bu es tro mushkile por ke al toy taim me es ga fatigue.

- Oni zai shuki yu in hospital, li oli, Oskar. Ye vere garbar de batala. Mata-patra sta pa denada, li informi polis.

- Se bu surprisi me, om li. Si li es basta stupide fo dumi ke me ve lubi li pyu al bi in kao...

- Por kwo yu reproshi-akusi li?

- Li fobi me. Li bu osi toki kun me. Kem meno oni osi, tem pyu me senti swa un monsta. Way me mah li dashati tanto? Ob me es kurupe? Ob fon me ye dusfauha? Ob me he bikam idiota sin samaji se?

- Li bu fobi yu, Oskar. Li fobi morba.

- May morba es parta de me selfa. Li nomus suluki otre por may morba. O, mogbi, li mog lubi sol sane Oskar?

- Li lubi yu Oskar. Li he shwo se a me.

- Ob yu toki-te kun li?

- Ya. Li jalusi gro, por ke nu dwa samaji mutu hao. Non, li bu jalusi, li sta triste, Li tristefai por bu pai hev same mutu-samaja kun yu.

yeux. J'étais étonné de voir comme c'était beau, chez Mamie-Rose. Elle m'a réchauffé auprès du feu et on a bu un grand chocolat. Je me doutais qu'elle voulait d'abord s'assurer que j'allais bien avant de m'en-gueuler. Moi, du coup, je prenais tout mon temps pour me remettre, j'avais pas de mal à y arriver d'ailleurs parce que, en ce moment, je suis vraiment fatigué.

- Tout le monde te cherche à l'hôpital, Oscar. C'est le branle-bas de combat. Tes parents sont désespérés. Ils ont prévenu la police.

- Ça m'étonne pas d'eux. S'ils sont assez bêtes pour croire que je vais les aimer quand j'aurai les menottes...

- Qu'est-ce que tu leur reproches ?

- Ils ont peur de moi. Ils n'osent pas me parler. Et moins ils osent, plus j'ai l'impression d'être un monstre. Pourquoi est-ce que je les terrorise ? Je suis si moche que ça ? Je pue ? Je suis devenu idiot sans m'en rendre compte ?

- Ils n'ont pas peur de toi, Oscar. Ils ont peur de la maladie.

- Ma maladie, ça fait partie de moi. Ils n'ont pas à se comporter différemment parce que je suis malade. Ou alors ils ne peuvent aimer qu'un Oscar en bonne santé ?

- Ils t'aiment, Oscar. Ils me l'ont dit.

- Vous leur parlez ?

- Oui. Ils sont très jaloux que nous nous entendions si bien. Non, pas jaloux, tristes. Tristes de ne pas y parvenir aussi.

взаимопонимания.

Я пожал плечами, но гнев мой чуть утих. Розовая мама сделала мне еще одну чашку горячего шоколада.

-- Знаешь, Оскар, однажды ты умрешь. Но ведь и твои родители тоже умрут.

Меня удивило сказанное. Я никогда об этом не думал.

-- Да, они тоже умрут. Совсем одни. И с ужасными угрызениями совести, оттого что не смогли помириться с единственным ребенком по имени Оскар, которого они обожали.

-- Не говорите так, Розовая мама, вы меня вгоняете в тоску.

-- Подумай о них, Оскар. Ты понял, что скоро умрешь, потому что ты очень умный мальчик. Но ты не понял, что умрешь не ты один. Умирают все. И твои родители. И я в назначенный день.

-- Да. Но все же я прохожу первым.

-- Верно, ты проходишь первым. Но разве тот факт, что ты идешь первым, дает тебе дополнительные права? Право забывать о других, например?

-- Я все понял, Розовая мама. Позвоните им.

Вот тебе, Господи, продолжение, в общих чертах, потому что рука устает писать. Розовая мама связалась с больницей, которая связалась с моими родителями, которые приехали к Розовой маме, и мы

Me ek-lifti plechas, bat me iri yo meno. Rose mama zwo yoshi un tasa de garme chokolat fo me.

- Yu jan, Oskar, yu ve morti, undey. Bat yur mata-patra, li ve morti toshi.

Me fa-astoni por to ke ela shwo. Me bu gwo neva dumi om se.

- Ya, li ve morti toshi. Ga sole. Al gro-remorsi por bu he pai rekonsili kun swa-ney sole kinda, kun ley gro-lubi-ney Oskar.

- Bu shwo tak, Rose mama, yu mah me duhi.

- Dumi ba om li, Oskar. Yu he samaji ke yu sal morti, bikos yu es muy intele boy. Bat yu bu he samaji ke yu bu es sole wan kel morti. Oli morti. Yur mata-patra toshi. E me toshi, undey.

- Ya. Bat enikas me pasi avanen.

- Es ver. Yu pasi avanen. Bat ob por ti yu pasi avanen na fakta yu pai pyu raita? Raita fo fogeti om otres ku?

- Me he samaji, Rose mama. Telefoni ba a li.

Walaa, Boh, kontinuusa, kurtem, bikos may handa fatigi por skribi. Rose mama telefoni a hospital kel telefoni a may mata-patra kel lai a Rose-mama-ney dom e nu festi Kristajanma pa hunta. Wen mata-patra lai, me shwo a li:

J'ai haussé les épaules mais j'étais déjà un peu moins en colère. Mamie-Rose m'a fait un deuxième chocolat chaud.

- Tu sais, Oscar. Tu vas mourir, un jour. Mais tes parents, ils vont mourir aussi.

J'étais étonné par ce qu'elle me disait. Je n'y avais jamais pensé.

- Oui. Ils vont mourir aussi. Tout seuls. Et avec le remords terrible de n'avoir pas pu se réconcilier avec leur seul enfant, un Oscar qu'ils adoraient.

- Dites pas des choses comme ça, Mamie-Rose, ça me fout le cafard.

- Pense a eux, Oscar. Tu as compris que tu allais mourir parce que tu es un garçon très intelligent. Mais tu n'as pas compris qu'il n'y a pas que toi qui meurs. Tout le monde meurt. Tesparents, un jour. Moi, un jour.

- Oui. Mais enfin tout de même, je passe devant.

- C'est vrai. Tu passes devant. Cependant estce que, sous prétexte que tu passes devant, tu as tous les droits ? Et le droit d'oublier les autres ?

- J'ai compris, Mamie-Rose. Appelez-les.

Voilà, Dieu, la suite, je te la fais brève parce que j'ai le poignet qui fatigue. Mamie-Rose a prévenu l'hôpital, qui a prévenu mes parents, qui sont venus chez Mamie-Rose et on a tous fêté Noel ensemble.

отпраздновали Рождество вместе. Когда приехали мои родители, я сказал им:

-- Простите меня, я забыл, что вы тоже однажды умере.

Может, эта фраза их раскрепостила, не знаю, но только они снова стали прежними, и мы провели прекрасную рождественскую ночь. На десерт Розовая мама захотела посмотреть по телевизору праздничную службу и записанный на кассете матч по кетчу. Она сказала, что вот уже много лет она перед мессой смотрит какой-нибудь матч, чтобы поставить себя на ноги; это привычка, которая ей доставляет удовольствие. В результате мы все смотрели поединок, который она выбрала на сей раз. Было классно. Мэфиста против Жанны д'Арк. Купальник против кирасы! Славные бабенки! Как сказал папа, который стал совершенно красным; кажется, ему очень понравился кетч. Количество нанесенных ими ударов по лицу невообразимо. В подобной битве я бы уже тысячу раз умер. Вопрос тренированности, -- сказала мне Розовая мама. Чем больше ударов по лицу ты получаешь, тем больше ты можешь получать их впредь. Всегда надо надеяться на лучшее. В результате победила Жанна д'Арк, хотя поначалу в ее победу трудно было поверить: тебе, наверное, это приятно.

Кстати, с днем рождения тебя, Господи. Розовая мама, которая уложила меня спать в

- Pardonni me, me he fogeti ke yu toshi ve morti undey.

Mogbi sey hi frasa debloki li, me bu jan, bat li snova bikam may gwo-ney mata-patra, e nu mah-pasi magnifike Kristajanma-nocha. Fo deser Rose mama yao kan midnocha-ney mesa pa TV e yoshi un rekorden mach do kech. Ela shwo ke duran mucho yar yo bifoo mesa ela sempre kan koy kech-mach fo manteni swa, es ya abyas ke ela jui. Also nu oli kan batala ke ela he selekti pa sey ves. Se bin super! Mefista kontra Jan de Ark. Swimi-kostum e gaobutas! Magnifike gayarinas! kom ga fa-rude-ney patra shwo; sembli ke ta pri kech gro. Namba de darba ke li he fai an fas, it es ya bukredibile. Me selfa wud morti sto ves duran simile batala. Es kwesta de treininesa, Rose mama shwo. Kem pyu fas-darba yu pai, tem pyu yu mog pai li. Gai sempre kipi nada. Pa fin Jan de Ark hi jiti, obwol verem oni bu mog-te kredi se pa beginsa: shayad yu joi por se.

Apropoo, hao janmadey a yu, Boh. Rose mama pon me inu kama de swa-ney zuy-yash-ney son

Quand mes parents sont arrivés, je leur ai dit :

- Excusez-moi, j'avais oublié que, vous aussi, un jour, vous alliez mourir.

Je ne sais pas ce que ça leur a débloqué, cette phrase, mais après, je les ai retrouvés comme avant et on a passé une supersoirée de Noël. Au dessert, Mamie-Rose a voulu regarder a la télévision la messe de minuit et aussi un match de catch qu'elle avait enregistré. Elle dit que ça fait des années qu'elle se garde toujours un match de catch a visionner avant la messe de minuit pour se mettre en jambes, que c'est une habitude, que ça lui ferait bien plaisir. Du coup, on a tous regardé un combat qu'elle avait mis de côté. C'était formidable. Méphista contre Jeanne d'Arc! Maillots de bain et cuissardes ! Des sacrées gaillardes ! comme disait papa qui était tout rouge et qui avait l'air d'aimer ça, le catch. Le nombre de coups qu'elles se sont mis sur la gueule, c'est pas imaginable. Moi, je serais mort cent fois dans un combat pareil. C'est une question d'entraonement, m'a dit Mamie-Rose, les coups sur la gueule, plus t'en prends, plus tu peux en prendre. Faut toujours garder l'espoir. Au fait, c'est Jeanne d'Arc qui a gagné, alors que, vraiment, au début on n'aurait pas cru : ça a dû te faire plaisir.

A propos, bon anniversaire, Dieu. Mamie-Rose, qui vient de mecoucher dans le lit de son fils aoné qui était vétérinaire au Congo avec les

постель своего старшего сына -- он ветеринар в Конго, лечит слонов -- подсказала мне, что мое примирение с родителями -- хороший подарок тебе на день рождения. Честно говоря, я-то считаю, что это подарка не заменяет, но раз Розовая мама, старая твоя подружка, так говорит...

До завтра, целую, Оскар

P.S. Забыл сказать желание: пусть мои родители всегда будут, как сегодня. И я тоже. Это было замечательное Рождество, особенно поединок Мефисты с Жанной. Прости, но мессу я не посмотрел, выключил раньше.

Дорогой Бог,

мне минуло шестьдесят, и я плачу по счетам за все допущенные вчера вечером злоупотребления. Не в очень хорошей форме я сегодня. К себе в больницу я вернулся с удовольствием. К старости оно всегда так, путешествия уже не радуют. Желания отсюда уходить больше нет.

Чего я не успел сказать тебе во вчерашнем письме, так это о статуэтке Пегги Блю,

kel es elefanta-leker in Kongo, e shwo ke may rekonsila kun mata-patra es hao janmadey-ney dona fo yur. Me selfa bu opini ke es basta fo dona. Bat si Rose mama to yur lao amigina shwo tak...

Til manya, swasti, Oskar.

P.S. Me fogeti om yaosa: hay may mata-patra sempri resti tal kom sedey pa aksham. E me toshi. Se bin ya gro-hao Kristajanma-festa, sobreolo toy batala inter Mefista e Jan de Ark. Pardonni, me bu kan-te mesa, he mah-of TV pyu ranem.

Kare Boh,

me he pasi yash de sitshi yar, e me pagi pur oli exes do yeri. Me bu sta pa hao forma sedey. Me joi al returni a she me, a hospital. Es sempre tak: pa lao yash oni bu pri safari. Me bu yao chu hospital pyu.

Yeri me bu skribi-te om un kosa: in Rose-mamaney dom on tana sobre sulam me he findi statua-ki de Peggi Blu. Me kasami ya. Exaktem ela hi,

éléphants, m'a suggéré que, comme cadeau d'anniversaire pour toi, c'était très bien, ma réconciliation avec mes parents. Moi, franchement, je trouve ça limite comme cadeau. Mais si Mamie-Rose, qui est une vieille copine à toi, le dit...

A demain, bisous,
Oscar.

P.-S. J'oubliais mon voeu : que mes parents restent toujours comme ce soir. Et moi aussi. C'était un chouette Noel, surtout Méphista contre Jeanne d'Arc. Désolé pour tamesse, j'ai décroché avant.

Cher Dieu,

J'ai soixante ans passés et je paie l'addition pour tous les abus que j'ai faits hier soir. Ça n'a pas été la grande forme aujourd'hui. Ça m'a fait plaisir de revenir chez moi, à l'hôpital. On devient comme ça, quand on est vieux, on n'aime plus voyager. Sûr que je n'ai plus envie de partir.

Ce que je ne t'ai pas dit dans ma lettre d'hier, c'est que, chez Mamie-Rose, sur une étagère, dans l'escalier, il y avait une statue de Peggy

которую я увидел вчера в доме Розовой мамы на полочке, над лестницей. Клянусь тебе. В точности она, из гипса, одежда и кожа -- голубого цвета. Розовая мама считает, что это Дева Мария, твоя мать, как я понял, и объект поклонения для нескольких поколений, живших в этом доме. Она согласилась подарить статуэтку мне. Я поставил ее на столик у изголовья. В любом случае она вернется потом к Розовой маме, раз я ее усыновил.

Пегги Блю чувствует себя лучше. Она приезжала в кресле ко мне с визитом. В статуэтке она себя не узнала, но мы прекрасно провели вместе время. Слушали "Щелкунчика", взявшись за руки, что напомнило нам прекрасное прошлое. Не стану продолжать дольше, потому что ручка, пожалуй, тяжеловата. Здесь все болеют, даже доктор Дюссельдорф -- из-за шоколада, гусиного паштета, жареных каштанов и шампанского, которым родители в массовом порядке угощали лечащий персонал. Мне бы очень хотелось, чтобы ты ко мне пришел.

Целую, до завтра, Оскар

Дорогой Бог,
сегодня мне между семьюдесятью и

aus gipsa, do klaida e derma ambi blu. Rose mama opini ke es Virga Maria to yur mata, segun to ke me he samaji, e obyekta do puja fo oli kel gwo jivi in sey dom, duran pluri generasion. Ela konsenti doni it a me. Me he pon it on tabla-ki bli may kama. Enikas it ve returni a Rose mama, me he ya adopti ela.

Peggi Blu en-sta pyu hao. Ela lai-te fo visiti me in brachastula. Ela bu rekoni swa in statua-ki, bat nu pasi taim ga hao tuhun. Nu audi "Nuta-kreker" al huntan handa, lo kel mah nu remembi om nuy hao pasiwat. Me bu sal rakonti pyu por ke may kalam es idyen grave. Hir oli zai morbi, iven doktor Dusseldorf, por chokolat, gansapastet, rosten kastana e shampanya bay kel janmer de oli kinda ugosti hospitalyuantot. Me wud yao gro ke yu visiti me.

Swasti, til manya, Oskar.

Kare Boh,
sedey me hev inter semshi e otshi yar, e me

Blue. Je te jure. Exactement la même, en plâtre, avec le même visage très doux, la même couleur bleue sur les vêtements et sur la peau. Mamie-Rose prétend que c'est la Vierge Marie, ta mère d'après ce que j'ai compris, une madone héréditaire chez elle depuis plusieurs générations. Elle a accepté de me la donner. Je l'ai mise sur ma table de chevet. De toute façon, ça reviendra un jour dans la famille de Mamie-Rose puisque je l'ai adoptée.

Peggy Blue va mieux. Elle est venue me rendre visite en fauteuil. Elle ne s'est pas reconnue dans la statue mais on a passé un joli moment ensemble. On a écouté Casse-Noisette en se tenant la main et ça nous a rappelé le bon temps. Je te parle pas plus longtemps parce que je trouve le stylo un peu lourd. Tout le monde est malade ici, même le docteur Dusseldorf, a cause des chocolats, des foies gras, des marrons glacés et du Champagne que les parents ont offerts en masse au personnel soignant. J'aimerais bien que tu me rendes visite.
Bisous, a demain,
Oscar.

Cher Dieu,
Aujourd'hui, j'ai eu de soixante-dix a

восьмьюдесятью, и я много о чем передумал. Во-первых, я использовал рождественский подарок Розовой мамы. Не знаю, говорил ли я тебе о нем? Это растение из Сахары, которое всю свою жизнь проживает в один-единственный день. Стоит только зернышко полить водой, как оно дает побег и почки, потом листья, у него появляется цветок и сразу же -- семена, и вот уже растение увядает, сморщивается и -- хоп! -- вечером все уже кончено. Подарок просто гениальный, спасибо тебе, что ты его изобрел. Сегодня утром, в семь часов мы его полили -- я, Розовая мама и мои родители, не помню, сказал я тебе или нет, что родители живут теперь у Розовой дамы, от нее сюда ближе -- и я смог проследить всю его жизнь.

Правда, растение довольно хилое и цветочек - жалкий, уж с баобабом никак не сравнится, но оно мужественно проделало свою работу на наших глазах, в течение одного дня, без остановок. Как настоящее, большое растение.

С Пегги Блю мы долго читали медицинский словарь. Это ее любимая книга. Она увлекается болезнями и все время задает себе вопрос, с какими из них ей придется еще встретиться. А я посмотрел на те слова, которые меня интересуют: "Жизнь", "Смерть", "Вера", "Бог". Хочешь верь, хочешь нет, но их там не было! Заметь, что одно это означает,

mediti-te mucho. Un-nem me utilizi Rose-mama-ney dona. Me bu jan ob me he shwo a yu om it. Es un planta fon Sahara kel jivi ol jiva duran un sole dey. Tuy ke semena pai idyen akwa, it ankuri, poy en-ye lif, poy flor, sun yoshi nove semena, poy it fadi e pa aksham laik hop! olo es finen. Es ya geniale dona, danke por ke yu he inventi it.

Sedey pa sabah nu arosi it, nu oli, to es me, Rose mama e may mata-patra kel - me bu remembi ob me he shwo a yu om se o non - jivi nau she Rose mama por ke es meno dalem, e me pai observi-sekwi it-ney tote jiva.

Sertem sey planta es aika magre e suy flor es kelkem shma-ney, it ga bu simili baobaba, bat it he zwo ya bravem ol dao de planta bifoo nu duran un dey, sin stopi, kom vere gran planta.

Kun Pegg Blu nu lekti-te lexikon de medisina. Es elay zuy pri-ney kitaba. Ela fai interes om diverse morba e oltaim kwesti swa, kwel de li ela ve mog hev in futur. E me probi findi wordas om kel me selfa fai interes: "Jiva", "Morta", "Kreda", "Boh". Yu mog kredi o bu kredi, enikas li dar yok! Merki ba, amini se pruvi ke nul de li es morba - ni jiva, ni morta, ni kreda, ni yu. Es, pyu-nem, hao habar. Yedoh tal gambir kitaba

quatrevingts ans et j'ai beaucoup réfléchi. D'abord, j'ai utilisé le cadeau de Mamie-Rose pour Noël. Je ne sais pas si je t'en avais parlé ? C'est une plante du Sahara qui vit toute sa vie en un seul jour. Sitôt que la graine reçoit de l'eau, elle bourgeonne, elle devient tige, elle prend des feuilles, elle fait une fleur, elle fabrique des graines, elle se fane, elle se raplatit et, hop, le soir c'est fini. C'est un cadeau génial, je te remercie de l'avoir inventé. On l'a arrosée ce matin a sept heures, Mamie-Rose, mes parents et moi -au fait, je ne sais si je t'ai dit, ils habitent en ce moment chez Mamie-Rose parce que c'est moins loin -et j'ai pu suivre toute son existence. J'étais ému.

C'est sûr qu'elle est plutôt chétive et riquiqui comme fleur -elle n'a rien d'un baobab mais elle a fait bravement tout son boulot de plante, comme une grande, devant nous en une journée, sans s'arrêter.

Avec Peggy Blue, on a beaucoup lu le Dictionnaire médical. C'est son livre préféré. Elle est passionnée par les maladies et elle se demande lesquelles elle pourra avoir plus tard. Moi, j'ai regardé les mots qui m'intéressaient : «Vie», «Mort», «Foi», «Dieu». Tu me croiras si tu veux, ils n'y étaient pas ! Remarque, ça prouve déjà que ce ne sont pas desmaladies, ni la vie, ni la mort, ni la foi, ni toi. Ce qui est plutôt une

что ни жизнь, ни смерть, ни вера, ни ты -- не болезни. Новость, скорее хорошая. Но ведь в достаточно серьезной книге должны же быть ответы на самые серьезные вопросы, а?

-- Розовая мама, мне кажется, в медицинском словаре имеются только частные случаи, проблемы, с которыми может встретиться тот или другой человек. Но нет того, что касается всех -- Жизнь, Смерть, Вера, Бог.

-- Наверное, лучше было бы взять философский словарь, Оскар. Однако, если даже ты найдешь в нем понятия, которые ищешь, тебя скорее всего ждет разочарование: ответов и толкований множество, и они разные.

-- Как такое может быть?

-- Самые интересные вопросы остаются вопросами. В них содержится тайна. К каждому ответу следует всегда добавлять "возможно". Только мало значительные вопросы имеют окончательные ответы.

-- Вы хотите сказать, что у "Жизни" нет решения?

-- Я хочу сказать, что у "Жизни" -- множество решений, а, следовательно, нет единого решения.

-- А я думаю, Розовая мама, что единственное решение у жизни -- это жить.

Зашел к нам доктор Дюссельдорф. Он по-прежнему похож на побитую собаку, что в сочетании с огромными черными бровями

mus ya hev jawaba fo zuy gambir kwesta, non?

- Rose mama, sembli a me ke in lexikon de medisina ye sol partikulare kasu to problema kel mog trefi un jen o otre jen. Bat kosas kel gwansi nu oli, li yok: Jiva, Morta, Kreda, Boh.

- Treba shayad pren lexikon de filosofia, Oskar. Yedoh, iven si yu findi ti yu shuki na nosion, yu mog bi nosantush. Ye mucho farke jawaba to explika fo kada nosion.

- Komo es posible?

- Kwesta do zuy gran interes, li sempre resti kwesta hi. Ye misteria in li. Oni mus adi "mogbi" a kada jawaba. Sol bumuhim kwesta mog hev fin-ney jawaba.

- Ob yu yao shwo ke "Jiva" bu hev resolta?

- Me yao shwo ke "Jiva" hev pluri resolta, ergo nul un resolta.

- E me, me dumi ke sole resolta fo jiva es tu jivi.

Doktor Dusseldorf lai a nu. Ta haishi aspekti kom baten dogo, lo kel mah ta yoshi pyu expresive, osobem kun ta-ney swate brovas.

bonne nouvelle. Pourtant, dans un livre aussi sérieux, il devrait y avoir des réponses aux questions les plus sérieuses, non ?

- Mamie-Rose, j'ai l'impression que, dans le Dictionnaire médical, il n'y a que des trucs particuliers, des problèmes qui peuvent arriver à tel ou tel bonhomme. Mais il n'y a pas les choses qui nous concernent tous : la Vie, la Mort, la Foi, Dieu.

- Il faudrait peut-être prendre un Dictionnaire de philosophie, Oscar. Cependant, même si tu trouves bien les idées que tu cherches, tu risques d'être déçu aussi. Il propose plusieurs réponses très différentes pour chaque notion.

- Comment ça se fait ?

- Les questions les plus intéressantes restent des questions. Elles enveloppent un mystère. A chaque réponse, on doit joindre un «peut-être». Il n'y a que les questions sans intérêt qui ont une réponse définitive.

- Vous voulez dire qu'à «Vie», il n'y a pas de solution ?

- Je veux dire qu'à « Vie », il y a plusieurs solutions, donc pas de solution.

- Moi, c'est ce que je pense, Mamie-Rose, il n'y a pas de solution à la vie sinon vivre.

Le docteur Dusseldorf est passé nous voir. Il trainait son air de chien battu, ce qui le rend encore plus expressif, avec ses grands sourcils

делает его внешность весьма выразительной.

-- А вы причёсываете брови, доктор Дюссельдорф? -- спросил я.

Он огляделся в изумлении, как будто спрашивал у Розовой мамы, у моих родителей, не ослышался ли он. Кончилось тем, что он ответил "да" сдавленным голосом.

-- Смените выражение лица, доктор Дюссельдорф. Послушайте, я буду говорить абсолютно откровенно, потому что я всегда был исполнительным в отношении лекарств, а вы были безупречны по отношению к болезни. Оставьте ваши виноватые интонации. Не ваша вина, если вы должны сообщать людям дурные вести о болезнях с латинскими названиями и о невозможности исцеления. Расслабьтесь, сгоните заботу с лица. Вы не Бог-отец. Не вы управляете природой. Вы только ремонтируете. Отрешитесь, умерьте напряжение, не берите на себя больше, чем можете взять, иначе вы долго на вашем месте не протянете. Посмотрите на себя.

Слушая меня, доктор Дюссельдорф разинул рот так, словно должен проглотить яйцо. Потом он улыбнулся настоящей улыбкой и меня поцеловал.

-- Ты прав, Оскар. Спасибо, что мне это сказал.

-- Не за что, доктор. К вашим услугам. Заходите, когда захотите.

- Ob yu kangi yur brovas, doktor Dusseldorf? - me kwesti.

Ta kan sirkum al fa-astoni, kom si ta yao kwesti Rose mama e may mata-patra ob ta he misaudi. Pa fin ta shwo "ya" pa tufen vos.

- Shanji ba myen, doktor Dusseldorf. Audi ba, me sal shwo ga sinserem, bikos me he sempre bi obedishil om farmak e yu he sempre bi perfekte om morba-leking. Stopi ba aspekti kulpa-nem. Bu es yur kulpa si yu majbur anuksi a jenta buhao habar om morba do latine nam e do nopossible haila. Laxifi ba, sinkuydifi ba. Yu bu es Boh to Patra. Yu bu ruli natura. Yu sol fai repara. Depresi pedal, doktor Dusseldorf, mah-wek tensa e bye pren tro responsa an swa, otrekas yu bu ve mog fai sey profesion duran longtaim. Kan ba an swa.

Al audi me, doktor Dusseldorf ofni muh kom si ta sal gloti ovo. Poy ta smaili pa un vere smaila e kisi me.

- Yu es prav, Oskar. Danke por shwo se a me.

- Bu dankival, doktor. May hi plesir. Lai ba wen unkwe yu yao.

noirs.

- Est-ce que vous vous coiffez les sourcils, docteur Dusseldorf? j'ai demandé.

Il a regardé autour de lui, très surpris, il avait l'air de demander à Mamie-Rose, à mes parents, s'il avait bien entendu. Il a fini par dire oui d'une voix étouffée.

- Faut pas tirer une tête pareille, docteur Dusseldorf. Écoutez, je vais vous parler franchement parce que moi, j'ai toujours été très correct sur le plan médicament et vous, vous avez été impeccable sur le plan maladie. Arrêtez les airs coupables. Ce n'est pas de votre faute si vous êtes obligé d'annoncer des mauvaises nouvelles aux gens, des maladies aux noms latins et des guérisons impossibles. Faut vous détendre. Vous décontracter. Vous n'êtes pas Dieu le Père. Ce n'est pas vous qui commandez à la nature. Vous êtes juste réparateur. Faut lever le pied, docteur Dusseldorf, relâcher la pression et pas vous donner trop d'importance, sinon vous n'allez pas pouvoir continuer ce métier longtemps. Regardez déjà la tête que vous avez.

En m'écoutant, le docteur Dusseldorf avait la bouche comme s'il gobait un oeuf. Puis il a souri, un vrai sourire, et il m'a embrassé.

-Tu as raison, Oscar. Merci de m'avoir dit ça.

-De rien, docteur. À votre service. Revenez quand vous voulez.

Вот, Господи. Зато твоего визита я
продолжаю ждать. Приди. Не сомневайся.
Заходи, даже если у меня будет народ в это
время. Я, правда, буду очень рад.

До завтра, целую, Оскар

Walaa, Boh. Yedoh den yur visita me haishi zai
weiti ya. Lai ba. Bye hesiti. Zin ba iven si ye
mucho jenta she me. Me ve joi pa veritaa.
Til manya, swasti, Oskar.

Voila, Dieu. Toi, par contre, j'attends toujours ta
visite. Viens. N'hésite pas. Viens, même si j'ai
beaucoup de monde en ce moment. Ça me ferait
vraiment plaisir.

A demain, bisous,
Oscar.

Дорогой Бог,
Пегги Блю уехала. Вернулась к себе
домой, к родителям. Я не идиот, и знаю, что
никогда больше ее не увижу. Не стану
больше писать, потому что мне очень
грустно. Мы вместе прожили целую жизнь,
Пегги и я, а теперь я совсем один, лысый, в
старческом слабоумии и уставший лежать в
своей кровати. Как отвратительна старость.

Сегодня я больше не люблю тебя.

Оскар

Kare Boh,
Peggi Blu es wek. Ela he returni a dom, a mata-
patra. Me bu es idiota, me jan ke me ve vidi ela
neva. Me bu sal skribi pyu bikos me grivi gro.
Nu he jivi tote jiva pa hunta, Peggi e me, e nau
me sta ga sole, kalve, lao, feble-menta-ney e
fatige in may kama. Es ya nafra-ney laotaa.
Sedey me bu lubi yu pyu.

Oskar

Cher Dieu,
Peggy Blue est partie. Elle est rentrée chez ses
parents. Je ne suis pas idiot, je sais très bien que
je ne la reverrai jamais.

Je ne t'écrirai pas parce que je suis trop triste.
On a passé notre vie ensemble, Peggy et moi, et
maintenant je me retrouve seul, chauve, ramolli,
et fatigué dans mon lit. C'est moche de vieillir.

Aujourd'hui, je ne t'aime plus.
A demain, bisous,
Oscar.

Дорогой Бог,
благодарю за то, что ты пришел. Ты
точно выбрал момент, потому что со мной не
все благополучно. Возможно, ты обиделся на

Kare Boh,
danke por ke yu he lai. Yu he selekti yus-ney
momenta, bikos me bu sta-te hao. Mogbi yoshi
yu fa-vexi-te por may yeri-ney leta...

Cher Dieu,
Merci d'être venu.
T'as choisi pile ton moment parce que j'allais pas
bien. Peut-être aussi que tu étais vexé a cause de

мое вчерашнее письмо...

Когда я проснулся, то подумал, что мне уже девяносто лет, и повернул голову к окошку -- посмотреть на снег. И тогда я угадал, что ты пришел. Было утро. Я был один на Земле. Было так рано, что птицы еще спали, и даже ночная сиделка мадам Дюкрю давала храпока. Ты же пытался устроить рассвет. Тебе было трудно, но ты настаивал. Небо бледнело. Ты вдвухвал в воздух белое, серое, голубое, заталкивал ночь, возвращал мир к жизни. И не прекращал ни на минуту. И тогда я понял разницу между тобой и нами: ты парень неутомимый! Ты не устаешь. Всегда за работой! И вот вам день! И вот вам ночь! Теперь весна! Теперь зима! А вот Пегги Блю! А вот Оскар! И Розовая мама! Какое здоровье! Я понял, что ты здесь. Что ты раскрыл мне свой секрет: смотри всегда на мир так, будто это в первый раз. Тогда я последовал твоему совету и приложил старание. Впервые. Я созерцал свет, краски, деревья, птиц, животных. Я ощущал воздух ноздрями, я вдыхал его. Слышал голоса в коридоре, как будто под сводами собора. Чувствовал, что живу. И дрожал от чистой радости. Счастье бытия. Я был восхищен. Спасибо, Господи, что сделал это для меня. Мне казалось, ты взял меня за руку и ведешь в самое сердце тайны -- созерцать тайну. Благодарю.

До завтра, целую, Оскар

P.5. Мое желание: можешь ли ты сделать то

Al en-jagi me dumi ke me hev yo ninshi yar, e me turni kapa versu winda fo kan snega. Ewalaa dan me gesi ke yu he lai. Fa-savera. Me es sole pa Arda. Es tanto rane ke faula haishi somni, e iven madam Dukru to nochanana zai fai kraping. E yu, yu zai trai zwo suryachu. Es aika mushkile bat yu eforti for. Skay fa-pale. Yu fuki inu aira lo blan, lo grey e lo blu, yu mah nocha wek, yu rijivisi munda. Yu bu stopi. Ewalaa dan me en-samaji farka inter yu e nu: yu es sinfatige wan! Toy wan kel neva kwiti gun. Walaa dey! Walaa nocha! Walaa vesna! Walaa hima! Walaa Peggi Blu! Walaa Oskar! Walaa Rose mama! Kwel sanitaa!

Me en-samaji ke yu es hir. Ke yu he reveli a me yur sekret: kan munda kada dey kom si es pa un-ney ves.

Dan me sekwi yur konsila e eforti gro. Pa un-ney ves. Me kontempli luma, kolor, baum, faula, animal. Me senti aira kel pasi tra may nosdun e lasi me spiri. Me audi vos in koridor kom si sub wolba de katedral. Me senti ke me jivi. Me tremi-ki por pure joisa.

Felisitaa de exista. Me sta pa admira. Danke, Boh, por ke yu he zwo se fo me. Sembli-te a me ke yu pren may handa e zai gidi me inu kordia de misteria fo kontempli misteria. Danke. Til manya, swasti, Oskar.

P.S. May yaosa: ob yu mog fai same kosa do un-

ma lettre d'hier...

Quand je me suis réveillé, j'ai songé que j'avais quatre-vingt-dix ans et j'ai tourné la tête vers la fenêtre pour regarder la neige. Et la, j'ai deviné que tu venais. C'était le matin. J'étais seul sur la Terre. Il était tellement tôt que les oiseaux dormaient encore, que même l'infirmière de nuit, Madame Ducru, avait dû piquer un roupillon, et toi tu essayais de fabriquer l'aube. Tu avais du mal mais tu insistais. Le ciel pâlisait. Tu gonflais les airs de blanc, de gris, de bleu, tu repoussais la nuit, tu ravivais le monde. Tu n'arrêtais pas. C'est la que j'ai compris la différence entre toi et nous : tu es le mec infatigable ! Celui qui ne se lasse pas. Toujours au travail. Et voila du jour ! Et voila de la nuit ! Et voila le printemps ! Et voila l'hiver ! Et voila Peggy Blue ! Et voila Oscar ! Et voila Mamie-Rose ! Quelle santé ! J'ai compris que tu étais la. Que tu me disais ton secret : regarde chaque jour le monde comme si c'était la première fois. Alors j'ai suivi ton conseil et je me suis appliqué. La première fois. Je contemplais la lumière, les couleurs, les arbres, les oiseaux, les animaux. Je sentais l'air passer dans mes narines et me faire respirer. J'entendais les voix qui montaient dans le couloir comme dans la voûte d'une cathédrale. Je me trouvais vivant. Je frissonnais de pure joie. Le bonheur d'exister. J'étais émerveillé. Merci, Dieu, d'avoir fait ça pour moi. J'avais l'impression que tu me prenais par la main et que tu m'emmenais au coeur du mystère contempler le mystère. Merci.

же самое (взглянуть, как в первый раз) для моих родителей? Розовая мама, думаю, через это уже прошла. А вот для Пегги тоже хотелось бы, если у тебя будет время.

ney-ves-ney kansa yoshi an may mata-patra?
Rose mama shayad he yo anubavi se. E poy
yoshi an Peggi, si yu hev taim...

A demain, bisous,
Oscar.

P.-S. Mon voeu : est-ce que tu peux refaire le coup de la première fois a mes parents ? Mamie-Rose je crois qu'elle connaot déjà. Et puis Peggy, aussi, si tu as le temps...

Дорогой Бог,

мне стукнуло сто. Я много сплю, но чувствую себя хорошо. Пытался объяснить родителям, что жизнь -- странный дар. Вначале мы его переоцениваем: думаем, что получили в вечное пользование. Затем недооцениваем, находя жизнь слишком короткой и несовершенной, и чуть ли не готовы от нее отказаться. Наконец, осознаем, что это был вовсе не дар, а только кредит. И тогда пытаемся его заслужить. Мне сто лет, и я знаю, о чем говорю. Чем ты старше, тем лучше должен быть твой вкус, чтобы оценить жизнь.

Ты должен сделаться рафинированным, артистичным. Любой кретин может наслаждаться жизнью в десять или в двадцать лет, но в сто лет, когда и двигаться уже не можешь, необходимо использовать свой интеллект. Не знаю, убедил ли я их.

Навести их. Работа окончена. Я немного

Kare Boh,

sedey me hev sto yar. Kom Rose mama. Me somni mucho bat me senti swa hao. Me trai-te expliki a mata-patra ke jiva es ya kuriose dona. Un-nem oni sobrealori it: oni kredi ke oni he pai it fo sempre. Poy oni subvalori it, por ke oni dumi ke it es tro kurte e noperfekte, oni es hampi tayar fo rejekti it. Pa fin oni en-samaji ke it bu bin dona bat sol lon. Also oni trai meriti it. Me hev sto yar, me jan to ke me shwo. Kem pyu yash-ney oni bikam, tem pyu hao gusta oni mus hev fo valori jiva.

Oni gai bikam faine, artistalik. Kada idiota mog jui jiva al yash de shi o dwashi yar, bat al yash de sto yar, wen oni bu mog iven muvi, treba ya yusi intelitaa. Me bu jan ob me he shwofu li.

Visititi ba li. Gunsu es finen. Me sta idyen fatigue. Til manya, swasti,
Oskar.

Cher Dieu,

Aujourd'hui j'ai cent ans. Comme Mamie-Rose. je dors beaucoup mais je me sens bien. J'ai essayé d'expliquer a mes parents que la vie, c'était un drôle de cadeau. Au départ, on le surestime, ce cadeau : on croit avoir reçu la vie éternelle. Après, on le sous-estime, on le trouve pourri, trop court, on serait presque prêt a le jeter. Enfin, on se rend compte que ce n'était pas un cadeau, mais juste un prêt. Alors on essaie de le mériter. Moi qui ai cent ans, je sais de quoi je parle. Plus on vieillit, plus faut faire preuve de goût pour apprécier la vie. On doit devenir raffiné, artiste. N'importe quel crétin peut jouir de la vie a dix ou a vingt ans, mais a cent, quand on ne peut plus bouger, faut user de son intelligence. Je ne sais pas si je les ai bien convaincus. Visite-les. Finis le travail. Moi je fatigue un peu.

A demain, bisous,
Oscar.

устал. До завтра, целую,
Оскар

Дорогой Бог,
сто десять лет. Уж очень много. Думаю,
что начинаю умирать.
Оскар

Kare Boh,
me hev sto-shi yar. Tro mucho. Me dumi ke me
en-morti.
Oskar

Cher Dieu,
Cent dix ans. Ça fait beaucoup. Je crois que je
commence a mourir.
Oscar.

Дорогой Бог,
мальчик умер.
Теперь я по-прежнему останусь Розовой
дамой, но никогда больше не буду Розовой
мамой. Я была ею только для Оскара. Угас за
полчаса сегодня утром, пока мы с его
родителями отлучились, чтобы выпить кофе.
Он сделал это без нас. Думаю, специально
выбрал момент, дабы нас пощадить. Как
будто хотел уберечь от горя при виде его

Kare Boh,
syao boy he mortu.
Me ve resti rose dama, bat me ve neva bi Rose
mama. Me bin ta sol fo Oskar. Lu he fadi sedey
pa sabah, duran haf-ora, al ke luy mata-patra e
me es wek fo pi tasa kahwa. Lu he zwo se sin nu.
Me dumi ke lu weiti-te fo tal momenta fo rahimi
nu. Kom si lu yao-te mah nu eviti griva de vidi
luy desapare. Pa fakta lu hi wahti-te nu.

Cher Dieu,
Le petit garçon est mort.
Je serai toujours dame rose mais je ne serai plus
Mamie-Rose. Je ne l'étais que pour Oscar. Il s'est
éteint ce matin, pendant la demi-heure où ses
parents et moi nous sommes allés prendre un
café. Il a fait ça sans nous. Je pense qu'il a
attendu ce moment-la pour nous épargner.
Comme s'il voulait nous éviter la violence de le
voir disparaître. C'était lui, en fait, qui veillait

ухода. Фактически он дежурил возле нас, а не мы возле него. У меня на сердце тяжело, у меня на душе тяжело. Там живет Оскар, и я не могу его забыть. Надо бы повременить со слезами до вечера, потому что я не хочу сравнивать свою боль с неутолимой печалью его родителей. Спасибо, что познакомил меня с Оскаром. Благодаря ему я была забавной, придумывала всякие небылицы, оказалась даже знатоком кетча. Он помог мне верить в тебя. Я полна любви, она сжигает меня, он столько дал мне, что этого хватит на многие годы вперед.

До скорого, Розовая мама

P.S. В последние три дня Оскар вывесил плакат над своим столиком в изголовье. Думаю, он касается тебя. Там было написано: "Только Богу дано право меня разбудить".

2002 год

Me sta mushkile pa kordia, mushkile pa atma. Oskar jivi dar, e me bu mog fogeti lu. Treba ya kipi larma til aksham, por ke me bu yao kompari may tunga kun duhaful griva de luy mata-patra.

Danke por mah me en-koni Oskar. Dank a lu me bin drole, he inventi fabula e iven fa-reveli bi kech-spesialista. Lu helpi-te me kredi in yu. Me es fule de luba, it jal inen me, lu he dai a me tanto luba ke it ve sufi fo mucho lai-she yar.

Til rivida,
Rose mama.

P.S. Duran laste tri dey Oskar hev un afisha-ki fixen sobre tabla bli swa-ney kama. Me dumi ke it gwansi yu. Ye skribitura on it: "Sol Boh hev raita de jagisi me".

Fin

sur nous.
J'ai le coeur gros, j'ai le coeur lourd, Oscar y habite et je ne peux pas le chasser. Il faut que je garde encore mes larmes pour moi, jusqu'a ce soir, parce que je ne veux pas comparer ma peine a celle, insurmontable, de ses parents.

Merci de m'avoir fait connaitre Oscar. Grâce a lui, j'étais drôle, j'inventais des légendes, je m'y connaissais même en catch. Grâce a lui, j'ai ri et j'ai connu la joie. Il m'a aidée a croire en toi. Je suis pleine d'amour, ça me brûle, il m'en a tant donné que j'en ai pour toutes les années a venir.

P.-S. Les trois derniers jours, Oscar avait posé une pancarte sur sa table de chevet. Je crois que cela te concerne. Il y avait écrit : « Seul Dieu a le droit de me réveiller. »

A bientôt,
Mamie-Rose.
FIN

